

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Автопортрет. ИЗБРАННОЕ

Тициан
ТАБИДЗЕ
избранное

Тициан ТАБИДЗЕ

Автопортрет

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ**

**КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВСЕМИРНОЕ СЛОВО»
Санкт-Петербург
1995**

Составитель — *Илья Дадашидзе*
Ответственный редактор — *Наталья Соколовская*
Вступительная статья — *Галина Цурикова*
Редактор — *Лилия Николаева*
Оформление обложки — *Галина Лапшова*

Книга подготовлена Главной редакционной коллегией
по переводу и литературным взаимосвязям
при Союзе писателей Грузии (Тбилиси)

Финансирование издания осуществлено Грузинским землячеством
Санкт-Петербурга «Иверия»
(председатель — *Б.Д.Какабадзе*)

ISBN 5-86442-012-3

© «Всемирное слово», 1995.
© Составитель — Илья Дадашидзе.
© Вступительная статья — Галина Цурикова.
© Оформление — Галина Лапшова.

Долго шла эта книга к читателю. Из другой жизни, можно сказать.

В конце восьмидесятых годов, в Тбилиси, она была подготовлена к изданию Главной редакционной коллегией по переводу и литературным взаимосвязям при Союзе писателей Грузии. Потом случилось 9 апреля 1989 года. Потом убийственная зима 1991—92 годов.

Но рукопись книги уцелела в пожарах и не затерялась в войнах. Ее сохранили добрые руки.

Книга эта уникальна, ведь в страшное наше время она все-таки появилась на свет, самым фактом своего существования — своей созидательной духовной энергией — преодолела расстояние боли, пролежавшее между Грузией и Россией, и подтвердив тем самым: есть вечный Дух, и в Нем мы едины.

Книга Тициана, вышедшая как раз к его столетию, замечательна еще и тем, что в ней, как в куске драгоценной породы — стебли растений, запечатлелся труд нескольких поколений русских поэтов-переводчиков.

Книга избранного Т. Табидзе вышла не в Тбилиси, а в петербургском издательстве «Всемирное слово». Однако событие это стало возможным благодаря Грузинскому землячеству в Петербурге «Иверия» и его председателю Бадри Какабадзе.

И сам факт издания этой книги стал фактом торжества Поэзии над злобой дня. Ведь было же сказано поэтом:

*Что же, дважды будем живы.
Двух невероятных стран
Речь и речь нерасторжимо,
Как Борис и Тициан.*

Портрет Т.Табидзе работы Кирилла Зданевича. 1916 г.

ПЕПЕЛ РАССВЕТА

Слову в поэзии свойственна множественность смысловых оттенков.

Неисчерпаемость душевных глубин ощутима всегда, хотя может быть не всегда понятна. Это стихия загадочная и для самого поэта. Так Тициан Табидзе признавался неоднократно: не я пишу стихи, они, возникая произвольно, заполняют жизнь, ее «как повесть, пишут». Он — только голос, мелодия приходит извне. Кто я? Что я? — «...смычок таинственный... А кто-то бурю провидит в строчке».

Один из первых переводчиков Тициана Табидзе — Николай Тихонов — в его стихах отмечал ощущение «очень больших пространств», однако было бы точнее, наверное, сказать об очень емком «пространстве» внутреннем — о пространстве души, не то чтобы уловимом, скорее отмеченном вехами образов-слов.

Едва ли случайно лучшие из переводов (пастернаковские) больше напоминают своего рода фантазии — подобные музыкальным — на темы Тициана Табидзе. Они то почти буквально передают образный строй оригинала («Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...»), то уводят довольно далеко от истока, сохраняя только лирическое настроение, общий дух, образы-вехи («Иду со стороны черкесской...»).

Неугасающий интерес переводчиков, и теперешних, молодых, видимо, подогревается той же возможностью выразить по-своему нечто, мелькнувшее в глубине, может быть, не всегда понятного, но таинственно поэтичного текста. Нечто не подмеченное другими.

Близко знавший поэта Борис Пастернак в стихотворении, ему посвященном, подчеркивал эту присущую Тициану Табидзе недовыявленность, недовысказанность, обещание:

*Он в глыбе поселен,
Чтоб в тысяче градаций
Из каменных пелен
Все явственней рождаться.*

*Свой непомерный дар
Едва, как свечку, тепла,
Он — пира перегар
В рассветном сером пепле.*

Не только свойства личности помешали ему использовать в полной мере свой непомерный дар. «Недопроявленность» поэтической ткани — это и следствие места-времени (хронотопа), доставшегося поэту. Так сказать, свойство исторического пространства, глушившего тоны трагического регистра, предпочитая им звучное славословье. И надо ли объяснять, что поэты вынуждались платить эту дань. Тициан Табидзе тоже платил, сохраняя, сколь было возможно, чувство собственного достоинства. Не тем он, однако же, интересен. А тем, что вопреки всем обстоятельствам попытался поэтически выразить дух высокой трагедии, отголоски которой и сегодня звучат. И даже с нарастающей силой.

Будучи глубоко национальным поэтом, он, в силу своей незаурядной восприимчивости, не замкнулся в пределах размытых кавказских границ, вынес пережитое им из круга мелкой житейской тщеты в пространства, неподвластные времени. Поэтому и сегодня — к столетию своему — он остался творцом современным, чье слово звучит не просто лирически живо, но так же, как в пору для нас уже историческую, напряженно и остро, болезненно откликаясь на трагическую симфонию наших дней. Он из тех поэтов, которые нутром, что называется, ощущали как прошлые, так и грядущие тектонические толчки истории, в разгар торжества и пира предвкушая мучительный перегар предрассветного пепла, предчувствуя гибельную стихию и, как он сам говорил, «присутствуя на собственных похоронах». Внутренним взором проникая в то, чему не будет свидетелей, он видел и жаркое беспощадное солнце, и как оно мертвым негremium шаром застынет над его безымянной могилой.

Как ни странно, сознание трагедийности бытия Тициану Табидзе присуще было, можно сказать, изначально, хотя жизнь его протекала благоприятно: детские годы были согреты домашним теплом и заботами близких, юность сопровождалась удачами и успехом. В семье деревенского священника, умного и образованного, он был любимейшим из пяти-рех детей; учиться в классической кутаисской гимназии, а затем и в Московском университете смог благодаря материальной помощи состоятельной материнской родни; гимназиста — его уже ценили и как поэта, охотно печатали в городской кутаисской газете. Эти стихи — в переводе А. Кушнера — впервые звучат по-русски. Вокруг него рано образовалась дружелюбная поэтическая среда: основа знаменитой литературной группы «Голубые роги» — бывшие кутаисские гимназисты во главе с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили. Впоследствии он был счастлив как в дружбе, так и в семейной жизни. Однако причем тут поэзия?

И ранние, гимназические стихи Табидзе уже отличает меланхолическое звучание. Мотивы «духовного сиротства» и «бренности бытия», сетование на жестокость, уродство жизни, мысли о смерти, наивная игра в «демонизм» и полудетская вера в то, что поэт сам — кузнец и властитель своего счастья, жажда бессмертия — хоть бы поэтического! Все это можно рассматривать и как следствие усердного чтения — русской и французской (в русском же, предпочтительно Брюсовском переводе) поэзии символистов. Но чувства — живые, исток меланхолии не заемный. Са-

мое обращение к «чужой» литературной стихии было в большой мере попыткой вырваться из тяготящего, удушающего застоя, из беспробудного провинциального быта, гнетущего и пустого.

Признаемся, что «серебряный век» поэзии, для которого найдено столько восторженных слов, не был все же порою духовного взлета. Это было время жестоких разочарований — десятилетие между двух революций. И не только в Кутаисе случилось много молодежных самоубийств. Настроение — между тоской и протестом. Тоска все больше принимала поэтические формы, протест — националистические и революционные. Поэзия «ближнего» и «дальнего» зарубежья отчасти отвлекала, отчасти же восполняла нечто недостающее в жизни, давала энергию жить. Это была, как теперь говорят, «другая реальность», уводящая от тошнотворного «быта».

Конечно, он был человек начитанный, «книжный», с детства знал наизусть грузинскую Библию, увлекался историей, и все же нельзя не заметить, что «литературные» образы в его стихах с каждым годом все больше обрастали плотью, перекликаясь с реальностью бытия. И вычитанная у французского поэта Лотреамона «Жаба» отзывалась из родимых орпирских болот, а мифическая Медея — дочь царя Аэта, увезенная из Колхиды Язоном, преданная им, — реальна, как множество женщин, поныне носящих это имя в родной округе; святая Нина, приносящая в Грузию христианство — «одна из множества Нин». Города и герои времен романтической Халдеи, таинственной Киммерии — это поэтические образы его реальной прародины. Они, как теперь бы сказали, генетически узнаваемы. По сути это в большей степени поиск себя самого, своих духовных корней, чем искание некой исторической истины. Обращение к прошлому у Табидзе отнюдь не декоративно и меньше всего познавательно. Это все тот же уход от «быта» в мир поэтических символов. От ненавистного быта. Цикл стихов «Города Халдеи» — своего рода литературный манифест, трактат об «искусстве поэзии», — той «новой», ломающей все привычные каноны поэзии, где мифы и древность соседствуют с современностью, а имена старинных грузинских поэтов и поэтов Востока мирно уживаются с «экзотичными» именами Оскара Уайльда и Малларме, Верхарна и Артюра Рембо, Бодлера с его «Цветами зла», Верлена, Эредиа...

Студенчество, как он сам признавался, время, когда не стесняются романтической непосредственности.

Москву Тициан Табидзе воспринял как поэтическую столицу: здесь царило искусство начала XX века. С русскими символистами завязывались знакомства: с Бальмонтом, переводившим «Витязя в тигровой шкуре», с Андреем Белым; он слушал лекции Брюсова, видел Блока, познакомился с поэзией Анненского, — эта реальность житейская и отразится потом в его прозе — в письмах, выступлениях, статьях. Тогда как звучные имена французских поэтов — в большей степени образная «символика», продолжение поэтических символов — тех же таинственных «жаб», «призрачных храмов» и «мертвых городов». Он очень буквально воспри-

нял свободу фантазии — поэтического полета воображения — у символистов, не чувствуя иронической горечи в формуле Блока: «Твори, что хочешь, ибо *этот мир принадлежит тебе*».

Но самовыражение — в какой бы то ни было форме — всего лишь исток поэтического самосознания.

Зрелость поэта, ускоренная его возвращением в Тбилиси в самый разгар революции и государственного самоутверждения закавказских губерний Российской империи, пробудила более серьезную потребность — понять и осмыслить непредсказуемую судьбу отчизны.

«Сны Халдеи» ворвались в череду драматических будней. Вчерашние трагические предчувствия, книжные все же, «рыдающий голос предков», «зовы теней» — высокая, но литературная скорбь той далекой Халдеи — здесь обернулась неожиданной темой «безумного балагана». Блоковского, но такого реального, что уже лиц от масок не отличить. Не успев отказаться от словесной «символики», он был ввергнут в еще непонятную, злую пляску живых людей, в страшный уличный карнавал без веселья.

Тогдашний опыт государственной независимости маленькой Грузии был едва ли трагичнее нынешнего, — и тем не менее острота живых исторических впечатлений быстро смазала книжные краски, смыла романтические эмоции, не подарив ничего возвышенного взамен. «Маски» ожили и пропитались болью. В любовных стихах он себя ощущает «королем балагана» — «бедным Пьеро», плачущим над Коломбиной. Их счастье зыбко и ненадежно, как пламя церковной свечки. Символика. Но в то же время он пишет другу в Кутаис: «О моем Ванкском соборе тебе расскажет Паоло. Я очень хотел приехать, но Коломба больна. Эта туберкулезная девушка, видно, будет моей судьбой». В Ванкском соборе они были обвенчаны. А еще раньше возле него встречались, и Пьеро читал стихи Коломбине — девушке в красном платье.

Зыбкость реального бытия заставляла искать опору в поэзии: она была канатом над пропастью, — отсюда любимый образ «поэты-канатоходцы».

Зимой у дверей городских пекарен затемно выстраивались громадные очереди. Угрюмые. Молчаливые. Ждали хлеба...

И тут же кипели страсти овладевших судьбой «патриотов» — возникали кафе и клубы, военные бряцали оружием, правительство не скупилось на демагогию, ждали выборов в Учредительное собрание. Появилось множество газет. Крикливых, недолговечных. Война нависала угрозой. Вспыхивала бессмысленная вражда межнациональная.

Тициан Табидзе был в ту пору не столько поэтом, сколько много пишущим журналистом. Тревожная жизнь разметала ветхие холсты «балагана». Символика не поспевала за фантаσμαгоричностью нового быта.

К этому времени относятся и первые поездки по Грузии. В связи с женитьбой на княжне Нине Макашвили он побывал у ее родни в Кахетии (потом привозил туда новых друзей на храмовый праздник Алавердоба). Летом 1920 года ездил в Батум — в те годы «открытый порт».

Здесь познакомился с Мандельштамом и от него услышал упрек в недостатке патриотизма: имея перед глазами столь колоритную жизнь, заселять стихи заёмными из европейской литературы образами?

Но привело к размолвке не это. Мандельштам иронически отозвался о стремлении маленькой страны к независимой и нейтральной судьбе. Не понял трагичности происходящего.

В феврале 1921 года в Грузии была установлена советская власть.

Начало двадцатых годов для Табидзе трудное время. Стихов он почти не пишет. Иронизирует: все так непонятно — хоть рисуй иероглифы! Странное чувство: я — как мальчик с грифелем и доской, а моя душа вручена другому. Его удивляет собственная рассудочность. Не свойственный ему скептицизм. «Скверное воскресенье» — попытка вывернуть наизнанку душу. Но там не тоска — просто воскресная скука. Не поэтический балаган — просто цирк. Не символический, а с натуры: недорогое искусство и дешёвая лесть. Сведение счетов с самим собой.

И предчувствие новой «эпохи»: «начало берет стиха электрификация».

Новую жизнь он, казалось бы, принимает как данность, пытаюсь найти для себя, так скажем, достойную нишу: «Я хочу сказать лишь то, что поручено мне грузинским народом, я хочу раскрыть его настоящее и грядущее» (даю, точности ради, подстрочник).

Кажется, есть и вера в конечную справедливость.

Но как же меняется образная структура? Символика новых метафор. Вот один из ключевых образов: «Грузия — мост, что из волоса вьётся». Есть такая восточная версия: волосной мост на дороге в рай — праведник не сорвется. Дано ли пройти по такому мосту поэту?

Родные вспоминали: Тициану все время казалось, что гибель за ним идет по пятам. От этих мыслей он защищался стихами.

Хватало поводов для тревоги. С одной стороны, он уже становился достопримечательностью Тбилиси: трудно было представить без его колоритной фигуры тогдашний проспект Руставели — место свиданий и деловых встреч, где всегда можно было видеть поэтов, артистов, художников. Его дом превратился в традиционное место поэтических застолий, и ни один гость — поэт из России — не миновал тицианова гостеприимства. С другой стороны, ни один официальный доклад литературных заместителей не обходился без упреков, а то и угроз в его адрес.

Время от времени он вынужденно признавал какие-то свои «заблуждения», грех «формализма», обещал перестроиться, писал стихи об устрашающе грандиозном строительстве новой жизни. Искренне занят был поиском какой-то иной гармонии. Поэт представлялся ему теперь участником состязания — в смелости, вольности, выразительности метафор.

Увлекательно было вскрывать исторические пласты городского пейзажа, — в Тбилиси и его окрестностях они выходили наружу: от времен персидских нашествий, турецких и татарских набегов, через век восемнадцатый, осевший большим пожаром и песнями, в романтизм девятнадцатого, в сегодня, где так пленительны бытовые детали; свежесть лириче-

ских описаний, будь то «зурначами встрепанное утро», горы, ущельями зевающие спросонок, или «рыжие косы Куры».

Это честное мужество — взглянуть в глаза тысячелетней трагедии своего народа. Вся грузинская литература прошлого пронзительно и буднично трагична, она не знает ни счастливых концов, ни благополучных поэтических судеб. В стихах Тициана Табидзе все чаще звучат имена тех поэтов: Давида Гурамишвили и Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе — убитого в Цицамури; Саят-Нова, растерзанного во время последнего нашествия персов на город.

И вот, как образец высокого искусства — ода «Тбилиси», где «чья-то песнь, как стих Саят-Нова, Как лебедь крылья над тобою распростерла», но — «эти полумертвые слова Текут из насмерть перерезанного горла».

Поэзия — лебединая песня. Жутковатая метафора становится устойчивым лейтмотивом лирики Тициана Табидзе. «Гибель Словом прекрасным и гордым Встретит лебедь с разрубленным горлом!» — это «Запоздалые скачки». «Пой, лебедь с пронзенной гортанью!» («Скифская элегия»). Образ повторяется в «Чагатаре» — все та же судьба поэта. Возникшая в начале двадцатых годов поэтическая формула что называется «проходит насквозь». Все трагедии прошлого оседают в сердце поэта. Сопричастность времени на всем его протяжении — это путь к самопожертвованию. В жизни поэт властен над своими поступками, в поэзии — он раб, он во власти порыва, его несет ураган истории.

Мир поэзии Тициана Табидзе пронизывают нити лейтмотивов. Его стихи полны ассоциаций и автоцитат. Глубина понимания их приходит через осознание ключевых образов-символов. Образ «лебедя с порванным горлом» — в своем роде откровение поэта.

Цепью образов-символов, рождающих ассоциации, проходят в поэзии Тициана Табидзе и наиболее трагичные эпизоды из истории Грузии; часто ему достаточно обозначить место действия, чтобы вызвать определенное чувство. Назвать, например, Цицамури. Или Крцаниси, где полчища Ага-Мохаммед-хана разгромили грузинское войско и устремились в Тбилиси. Кровавое зарево над Марабдой.

Замысловатой метафорой возникает язвительный лейтмотив: «Чуден Тбилиси в преданьях седых — входит в гарем свой Ага-Мамед-хан...» Так он и в чужую столицу входит, этот свирепый шах Ирана, захвативший и разграбивший город в 1795 году; он же был евнух. Мотив обретает самостоятельный смысл, повторяясь в других стихах. В лирике Табидзе история — фабула; сюжет — духовная трагедия личности в битве с превосходящими силами этого евнуха в черной бурке. И — цепь проигранных сражений...

Гибель представлялась ему все более очевидной. «При жизни мне над собственной могилой, над музкою разодранной рыдать» (Перевод Л. Озерова) — это из последних стихов о любви.

Откуда такая уверенность? Он же не был противником нового строя, искренне приветствовал преобразование страны, помня вовсе не радуж-

ное прошлое своего народа. Столь же искренне пытался понять, почему беден стих у «новых» поэтов, отчего так бледен их «словесный ковер»? Почему духовное убожество в поэзии подобно бурьяну — глушит все живые посевы. И зачем разносные речи и мрачные проработки друг друга? Не так уж и хотелось ему отказываться от пройденного пути. Но критика — отвергала!

Первый всесоюзный съезд писателей в Москве принес Тициану Табидзе широкую известность. «Известия» напечатали два его отличных стихотворения в переводе Бориса Пастернака, а его выступление с трибуны произвело впечатление: незнакомые люди подходили, жали руку. Говоря о поэзии, он первый и единственный поднял голос в защиту «отмененного» Блока. Однако в грузинском докладе «голуборожцам» было безоговорочно указано место в «антипролетарском лагере литературного фронта». Впрочем, это не помешало выходу «Избранного» Тициана Табидзе на русском языке (1935); книга имела успех. Была и разносная критика, но все же не литературные свары создавали атмосферу тревоги. И даже не прямые намеки, что в 40 лет пора уже взяться за ум, адресованные, правда, не ему, а Паоло Яшвили, ближайшему другу.

Ползущие слухи?

*...Не бойся сплетен. Хуже — тишина,
Когда, украдкой пробираясь с улиц,
Она страшит, как близкая война
И как свинец в стволе зажатой пули.*

Это стихи Паоло Яшвили в переводе Пастернака. Паоло с Тицианом связывала больше чем дружба; они шли рядом, как братья-близнецы; непохожие, дополняющие друг друга. Воплощение мужественной красоты, блестящий оратор, а с некоторых пор — преуспевающий государственный деятель, депутат... Невероятным для присутствующих показалось сказанное однажды Андреем Белым — в заумной и пьяной застольной беседе, — что он, Паоло, трус в душе; мистика! Никто даже не оскорбился. Только дом и все, что в нем было, вздрогнуло, — то ли земля содрогнулась, то ли взорвались пороховые погреба в Дидубе. И в этот последний год с Паоло что-то происходило. Во время одного из московских застолий он был тамадой и очень понравился Сталину. А однажды пришел домой и увидел перевернутую вверх дном квартиру. Долго молча метался, выбежал на балкон. «Мы не имеем понятия о сердечном терзании, предшествующем самоубийству», — писал, годы спустя, Пастернак. Понимал ли Паоло, что с ним происходило?

Прежде чем выйти из дома — предстояло ответственное писательское собрание, на котором его должны были выбрать куда-то, — он обзвонил ближайших друзей — просто, чтобы услышать голос. Тициана уже не было дома. Опоздал предупредить его, чтобы не шел на собрание. Жена Тициана не поняла ничего и сердито повесила трубку. Он еще раз позвонил — поговорил с Нитой, дочерью Тициана. По улице шел с охотничьим ружьем. Объяснял встречным: «Взял из ремонта». Из дома выбе-

Тициан Табидзе с дочерью Нитой. Фото.

жал Гарольд, пес, с которым Паоло часто охотился. Тоскующий по хозяину Гарольд бросился к Паоло. Тот встал на колени перед собакой: целовал ее, плакал. Спутник Паоло отвернулся. Потом с трудом отделился от собаки. Запер в комнате, предупредил соседей, чтобы не выпускали. Немного посидел на собрании, потом тихо встал и вышел. Обернувшись к нему Тициану сделал знак рукой, чтобы не волновался, спиной двинулся к двери, прикрыл ее за собой, поднялся этажом выше, где оставил в одной из комнат ружье. В зале слышали выстрел, но сразу не поняли, что случилось.

Первое, что сказал жене Тициан, когда немного успокоился: «Теперь моя очередь».

Лаврентий Павлович Берия был в театре, когда ему принесли известие о Паоло Яшвили; сидел в директорской ложе, а близко — в партере — находился Николай Шенгелая. Он удивленно услышал: «Это логический конец!» Берия был сильно взволнован; выходя из ложи, забыл пальто...

На похороны допущены были только ближайшие родственники. Тициан там не был, винился, что не сумел разглядеть, что происходило с непонятно отдалившимся другом: думал, что так ему лучше и не хотел мешать. После несчастья он замкнулся и уже никуда не ходил, боялся встретить знакомых. Последний раз его видели на людях 12 сентября 1937 года, во время торжественного открытия обелиска в Цицамури, на месте гибели Ильи Чавчавадзе. Он был печален, смотрел на горы вдаль, избегал разговоров. День был мучительно жаркий. Возможно, тогда у него сложилось последнее четверостишие:

*Наше солнце пылает губительным жаром —
Все сжигает неистовой силой.
Встанет мертвым, вечерним, негреющим шаром
Над моей безымянной могилой.*

Восемнадцать писателей были вызваны к Берии — тогда заместителю в Грузии, — он сидел в отдалении и начал полуслушать: мол, не думал, что писателей так много; обещал проинформировать о событиях, касающихся литературы. Говорил о разоблачении ряда лиц, обвиняемых в шпионаже. К известным уже именам прибавились новые: Джавахишвили и Мицишвили, а также застрелившийся недавно под страхом разоблачения Паоло Яшвили. Под конец распалился и стал кричать на сидевших перед ним писателей. Спрашивал, где Тициан Табидзе? Требовал, чтобы Табидзе высказал все, что он думает по поводу Паоло Яшвили. Сидевший поодаль Тициан сильно побледнел, и пот выступил на его широком лице. С дрожью в голосе он сказал, что ничего не знает. Берия стал зачитывать показания арестованных писателей, где приводились факты, подтверждающие преступность Яшвили. Тициан повторял, что не знает об этом и ничего не слышал. Берия грубо отправил его домой, прибавив насмешливо: «С женой посоветуйся!»

Спустя несколько дней Тициана Табидзе исключили из Союза писа-

телей. Народу было немного. Тициану вежливо объяснили, что, если он будет благоразумен и осознает свои ошибки... Кто-то не выдержал:

«Не молчи, Тициан, скажи что-нибудь! Это надо сделать...» Кто-то тихонько покинул собрание.

Назавтра к нему зашли двое писателей, стали его уговаривать, что де Паоло Яшвили умер, ему хуже не будет, если Тициан о нем напишет статью и объяснит, почему они разошлись; они же в последнее время почти не встречались! Все знают. И Тициана восстановят в Союзе писателей. Он ответил, что про них — написал бы; они пусть опровергнут. «Паоло Яшвили — мой друг». Им пришлось уйти.

Друзья еще заходили, отвлекали от черных мыслей, играли в нарды. Прошло почти два месяца в ожидании.

— Мы устали ждать, — вспоминала Нина Александровна Табидзе. — В ту ночь спали крепко и не проснулись, когда прозвенел звонок. Нита пошла открыть...

В столовой было светло, и ей показалось, что наступило утро, пришла молочница. На столе в бокале стояла красная гвоздика.

Чужие люди ходили по комнатам, искали оружие, которого никогда в этом доме не было, рылись в книгах, снимали картины со стен.

В спальне Тициан беспомощно натягивал носки. Потом сидел в кресле в столовой. Пепельно бледный. Папироса; которую он так и не смог зажечь, переломилась в руке.

Выносили картины и вещи. Фотографии, книги, бумаги — попросили портфель.

Уходя, Тициан оглянулся, посмотрел на всех, его губы слегка дрожали. Жена старалась казаться спокойной. Но в глазах у нее застыл ужас, и почти месяц так оставалось. Из дома не выходила. Только, чтобы отнести передачу.

Арест был 10 октября. О том, что было дальше, ходили слухи. Другим предъявлялись какие-то обвинения, а ему — ничего. Требовали, чтоб сказал сам. Что он мог сказать? Говорили, что будто бы он в конце концов, после пыток, назвал сорок фамилий — все из грузинской истории, заключив Георгием Саакадзе. Их стали искать.

Передачу не приняли. Сказали про десять лет без права переписки. Что это значит — узнали потом. Тогда еще верили, что жив, что кто-то видел его. Обнадеживал в письмах Борис Пастернак, обещал похлопотать Павленко, Фадеев утешал, что, дескать, все устроится, объяснится, ничего делать не надо, только ждать. Шли годы...

Спустя двадцать лет сообщили дату: он был расстрелян 15 декабря 1937 года.

Галина Цурикова

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Родился я в 1895 году, 2 апреля, в Западной Грузии, в деревне Шуамта — близ Орпири.

Орпири входит в округ Сачино (Сачино в переводе на русский язык значит видный, замечательный). В годы моего детства никто не верил, что в летописях Сачино считалось житницей Грузии, — так запустел этот богатый когда-то край. «В годы голода Сачино прокормит Имеретию» (иначе Колхиду), — подтверждал предание знаменитый географ царевич Вахушти.

Я вспоминаю древнегреческих авторов. Гиппократ так описывает этот край: «Страна, по которой протекает река Фазис, болотистая, знойная, влажная и покрыта лесом. Круглый год здесь выпадают дожди. Местные жители строят из бревен или из тростника жилища в болоте — в воде. Выходят из дому тогда, когда отправляются в город или на базар... Плоды этой страны никогда не созревают. Густой пар от реки вечно окутывает край, — и этому нужно приписать, что местные жители отличаются от других: ростом они высоки, но настолько тучны, что нельзя различить ни суставов, ни вен. Кожа желто-зеленого цвета, точно больны они желтухой...»

Самые причудливые пейзажи окружали меня с раннего детства. Особенно я помню закаты в долине Риона, когда дневное светило опускалось в горящем пурпуре в Палеостомское озеро и комары охватывали пожаром полнеба.

Тропические папоротники, лианы, густые ряды чинар и тополей и необычайный простор пашен вперемишку с болотами — издавна составляли фон для романов Майн Рида, которыми я безумно зачитывался, и необычайных приключений героев Александра Дюма, который, кстати, в 60-х годах прошлого столетия сам побывал в наших краях и оставил изумительное описание Орпири и потийских болот.

Орпири лежит у впадения горной реки Цхенис-Цкали в Рион. «Название этой реки некогда было Таквери, — повествует тот же Вахушти, — и когда унесла она в пучину шестьдесят тысяч воинов отброшенного от Анакопии арабского полководца Мурвана Глухого, за это прозвана была Цхенис-Цкали (река Коней)».

Старики ведут счет годам со времени чумы и большого наводнения Риона, когда разбушевавшаяся река несла разрушенные жилища, детские люльки и нырявшие в мутных волнах гробы из развороченных могил. Неделями выжидали, когда войдет в берега рионский поток и остановится жуткий оползень.

С незапамятных времен Орпири считался портом на Рионе. Еще на моей памяти заходили сюда речные пароходы и вывозили кукурузу, сушеные фрукты.

В более зрелые годы Орпири и дельта Риона напоминали мне Шельду, родину Э.Верхарна, вызывая в памяти миф о золотой триремe Аргo и о воинственных аргонавтах, которые именно в этих местах высадились, усыпили дракона и похитили у колхидского царя Аэта золотое руно и красавицу дочь — Медею. Трагическая судьба Медеи, убивающей своих детей, воплощает в мифотворчестве судьбу Колхиды с ее неумолимым фичом — тропической малярией.

На моих глазах целые деревни вымирали от лихорадки, и жители с проклятием оставляли насиженные места.

От этих «галлюцинирующих деревень» легко было мне переключиться и на французского поэта Лотреамона. Монолог Жабы в «Песнях Мальдорора» — это повседневный оркестр лягушек в Орпири, песни вырождения. Усилиями советской власти в Грузии этот район сейчас превращен в цветущий цитрусовый сад. Осушение колхидских болот и внедрение субтропических культур на Черноморском побережье совершенно изменят облик страны, оставляя далеко позади миф о золотом руне.

Отец мой с достоинством носил имя древнего философа Юстина, но античную философию он легко променял на русский нигилизм. Воспитанник тифлисской духовной семинарии, очага революционного брожения в бурные дни 80-х годов, — он был замешан в беспорядках и выгнан из б класса, не окончив курса семинарии. Поводом послужило нашумевшее тогда дело об убийстве ректора семинарии протоиерея Чудецкого учеником Иосифом Лагиашвили. Всю свою жизнь отец мой благоговел перед русскими просвещенцами: Н.Чернышевским, Н.Добролюбовым и Д.Писаревым — и почти до конца жизни помнил всего Некрасова наизусть. Отец мой скоро сблизился с литературными кругами Грузии и принимал участие в журнале и газете «Иверия» Ильи Чавчавадзе. Скоро отец мой устроился секретарем только что организованного тогда в Тифлисе юридического общества, но через три года приехал к нему его отец, сельский священник, умоляя вернуться в деревню, занять его место и облегчить старость. Внезапное ли появление деда и его настойчивость или всегдашнее безволие отца, — не знаю, что решило его судьбу, но отец окончательно оставил Тифлис и уехал в добровольное изгнание в деревню, где был посвящен в сан священника имеретинским епископом Гавриилом, в миру Герасимом Кикодзе, автором одного из первых учебников психологии и логики на русском языке, в свое время удостоенного похвального отзыва Н.Добролюбова. В первые годы по инерции отец еще занимался литературой, выписывал все журналы и газеты, сотрудничал в печати

и был в постоянной переписке с друзьями, но скоро почувствовал, что навсегда оторвался от города, и ограничил себя деревенской жизнью. По болезни оставил учительство в основанной им приходской школе, где я получил первоначальное образование.

Я не помню, как научился грамоте. Четырехлетним уже посещал школу в нашем доме и легко разбирался в азбуке, на радость моей матери Елизаветы Окропировны, замечательной и трудолюбивой женщины, которая и воспитала нас, детей, когда мы рано лишились отца...

Больной и раздражительный, отец пользовался всеобщим уважением во всем округе, к нему ходили за советами из далеких сел и горных поселков, хотя он был необщителен и в одиночестве доживал свою, как он думал, загубленную жизнь. Зато мама за всех попевала, соседи ее ставили всем в пример, она не гнушалась даже полевой работы, оправдывая свой суровый труд болезнью мужа и множеством детей, хотя работа была ее стихией, а в деревне, как она говорила, есть только одна работа — в хозяйстве.

Отцу моему ничего не стоило настоять на моем светском образовании, хотя для этого требовалось больше средств. В 1905 году отец взял меня в Кутаис — подготовить для первого класса классической гимназии.

Помню, поезд нам попался революционный: везли из Одессы убитого там черносотенцами профессора Саба Клдиашвили. На вокзале в Кутаисе поезд встретили знаменами и пением Марсельезы, похороны обратились в многотысячную демонстрацию, и потому привычной показалась мне новая квартира старого преподавателя Ав. Сулаквелидзе, где меня поселил отец. Это была штаб-квартира революции; сыновья и дочери моего скромного учителя были главарями движения, и я обычно спал на кровати с винтовками под матрацем и как бы заведовал складом листовок, печатавшихся тогда в бесчисленном количестве. В этом доме я познакомился почти со всеми выдающимися деятелями первой революции, — многие из них были активными участниками Октября. Несмотря на большой конкурс, я попал в первый класс гимназии, которую окончил в 1913 году.

Наша гимназия отдала свою дань и революции и новейшей левой поэзии. Русский читатель это легко вспомнит по автобиографии Владимира Маяковского, питомца нашей гимназии, почти одних лет со мной.

Со всеми друзьями из группы «Голубые роги» я был знаком еще в гимназии. Еще подростками мы мечтали о перевороте в грузинской поэзии. В Кутаисской гимназии, как везде в бывшей империи, царил суровый режим, много было у нас Передоновых, но были и преподаватели, которым я навсегда остался признателен.

Как обычно тогда, грузинский язык был в загоне: в неделю всего один пятый или шестой урок, — но у нас расцветали подпольные литературные кружки, где с успехом шло изучение родной речи; мне особенно помогало, что в детстве почти наизусть знал грузинскую Библию и общался в деревне с трудовым народом.

Стихи я начал писать очень рано, печатать — с 6 класса гимназии,

сначала в кутаисских газетах, а потом и в Тифлисе; в том числе — ряд переводов: А.Блока, В.Брюсова, Ф.Сологуба, И.Анненского, «Легенду о великом инквизиторе» Ф.Достоевского и французских поэтов.

Вспоминаю один случай из гимназической жизни, который неожиданно кончился для меня благополучно. В романовские юбилейные дни я написал грозную прокламацию, где со всем пылом обрушился на династию. Скоро через кого-то из наших товарищей это стало известно гимназическому начальству, — директор резко упрекнул меня в крамоле. Заинтересовались и в Попечительстве Округа, начали следствие, меня ждал арест, но директор не выдал. Спасал ли он честь своей гимназии или молодого поэта, но он мужественно выгородил меня из этого дела.

Кутаис представлялся нам мертвым Брюгге Роденбаха. На фоне этого мертвого города оживали галлюцинирующие призраки, и мы были в плену литературных образов. Город обнищавших мелкопоместных дворян, давно спустивших свои имена, какой-то «аристократической богемы», изошренных в хитрых выдумках праздных тунеядцев и остряков, — легко настраивал нас на оппозицию мещанству и «пощечину общественному вкусу».

В 1913 году я поступил в Московский университет на филологический факультет — по конкурсу аттестатов — на историческую секцию философского отделения.

Московский университет я застал после разгрома университетской автономии министром просвещения Кассо; лучшие профессора оставили наш университет, и понятно, что наше сознание двоилось и мы предпочитали слушать лекции опальных тогда профессоров А.Мануйлова, Мейзбира и др. При этом я проходил курсы некоторых профессоров Лазаревского института восточных языков и академика Н.Я.Марра, которого до сих пор считаю не только величайшим лингвистом, но и основоположником грузинского научного литературоведения. Из наших профессоров с особенной любовью я вспоминаю декана нашего факультета Аполлона Аполлоновича Грушка, в доме которого жил А.Скрябин, и академика М.Н.Розанова, который читал курс эпохи Возрождения и Просвещения, семинарии Л.М.Лопатина; меня остро огорчило, что уже отзвучали согретые тютчевской «последней любовью» речи проф. Ключевского, которого никак не мог заменить М.Любавский, наш ректор, ставленник Кассо, одноглазый циклоп.

Но уже приближался канун великой войны, и в воздухе запахло порохом. Позорное дело Бейлиса особенно возбуждало студенчество. Наконец убийство эрцгерцога положило водораздел нашей жизни.

Литературная Москва была в плену у символистов. Только что приехавший из Дорнаха Андрей Белый принес свое томление по Иоаннову Зданию, горячие споры о Гете и лекции о театре жеста. Смерть и похороны А.Скрябина, культ скрябинской музыки и, вместо Иоаннова Здания, храм в Гималаях — «Поэма экстаза». Бесчисленные поэзо-вечера парфюмерного Гарун-аль-Рашида Игоря Северянина. Заседания религиозно-философского общества и формула: от Канта к Круппу. Отход русских войск

на германском фронте. Оставление Варшавы и конгрессы Славянского общества. Приезд Маринетти и Эмиля Верхарна в Москву. Заседания общества свободной эстетики в художественном кружке и выступления Валерия Брюсова, атаки на символистов, акмеистов и адамистов, знакомство с К.Д. Бальмонтом, переводившим тогда поэму Руставели, увлечение Ал. Блоком и Ин. Анненским и, наконец, появление на московских улицах и эстрадах Владимира Маяковского, позднее В. Хлебникова и других футуристов — вот что вспоминается мне из круга моих исканий и настроений, что меня влекло и так или иначе отразилось на дальнейшей работе.

В 1915 году мною и моими друзьями, молодыми поэтами Грузии, была создана школа поэтов под причудливым названием «Голубые роги». Мне пришлось написать два манифеста для журнала, называемого также «Голубые роги», и целый ряд лет редактировать газету «Баррикады». В манифестах обобщался опыт французского и русского символизма, а с другой стороны, здесь нашло отражение и то, что символизм из революционной когда-то школы превратился в академическую и футуризм начинает завоевывать подступы к литературе. Эта двойственность не могла не вызвать двойственности сознания.

Как французские символисты воскресили Ронсара, так и мною был выдвинут Бэсики (Бессарион Габашвили), замечательный поэт конца XVIII века, тончайший мастер стиха и александриец. С тех пор он неоспоримо занимает виднейшее место в грузинской поэзии. Как русские символисты — Ф. Тютчева, так я выдвинул Важа Пшавела, величайшего из старшего поколения поэтов Грузии, который в монументальных образах создал грузинский эпос, используя для своего творчества народную поэзию горной Грузии, Пшаветии и Хевсуретии. Авторитет Важа Пшавела до сих пор непоколебим в Грузии. Перевод нескольких поэм уже дал ему всеобщее признание.

Грузинская поэзия к тому времени была совершенно лишена воздействия этих поэтов, и процветало эпигонство народников и Надсона, на что мы со всей силой обрушились. Как известно, грузинская поэзия имеет многовековую культуру: среди величайших поэтов древней Грузии, перекликающихся с великими иранскими лириками и европейскими поэтами, Руставели предвосхищает в великом своем творении «Витязь в тигровой шкуре» итальянское Возрождение. Он как бы предшествует Данте, так же как у Давида Гурамишвили мы находим перекличку с «Большим завещанием» Франсуа Вийона. Поэты начала XIX века: Ал. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани, заканчивая иранское влияние и восприняв Байрона, Пушкина и Мицкевича, создали полноценную поэзию, органично связав ее с грузинскими корнями. Защищая этих поэтов, по существу архаистов, перед последующей школой, которую я называл эпигонством запоздалого русского народничества, я упустил из виду их заслугу в приближении поэтического языка к народной речи, целеустремленность и общественное их значение. Ясно и то, что декларация приближения к истокам грузинской поэзии долго не находила воплощения в творческой практике поэтов из группы «Голубые роги».

Тициан Табидзе с женой Ниной. Фото.

При всем своем отрыве от действительности новая школа поэтов на фоне обнищавшего тогда грузинского стиха сыграла громадную роль. Впервые были введены в строй грузинского стиха слова, изгнанные из употребления или вообще не использованные. Впервые были написаны правильные сонеты, терцины, триолеты, оглушенная рифма нашла простор, обновился ритм стиха, впервые начали разрабатывать свободный стих, аллитерации и ассонансы. Переводы Ш.Бодлера, П.Верлена, Артюра Рембо, Ж.Лафорга и других французских и русских новейших поэтов расширили круг поэтических образов, метафор, и грузинский стих обрел новое звучание. Эта наша заслуга не отрицалась никем в грузинской критике и в пору, когда поэты из группы «Голубые роги» выносили лобовую атаку дореволюционной мещанской среды.

То, что наша школа возникла на закате символизма и на заре футуризма, дало нам некоторое преимущество критического осознания нашей действительности. Свободным от узких догм обеих школ, нам легче было самоопределиться в грузинской среде и найти национальную почву. Создавая одной рукой недостающие тогдашней грузинской поэзии образцы символической поэзии, мы через атаку футуристов чувствовали их призрачность и точно бились «на пороге как бы двойного бытия».

Три года меньшевистского господства в Грузии и отрыв от Октябрьской России еще больше усложнили и запугали наше творчество, и в начале советизации мы еще тяготели к французским сюрреалистам и дадаистам. Односторонне и пристрастно понимая классическое наследие грузинской поэзии, мы заразились от него националистическими концепциями. К этому времени относится мое большое стихотворение — «Конь с ангелом», написанное как диссертация на звание «короля грузинской поэзии», восторженно принятое некоторой частью грузинского общества. Это стихотворение не вошло в книгу моих избранных произведений, настолько оно оторвано от действительности и насыщено идеями грузинского мессианства.

Нас, как и русских футуристов, спасла Октябрьская революция, совершенно перестроив всю нашу жизнь и в перестройке изменив сущность поэзии. Три года от Октября до советизации Грузии, близость с друзьями из молодых большевиков, работников грузинского подполья, — внесли некоторую трезвость в сознание, но этого было недостаточно для нашей перестройки.

Для тогдашнего настроения характерно мое открытое письмо к известному армянскому поэту, председателю армянских землячеств в Тифлисе, Ованесу Туманяну, во время армяно-грузинской войны напечатанное в грузинской газете «Сакартвело». В письме осуждается македонский метод разрешения национального вопроса меньшевиками и дашнаками и звучит призыв к интернациональной дружбе. Ответ Ованеса Туманяна, напечатанный в тифлиссских газетах, — образец искренности и возвышенной любви великого поэта к достоинству соседнего братского народа и томления по национальному миру, что удалось осуществить в Закавказье только при ленинской национальной политике.

С первых же дней советизации Грузии начинается перестройка рядов грузинской литературы. Политическим декларациям не всегда отвечала художественная продукция: нелегко было освободиться от пережитков буржуазного искусства и ложно понятой национальной природы. К этому времени относится появление в Грузии запоздалых эпигонов русского футуризма. Еще в 1925 году они, запутавшись в творениях В.Хлебникова, превозносили «заумную» поэзию, лишенную всякого национального колорита. Даже появление «Лефа» не подействовало на них отрезвляюще. Просуществовав три-четыре года, большинство из них навсегда вышло из литературы; часть же, пройдя влияние «Голубых рогов», впоследствии влилась в мощный поток пролетарской комсомольской поэзии или переключилась на работу в кино, стараясь постепенно освободиться от пережитков формализма.

Незавершенный цикл становления новейших поэтических школ в Грузии, зигзагообразный путь их развития, перекрестное влияние французской и русской поэзии и сравнительно быстрое самораспределение некоторых видных поэтов на национальной почве, а потом и в советской поэзии, понятно, вызывают некоторое недоумение советской критики, которой трудно разобраться в этой обстановке. Еще больше способствует путанице отсутствие в грузинской критике подлинного изучения новейшей поэзии в целом. Только этим можно объяснить утверждения Д.Мирского: «Уже ясно, что ни о каком знаке равенства между грузинским и русским (а тем более французским) символизмом не может быть и речи» («Литературная газета», № 59, 1935 г.) и: «В Грузии весь цикл новой поэзии, начавшись на четверть века позже, чем в России, развернулся и закончился в какие-нибудь десять лет» («Знамя», №3, 1936 г.). На самом деле творческий путь некоторых грузинских символистов начался не в 1915 году, в год декларации школы «Голубые роги», а гораздо раньше. Сохранив почти целиком весь наличный состав школы, не все поэты, участники этого движения, одинаково входят в советскую поэзию.

Мне самому так представляется пройденный мною поэтический путь. В первом цикле стихов «Халдейские города», напечатанном в первых номерах журнала «Голубые роги», я писал в «L'art poétique»:

*В вазу Прюдома поставил я розу Хафиза.
Бесики сад я цветами Бодлера заполнил.*

Под розами Хафиза я разумел давнишнюю тягу грузинской поэзии к иранским лирикам. Прюдома я брал как образ французской формы, помня об этом из письма Г.Флобера. «Сад Бесики» — цветник грузинской поэзии, «восточно-западный диван», где грузинский стих дошел до предельного совершенства после Руставели, сохраняя величайшую напевность и органичность. Тогда мне казалось, что «злые цветы» Бодлера тоскуют по этому саду. Однако во всем цикле «Халдейские города» больше романтики и мистического тумана. Воспевая Халдею как прародину, я больше восходил к историческим истокам, почти позабыв о «цветах зла». Этот налет романтизма в стихах долго сопутствовал мне в поэзии, сближая

то с Жюлем Лафоргом, с этим французским Гейне, то с Александром Блоком, что дало некоторым критикам право называть меня «грузинским Блоком». Правда, меня долго увлекали и Жюль Лафорг, и Артюр Рембо, и Александр Блок, и Андрей Белый, а впоследствии Вл. Маяковский и Борис Пастернак.

В Лафорге я чувствовал иронию, переходящую у Рембо в цинизм, неожиданность откровений и необузданную фантазию. Через них я почувствовал «проклятых поэтов», а последние четыре русских поэта, в разное время, открылись для меня как воплощение поэтического подвига. Одна разнородность этих поэтов исключает их влияние на меня. Больше всего я чувствую некоторое соответствие моих стихов досоветского периода со стихами А. Блока о России и Жюля Лафорга (в цикле «Осень в Орпери»).

В самый разгар словотворчества и формализма я защищал первородство вдохновения:

*Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места содышит,
И заживо схоронит. Вот что стих...*

Я давно не защищаю этот тезис, но, может быть, в этом ожидании «наития» я много раз пропускал настоящее вдохновение, которое дается в результате упорного труда и чувства действительности.

Еще прежде, но явственнее с 1921 года по 1926 год, я почувствовал тягу к грузинским классикам, больше всего к романтикам Н. Бараташвили, Гр. Орбелиани и условному романтику Важа Пшавела. В стихах этого периода есть переключки с ними, но больше всего противопоставление им новой поэтики. Несмотря на новизну темы и ощущение пейзажа, я все же думаю, что иногда я, конечно, отталкивался от классиков. Грузинские поэты XIX века возвели в идеал формулу А. Мицкевича, что родину любит тот, кто ее потерял. Они восхваляли историческую Грузию, героические подвиги, романтику рыцарских обычаев; а Важа Пшавела распад родового быта ощущал как конец мира. Но что было закономерно, даже действительно раньше — потеряло всякое оправдание в наши дни, когда советская Грузия обрела настоящую самостоятельность и ряд за рядом начали появляться люди новой социалистической культуры.

В поисках национальной формы я много думал и писал тогда о Важа Пшавела, художнике Нико Пиросмани, режиссере К. Марджанове, композиторе Н. Сулханишвили — основоположниках грузинского искусства. Это для меня пора изживания формалистических приемов и подхода вплотную к советской поэзии. Этот цикл лирических стихов заканчивается стихотворением «Тбилисская ночь»:

*Я сам на загнивающем плоту,
На том дощатом лебеде сосновом,
Но я не кончил. Я еще расту.
Еще надеюсь: все начнется снова.*

До этого у меня были лирические стихи на советские темы: «Петербург», написанный в ночь на 25 октября 1917 года, «Новый Мцхет» — о первенце электрификации Грузии. Первая моя большая советская вещь — «Рион-порт». На фоне описанной мной орпирской природы, где народ вырождался от тропической малярии, выступает советская власть, перестраивая, изменяя лицо страны. Затем следует цикл лирических стихов «Всем сердцем», где дается Грузия первой пятилетки в действии, и цикл «В Армении», где я выразил торжество национальной политики великой партии Ленина. В цикле «Родина», мне кажется, я больше всего приближаюсь к социалистическому реализму.

За последнее время мне очень много приходилось путешествовать, побывал я почти во всех уголках Грузии. Особенно меня влечет зона субтропических культур на Черноморском побережье Грузии, где осушается двести тысяч гектаров заболоченной земли и разводится гигантский цитрусовый сад. Много я ездил и по Советскому Союзу, бывая часто в Москве, в Ленинграде, на Украине, в Белоруссии, в Армении, на Северном Кавказе и в Средней Азии, знакомясь со строительством социализма, с новыми людьми и среди них с поэтами, гордясь дружбой с некоторыми из них.

Так готовится моя следующая книга «Родина» — о великом Советском Союзе и моя другая книга — переводов лучших советских поэтов.

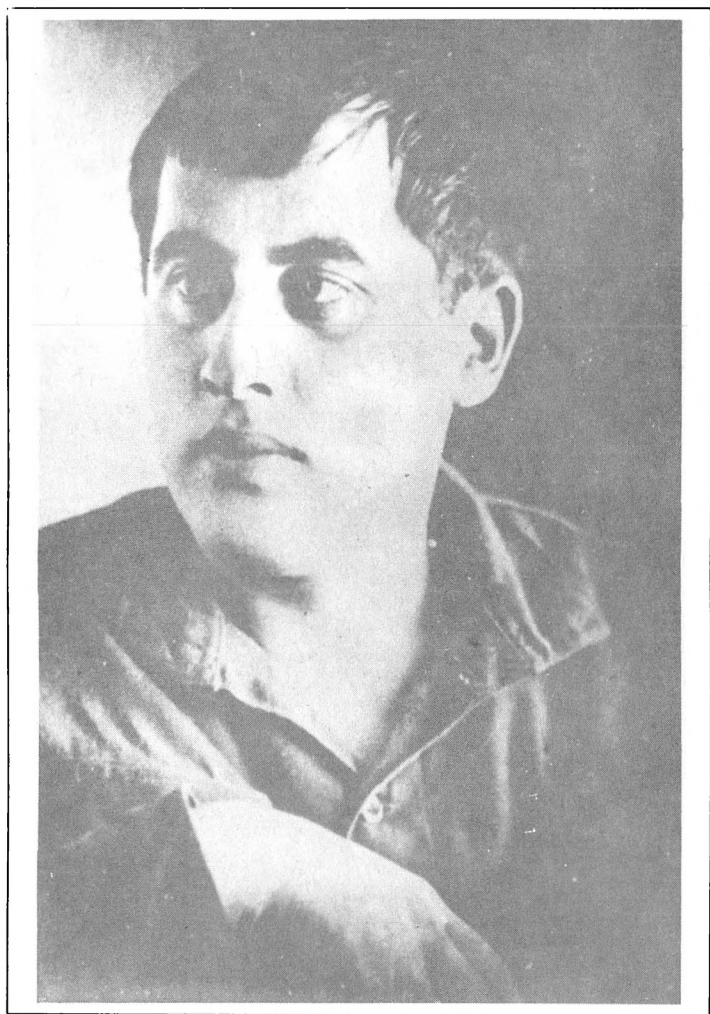
15 апреля 1936 года
Тифлис

Тициан Тибидзе

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

Тициан Табидзе. *Фото.*

«А ОН КОВАРНО УЛЫБАЛСЯ»

Я был один, и жаловался я
На жизнь свою, духовное сиротство,
И проклинал я бренность бытия,
И всю его жестокость и уродство.

И небосвод, в союз вступив со мной,
И слезы лил, и в плаче содрогался,
Мы были скорбью связаны одной,
А он... «А он коварно улыбался».

На черном ложе, смерть свою вдали
Завидев, я томился и метался,
И слезы из очей моих текли,
А он... «А он коварно улыбался».

Ноябрь 1909

ЦВЕТОК

В засохшем поле, на пороге дней
Осенних, цвел неведомый цветок.
И не росой, а инеем, скорей,
Он был покрыт, и плакал, одинок.

Его собратья, видел он, увы,
Впадали в сон, сдавались холодам,
Безмолвно увядание листвы
Он наблюдал, печалясь, здесь и там.

«Не пощажу, пощады не проси,
Дни сочтены твои», — свистел ему
Злой ветер, прах удушливый вблизи
Его вздымая, торопясь во тьму.

Декабрь 1909

ПАМЯТИ МЕЛИТОНА ЧОГОВАДЗЕ

Ночь темна. Облака надо мной
Бродят вяло, как мрачная дума.
Я рыдаю, утратив покой,
Я молчу, озираясь угрюмо.

Тонет в плотном тумане гряда,
И ручей громыхает камнями:
— Он из мира ушел навсегда! —
Злобный демон смеется над нами.

Ты нас предал суровой судьбе,
Избежать ты не вправе укора:
Для того ль доверяли тебе,
Чтобы нас ты покинул так скоро?

Но под гнетом судьбы не пригнем
Головы, не забудем в плаче,
Твое дело продолжить рискнем,
Даже если не будет удачи...

Прочь унынье! Такой человек
Не подвластен и смерти всевластной,
Не сотрется, впечатан навек,
В сердце лик его, образ прекрасный.

Февраль 1910

* * *

Тихая ночь, немота во вселенной,
Еле видна в поднебесье луна,
Звезды ее окружают, как войско,
Скорбная, путь продолжает она.

Ангелов стая летит в поднебесье,
Звуки их арф отзываются здесь,
Славу Творцу они в небо возносят,
Это их пенье — бессмертия весть.

Длите же пение — не выпускайте
Арфу Давида из трепетных рук.
Кто воскресит мое сердце? Один лишь
Вашего пенья ласкающий звук.

О, если б я, горемычный, сегодня
Мог бы примкнуть к вашей рати святой
И отрешиться от грешного мира,
В край сновидений уйти за мечтой!

Тщетно... Впустую бушуют желанья,
Тщетно мечта устремляется вдаль,
Скорбь воцарилась у сердца в глубинах,
Душу мне снова тревожит печаль.

Февраль 1910

* * *

Ветром вечерним, еле слышимым,
Нежным зефиром травы трогая,
Прямо на луг, рососою вышитый,
Сумрак спускается за дорогою.

В небе луна плывет слепящая,
С воинством звезд во тьме аукаясь.
Это сияние землю спящую,
Как колыбельная песня, баюкает.

В небе окутанные туманами
И налитые небесной силою,
Горы сомкнулись надежной охраною,
Оберегая землю милую.

Радостью жизни преисполнено,
Спит в ликованье мироздание.
Только поэт, словно стон в безмолвии,
Так одинок в своем вечном страдании.

Февраль 1910

ЭЛЕГИЯ

Темная ночь. Ни луны, ни звезды
На небе черном глаза не найдут.
Призраки выступят из темноты,
Сумрачно, сыро, и дождь тут как тут.

Спит, заблудившись в ущелье, ручей,
Словно в туманный попал лабиринт.
В роще безмолвно скорбит соловей,
Плачет, не слыша его, гиацинт.

Поверху легкий скользит ветерок,
Ропщет во мраке Риони, шумит...
Словно печаль одолела поток
Или бывшего мучительный вид.

Царствует в небе глухая тоска,
Черные тучи лениво бредут;
В трауре, вот она, рядом, близка
Горная цепь, и гранит ее крут.

Край разоренный темнеет родной
Горьким укором для жарких сердец...
Будет ли стольким слезам, Боже мой,
Скорбному плачу положен конец?

Март 1910

МАТЬ ПРИРОДА

Судьбой замучен, братьями гоним,
Неверных мыслей жаром обуян,
Природа-мать! Стремлюсь я, нелюдим,
К тебе, спаси меня от тяжких ран.

Земных страданий вынести не смог,
Лишь тихий край мне снится, сельский дом,
И с человеком лживым, видит Бог,
Не смог сойтись, безбожником, рабом.

Люблю твою извечную красу,
Залог бессмертья нам мерцает в ней,
С тобой какой обиды не снесу,
Какого груза горя и скорбей?

Жизнь — это боль, мир — это суета,
До роковой преследуют черты,
Но облегченьем мысль мне будет та,
Что и моей могилой будешь ты.

Апрель 1910

ТРЕПЕЩИ, ВАЛТАСАР!

Трепещи, Валтасар, сметено твое царство, —
Трепещи, Валтасар, трепещи!
Уже смерть рассчитала последний удар свой,
Скоро сгинешь ты в черной ночи.

Да, бедняга, по грубым, по скользким ступеням
Ты спускаешься в смертную тьму.
Нет пощады ни пиршествам, ни песнопеньям,
Ни гостям, ни тебе самому.

Ибо участь твоя — это кара Господня,
Приговор рокового суда.
И твой пепел, что ветром рыдающим поднят,
Завтра сгинет и он без следа.

Ошибаешься — думаешь, горе утопишь
В винных кубках, пока рассвело?
Ошибаешься — думаешь, время торопишь, —
Ан последнее время пришло!

Трепещи, Валтасар! То не факелы пира,
То врывается Кир в Вавилон.
То не кравчие пира, а воины Кира
Притаились у грешных колонн.

Апрель 1910

МУЗА

С чего мне петь? Пусть тот поэт беспечно,
Кому удача светлая близка;
А я не знаю радостей покоя,
Меня снедает черная тоска.

По небу растекается унынье,
И сон окутал дальних гор гранит,
И, завернувшись в простыню печали,
Ручей в ущелье, жалуясь, скорбит.

Спит мир вокруг, окутанный туманом,
Он ночи плотный полог развернул,
И пробудились мертвецы в могилах,
И рыщет, бьет тревогу Вельзевул.

Уничтоженьем угрожает миру
С улыбкой дерзкой повелитель зла;
Зачем Парнас покинула, о Муза,
Зачем от небожителей ушла?

Порвались струны, лира онемела,
Ей рабство петь — вовеки не суметь!
И тщетно Музе улыбаться миру,
Когда овладевает миром смерть.

Май 1910

МЧИТЬСЯ, ДЕМОН!

Вечно печальная, похоронив
Веру, забьтсья душа не способна;
Демон, с улыбкой ее подхватив,
К пропасти с нею торопится злобно.

Сумрачный Демон, лети в темноту,
Молнией ночь рассекай беспрестанной,
Гавань душа бы хотела в аду
Встретить, приют обрести долгожданный.

Пусть обманусь, как бывало не раз,
Пусть еще раз я обман обнаружу!
Дорог ли мир, унижающий нас?
Воспоминанье терзает мне душу.

Милая мне изменяет... Тоской
Весь я опутан, как мелкою сетью,
Матушка плачет... А я, Боже мой,
Как я взывал к Твоему милосердью!

Демон, лети! За тобой, без дорог,
Путь я проделаю темный, далекий!
Небытия где-то есть уголок,
Вот он, мой рай... Мой Эдем одинокий.

Май 1910

ПЕСНЬ СТРАННИКА

Подражание Гете

Воцарилась тоска на ночлег,
Спит вселенная, тих ее сон,
В черный траур оделся Казбек,
Заслонивший собой небосклон.
Ах, никто не услышит мой плач,
Не разделит со мной моих бед,
Сердце гложет среди неудач,
Одинок я, мне отдыха нет.
О, Всевышний! Как долго, скажи,
Бесприютным мне странником быть,
Нет отрады ни в чем для души,
Крестных мук мне своих не избыть.
Друга верного нет у меня,
По следам моим ходит печаль,
Веры нет, ни звезды, ни огня,
Убран свет в непроглядную даль.
Просит мира душа... Мировой
Скорбью полнится, нет, не вполне
Мертв, с дороги взываю, живой,
Позаботься, молю, обо мне!

Июнь 1910

СКОРБЬ

Зашла луна... Затем затмились звезды,
Оделась в траур горная страна,
Темно кругом... Душа скорбит, темна,
Умолкла лира, — порвана струна.
Безмолвие царит, терзая душу,
Как-будто кто-то черный натянул
Платок на все, на воды и на сушу,
В аду безмолвно замер Вельзевул.
Высокая застыла ель под гнетом
Печальных дум, что тяжело давят ей
На плечи-ветви, нет над небосводом
Полуночным темней ее, мрачней.
Кура угрюмой кажется и сирой,
В ее рыданье слышится «прощай»,
Оплакивает «Картлосову лиру
Разбитую» — забытый Богом край.
Пора ночная — время скорби жгучей,
Когда поэт на мир глядит в слезах.
И как таится влага в темной туче,
Так скорбь всю ночь стоит в его глазах.

Ноябрь 1910

МЕЛОДИЯ

Люблю я ночи тихое раздумье,
Тень облаков, укрывшую луну,
Когда один чуть слышно плачет ветер,
А все вокруг одето в тишину.

И соловей поник над гиацингом,
И скорбь его разносится вокруг,
И ветерок сроднился с колыбельной,
В ночи лелея увлажненный луг.

А ель, ссутулясь, пожелтев в печали,
Негромко плачет в чуткой тишине,
Скорбя о нескончаемом сиротстве,
И жалуясь небесной вышине.

Тогда я песню слышу над долиной,
Печальную, как отзвуки дождя,
И лира тоже вторит непогоде,
Бессильными слезами исходя.

...Я не познал величия и славы,
Один лишь плач — мой горестный удел,
Одна печаль на долю мне досталась,
И от нее уйти я не сумел.

1910

* * *

В твоём умирающем гуле
Заслышу ль веселье чонгури?

Н. Бараташвили

Я прикоснулся к чонгури и замер.
Это движенье струна повторила.
Плачет чонгури твоими слезами —
Так заколдована бедная лира.

Где ты, любимая? Жизнь моя, где ты?
Если и впрямь ты меня позабыла,
Знай, что я умер, что не жил на свете,
Ибо забвение — это могила.

Как одиноко в пустынном молчанье
В черных ущельях мой стон пропадает.
Сердце мое — лишь гнездо для печали,
Тронешь крылом — и чонгури рыдает.

Сколько слепящего света в природе,
Вспыхнут ликующе звездные знаки,
Встанет, сияя, луна в небосводе,
Только глаза мои тонут во мраке.

Мертвое сердце, оно еще бьется,
Все на тебя, на любовь уповая.
Стону чонгури еще отзовется
Дальнее эхо родимого края.

1910

МНЕ ТОЛЬКО СЛЕЗЫ СТАЛИ УТЕШЕНЬЕМ

1

Мир, возведенный в муке и тоске,
Непрочен, как песчаный дом у моря.
Я рад бы строить замки на песке,
Удерживает лишь соседство горя.

Всему положен на земле предел.
Вот и мечта, как бабочка, сгорела.
Мне помнится, я счастья хотел...
Но счастье меня не захотело.

2

Я видел — словно бесконечный сад,
Страна моя свое встречала лето.
Пренебрежением своих же чад
Она была наказана за это.

И вот над ней сгустились холода.
И в белый траур облачились горы.
В Риони ропщет подо льдом вода:
Но кто из нас поймет ее укоры.

3

Любовь моя! Ведь ты была со мной!
С тех самых пор, как счет веду лишеньям,
Уже утраты не страшусь иной:
Мне только слезы стали утешеньем.

Я погружаюсь в них, как в водопад.
Я забываюсь в этой жгучей пытке.
Судьба моя, благодарю, я рад:
Ты даже муки даришь мне в избытке.

1910

ПЕСНЬ МЕДЕИ

В ночи по морю рыщет ураган,
Бушует море, стонет и ревет,
Наверно разъярился Посейдон —
Сынам Адама бурей он грозит.

За валом вал, ревя, о скалы бьет,
Не причинив им зла, уходит вспять,
И, в небо целясь, грозная гора
Стоит неколебимо, как титан.

Я знаю, знаю — смерть моя близка,
И надо мной ее мерцает тень.
Ее ищу я... О, приди, волна!
Дай мне сродниться, брошенной, с тобой!

Я не скорблю, покинуть я хочу
Обманчивый, бесплодный, бранный мир,
Ведь жизнь моя была небытием,
Теченьем дней, тщетою во плоти.

В пучине моря я найду приют,
Лишь от него самозабвенья жду:
Ведь если мне несчастье суждено,
То для чего судьбой я рождена?

Как мир обманчив! Мал он для меня —
Моих желаний не сумел вместить;
Зову я смерть: «Не опоздай ко мне!» —
Нет более желаний у меня...

1910

В ЦИНАНДАЛИ

В небе дивное разнообразье,
Облака, как плоты, там и тут,
Словно сестры идут Чавчавадзе,
Цинандальскую розу несут.
Ярче синей лозы среди тумана
Цвет высоких вершин Дагестана.

1910-е гг.

ПЕСНЯ МАДОННЫ

Ко мне, Ты жив, доверься звездам этим,
К печали здесь живущей не привык,
Здесь душу, словно на другой планете,
Бессмертья озаряет альпий лик.
Здесь вольность расправляет крылья... Муку
Прочь, скорбь в могилу велено зарыть,
С любовью — в небо, к небу, словно к другу,
Оно навесит вновь желанье жить.

Ночной зефир уснувшие вершины
Целует страстно, складки их, морщины.
Спит воздух... Звезды, заглянув в глаза,
Зовут Тебя, Ты жив, на небеса.
Здесь вечность охраняема царицей —
Бессмертной красотой, она — во всем.
Свободен дух и в небо устремиться
Зовет Тебя, охваченный огнем.

Январь 1911

ПЕСНЯ ПУТНИКА

Сонет

Сей мир я покинул — обитель страстей,
Душа моя ищет покоя, тоскуя,
От этой тоски, от печали моей,
Укрыть свою душу никак не могу я.

И, как саламандра, горю я в огне,
Никак не сгорая в пылающем гимне;
Я спел свою песнь. Почему же ко мне
Конец не приходит? О небо, скажи мне!

Никто не развест изгнанника сны,
Напрасно рыданья в пустыне звучали.
Спит небо, спит мир, и далеко в печали
Любимая спит на крылах тишины.

Как жаль, что слезам ее — капелькам света —
Вовек не коснуться могилы поэта...

Январь 1911

МОЯ ПЕСНЯ

Душе, в слезах омытой, надоело
Стонать, рыдать, утаивать, не сметь...
К земле обетованной мчится смело
Душа, круша убийцу славы — смерть.

Судьбы врата откройте, отворите —
Князь славы завершает свой полет,
Заканчивает путь свой победитель,
И я обрел спокойствия оплот.

Не страшен гул полночного ненастья,
Теперь я сам — времен владыка, царь,
Теперь я сам — кузнец, властитель счастья,
Во тьме исчезла горестная хмарь.

Душа устала плакать и томиться,
К бессмертию она стремится свой бег,
И, в мир иной перелетев, как птица,
Расскажет о страданиях человек.

Да будет, чтоб врата судьбы открыли,
Князь славы прилетит к нам, как орел,
Чтоб распростерлись трепетные крылья,
И я обитель радости обрел!

Февраль 1911

ПЕСНЯ ГРУСТИ

Когда смеркается, и ночи полог черный
В потемках грешную ласкает плоть земли,
И тихий ветерок, дитя печали горной,
Целует шпигели скал, что в облака вошли,
Когда со дна, из тьмы небесного колодца,
Заслоны туч пройдя, струится свет луны,
Мелодия небес волшебная прорвется —
И все заплачет вдруг под лиру Сатаны.

Тогда приходит вдруг печаль из дальней дали,
И песни горести душе моей близки,
И к сердцу звуки льнут, те, что во мне рыдали
От одиночества, от скорби, от тоски.
Люблю я эту песнь, ее печальный лад —
Могильный зов тоски звучней других стократ;
Но чей, узнать бы мне, чей голос рвется в воздух?
Любимой? Друга ли? Звезда ль поет о звездах?..

Февраль 1911

СЕРЕНАДА

Май светлый и горячий наступил.
О, буйство пробуждающихся сил!
Звезда души моей, пойдем со мной!
Встает заря. Ликует мир земной...
Луч солнца я использую как нить,
Чтоб вышить им на небе письмена:
— Хочу любить! Хочу ее любить!
Страданий чашу осушив до дна,
Хочу любить! Хочу ее любить!
Душа моя — проснувшаяся птица,
Готовая в простор бескрайний взмыгь
И к вечности вселенной приобщиться!
Бледнеет ночи мгла. Смерть умерла!
Душа поет, свое бессмертье чужа.
Ликует все кругом. Мой друг, пойдем!
Прижмись ко мне! Тебя любить хочу я...

Март 1911

ВОСХВАЛЕНИЕ

1

Я миновал рубеж. Ушел от гор печали,
На крыльях времени вознесся я, поэт...
Порывы творчества меня к высотам мчали,
И в душу скорбную вошел веселья свет.
Я солнца верный сын, и век мой с солнцем прожит,
Ему — мой гимн, и с ним судьба моя слита;
Душа бессмертна, да! И умереть не может,
Пока душе-моей подвластна красота.
Огонь поет, поет! Напев его — со мной;
Будь Демоном, поэт! Поэт, будь Сатаной!

2

Обвал того, что ввысь воздвиглось, — неминуем,
Ведь разрушенья ход неумолим, жесток;
Печаль лобзает гроб прощальным поцелуем,
И страшен бездны глас, что подведет итог.
Прочь от меня, тоска, тут места нет рыданию!
Пускай уйдет во мрак печаль, как черный сон:
Поэт не знает слез, он весь со светлой далью,
К себе зовет лучи, и сам, как солнце, он.
Огонь поет, поет! Напев его — со мной:
— Будь Демоном, поэт! Поэт, будь Сатаной!

3

Не пощадил меня, сжигая, яркий пламень —
Я зря молил унять любви палящий зной,
И на былых страстях лежит могильный камень,
И в сердце мне теперь вошел огонь иной.
Преграды сметены, пути открыты миру,
Я для иной страды готовлю песнь мою,
И на весенний лад свою настроив лиру,
Гимн разрушенья я вселенной пропою!
Огонь поет, поет! Напев его — со мной:
— Будь Демоном, поэт! Поэт, будь Сатаной!

Апрель 1911

АНГЕЛ ТИШИНЫ

Над спящим зефиром — пыльца, словно дым...
Пан дремлет в дубраве без сил...
От ангелов веет жильем неземным
И хладным уютом могил.

И руки твои — крылья легкого сна.
Я здесь. И какие б дожди
Душа не извергла, оставшись одна,
Взлетай, не спускайся, лети!

Влюбленный в молчанье твое, не дыша,
Печально сижу у колен.
И, тайно пылая, уходит душа
И сон оставляет взамен.

Май 1911

К АДОНИИ

Сонет

Не осуждай меня! Грешник без воли, без сил,
Долго душе беспокойной своей я служил.
Долго во тьме я не знал, что такое заря,
Змия, Врага неосознанно боготворя...

Лишь у страдавших возможно усердье в хвале.
Бог для того, кто удачлив — в миру, на земле.
Те лишь, кто в муках свои схоронили сердца,
Видели лик Твой и верят в Тебя до конца.

Всюду со мною — могилы желаний моих.
Мне никогда не забыть их, не скрыться от них;
Ночью в виденьях — лишь образы мертвого края...

Перед Тобой я! К Тебе я пришел, Адонаи!
Дай мне, судьбою гонимому, здесь, не в раю,
Свет, тишину и надежду на милость Твою!

Август 1911

МЕДЕЯ

Сонет

И.Гришашвили

О мертвой, погребенной той весне
Не пробуждай ты памяти во мне!
Увяли розы юности моей;
Кто возвратит мне чистоту тех дней?

Тоскуя на чужбине, никогда
Я не забуду отчего гнезда.
Увы! Любовь и нежность выжжет зной.
И мертвою я не вернусь домой!

На дочери Аэта — божий гнев.
Молитесь о злосчастнейшей из дев
Колхиды...

Средь чужих, в чужом краю
Ей выпало закончить жизнь свою —
Но и в гробу не будет мира ей,
Беглянке, проклятой землей своей...

Сентябрь 1911

ПЛАЧ

Я проклял жизнь, мечту я презираю,
Мне смерть мила... Свою весну сжигаю...
Скажите, что ослабит боль мою
Или убьет за пазухой змею?

Что ад в душе погасит неумный?
Что жажду мщенья сдержит ночью темной?
Стал черный демон стражем дней моих,
Пусть время мчится, в муках я затих.

Лей слезы над предательством любимой,
Душа моя, над юностью ранимой,
Над чашей плачь, — горчайшее питье,
Нектара нет, змея на дне ее.

То, что на горе мне судьба когда-то
Вручила, я бы отдал без возврата.
Как умереть, как сбросить жизни гнет?
Гиена кости пусть мои сгрызет.

Тянулся к солнцу я, стремился к свету...
Печаль и горе шли за мной по следу...
Что бред — любовь, не стоит и гроша,
Теперь так ясно чувствует душа.

Сам сатана танцует меж гробами,
Лицо обвито дымными клубами...
Стал черный демон стражем дней моих,
Пусть время мчится, в муках я затих...

*Октябрь 1911
Новый Афон*

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Легкий в горах ветерок засыпает, и горы уснули,
В темном ущелье ручей что-то шепчет, расслышать
могу ли?..
Сон накрывает полней своей темной безмолвные дали,
Выросли крылья у темной жар-птицы, у птицы-печали...
Горы уснули, и гаснут последние отблески света,
Только никак не сомкнутся усталые очи поэта.
Плачет душа, и вся горечь времен вторит плачу...
Что мою боль облегчит, что растопит беду-неудачу?
Милая, не оставляй одного меня, гаснет зарница;
Что без тебя буду делать, с кем мыслями мне поделиться?

Ноябрь 1911

НА КРЫЛЬЯХ МЕЧТЫ

Отец, отец, нельзя ли
Мир зажечь мечтами?

«Царь Голод». Л.Андреев

Я был рожден, преображен, ищу я
Незримое — стремленью нет преград;
Сорвал с души я амулет печали,
Сорвал с души я траурный наряд.

И я лечу на остров вожделенный,
И отстает в пути судьба моя;
Огонь души задуть не может время,
Убить не может искру бытия.

Мне шлет привет земля далеких странствий,
Вершины гор, разливы бурных рек;
Коня мечты кто в беге остановит?
Кто оборвет Мерани вольный бег?

Не оживить действительностью душу,
И к чуду ей легла тропа своя,
Огонь души задуть не может время,
Убить не может искру бытия.

Декабрь 1911

НА КЛАДБИЩЕ

Сюда на угрюмом рассвете его принесли.
Прощальной слезою никто не почтил его прах.
Он был чужаком для наивных питомцев земли.
Какое им дело, что солнце он славил в стихах?

Известно давно — у толпы не бывает святых.
Поэт умирает, и надо ль о нем вспоминать?..
Но светлым лучом в темноте запредельных пустынь
Душа его брезжит, чтоб гимны светилу слагать.

1911

МЕРТВАЯ ЛЕГЕНДА

Давно манила сладкая мечта,
Что я найду на свете рай небесный;
Но все не так: земная суета
Влечит в ничто, толкает к краю бездны.
«Вчера» — не помню... «Завтра» — лишь слова...
А что есть жизнь? Легенда, что мертва!

Оплачьте душу — это жертва зла,
Она несчастна... Мама, я тоскую!
Зачем же вера у меня была?
Зачем я в радость веровал мирскую?
Цветок мой — жизнь, что так была чиста, —
Едва еще расцветший, юный, ранний,
Жестокий ураган сорвал с куста,
Измял и изорвал струну мечтаний...
Так что есть жизнь? Легенда, что мертва.
Скажи, о мать, надгробные слова...

Март 1912

СЕРЕНАДА

Посвящается И.

Воскресла вновь душа, горя в огне,
Излила слезы с щедростью бывалой,
Они, как страсть, опять пришли ко мне,
Они — отрада для души усталой.
Ликуй, душа! Печаль мне зря сулят —
На празднике нет места опасеньям.
Конец змее, что источала яд —
Привет любви, привет цветам весенним!
Свирепый холод страсть мою и пыл
Дыханием своим не охладил...
Из гроба снова счастье восстает,
И страсть струится светлою волною,
Ликует утро, весел небосвод,
Дорога ждет, вперед, иди за мною!
Внемли поэта лире золотой,
Все впереди — за гранью, за чертой!

Я увидел зимой тебя во сне,
Я рядом был, смотрел, как ты блистаешь.
И ночь зимы была нестрашной мне,
Неужто ты теперь меня оставишь?
О, не люби — будь хоть врагом, не ближе,
Я тем и счастлив, что тебя я вижу;
Ведь мне известно, что земная страсть
Не может с чистотой твоей совпасть...

Март 1912

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Ночь черна, и скорбно небо,
Горы в траурных туманах,
Ураган рыдает горько
И ревет, как зверь-подранок,

То под окнами он плачет,
То стучится в двери прямо...
«Папа, папочка, ответь мне!
Папа, где же наша мама?

Помню, бури я боялся,
И готов был зарыдать я, —
Мама пела, утешала
И брала меня в объятия.

Помню звуки колыбельной,
Те, что сны мне навевали...
Папа, где же наша мама?
Ну, скажи мне, генацвале!»

Так отца молил ребенок,
А когда отец ответил,
Спрятал голову в ладони,
И рыданьям вторил ветер...

Сентябрь 1912

NOCTURNE

Посвящается С.Абашели

Ночь, ночь, темны Колхетии вершины,
Нагие, как гетер прямые спины.
Нашептывает что-то ветерок
Горам и долам, легок и высок.
Какое одиночество, как плачет
Такою светлой ночью тишина!
Тоски своей и слез душа не спрячет,
Отрадой дней былых упоена.

Ночь, ночь, не ты ль, Колхетия, качала
Любви моей печальной колыбель,
Глядишь в глаза мне грустно и устало,
Быль выветрилась та, как легкий хмель.
Душа, как лебедь раненый, бывшее
Оплакивает счастье молодое
И тщится чувств отцветшую весну
Вернуть, всю пылкость их и новизну.

Она никак не хочет с тем смириться,
Что прошлое не может воротиться,
Что времени поток необратим,
Что нежность милой тает, словно дым.
Ночь, ночь, не ты ль, Колхетия, качала
Любви моей печальной колыбель,
Глядишь в глаза мне грустно и устало,
Быль выветрилась та, как легкий хмель.

Сентябрь 1912

* * *

Слова о том, что я тебя любил,
Сетей тоски с души моей не снимут.
Рожденные для горестей не имут
И в счастье радости. Тот странный пыл,

Который звали мы любовью, — бред.
А ты найдешь рожденного для счастья, —
Они встречаются, пускай нечасто.
Лишь он тебя поймет, а не поэт,

Чьи строки, точно слезы, оросили
Родную землю...
Но не пой, не пой —
О, в этой песне, начатой тобой, —
И сила памяти, и времени бессилье...

Сентябрь 1912

ВЕРНИТЕ

Кто горного беспомощней орла,
Коль крылья гордой птицы перебиты?
Как лодка без руля и без весла
Жалка, а волны грозны и сердиты...
Вот и душа — пустыня без любви,
Немая и безлюдная, уныла.
Душа жива томлением в крови,
Любовной жаждой горечи и пыла...

Следами Дэва заклинаю свод
Небесный, звезд сверкающим потоком, —
Пусть мне судьба любовь мою вернет,
Любовью же сожженную жестоко.
Верните мне то время, не мила
Мне жизнь без детской той любви и страсти,
Когда душа бы как в раю жила,
Чиста, как грех, в его счастливой власти!

Февраль 1913

НОЧЬ ПЕЧАЛИ

Уньлой ночью, в тишине печальной,
Я слышу звук поющего чонгури,
Играющий горюет, что внезапно
Цветок любви увял в осенней хмури.
И черною цепочкой черных мыслей
Украсилась души моей сутулость,
И тени похороненные встали,
И прошлое забытое проснулось.
А я-то думал, что плитой забвенья
Придавлено навеки все, что было,
А я-то думал — глубока, надежна
Ушедших чувств сердечная могила.
О женщина, чего еще ты хочешь?
Моей ты кровью грелась без опаски,
Покой души беспечно унесла ты,
И вот теперь ничьей не жду я ласки.
Что, ж разве жертвы не хватило этой?
Нужны иные — без конца и края?
А тень ее в ответ смеется звонко,
Зовет и манит, ласку обещая.
И сердце чары колдовские гложут,
И сердце в клетке усидеть не может...
А музыкант играет на чонгури,
Аккорды струн летят в ночные дали,
И грустную рассказывает повесть
О том, как все цветы любви увяли.

Февраль 1913

ГОЛУБОЙ ЭДЕМ

Рай потерянный и мильй!..

...Нас взнуздало, как коней,
Время — демон серокрылый —
И глумится над могилой
Голубой любви моей.

Но неверие нелепо.
Верю в сад, в его рассвет!
Незабвенна юность. Слепы,
Кто забыл о ней. И склепом
Предстает пред ними свет.

Как хохочет откровенно
Грех, безумный и нагой...
Страсть темно и дерзновенно
Завывает, как гиена,
Над могилой дорогой.

Но любовь не знает смерти,
Не горит в огне страстей.
В край влюбленных и детей —
В островок зеленый верьте!
Ведь любовь не знает смерти...

О, Эдем! И чистых глаз
Блеск. И небывало сильный
Пламень чувства — в первый раз!
И ведет надежда нас,
О, в Эдем, зеленый, синий...

Май 1914

* * *

Ни молнии, ни ливень проливной,
Ни этот мир, где злые ветры дуют,
Они не смогут справиться со мной:
Не окольцуют и не околдуют.

Пусть буйствуют! Я обращусь назад,
Туда, где не слышны грозы раскаты.
Там зазвучал опять фруктовый сад,
Который голос ставил мне когда-то.

Между 1909 и 1914 гг.

* * *

Зачем я здесь, зачем пришел сюда я,
Скажу ли вслух, как сердце жмут тиски?
Поет предсмертный лебедь, пролетая,
И песня бьется в уши и в виски.

Пройдут и сгинут времена и люди,
Эвксинских вод исчезнет влажный след,
Но в атоме стиха вовек пребудет
И с горлом перерезанным поэт.

О, как когда-то плакалось Назону,
Как Пушкина никто сдержать не мог!
Ведь для поэта не нужны резоны,
Для уст отверстых не найти замок.

Казбек с Эльбрусом вечно в блеске света,
И только им ответ правдивый дан:
Какой же пламень сердце жжет поэта
И отчего рыдает Тициан!

Между 1909 и 1914 гг.

* * *

Тихой музыки слезы льются в ночное небо
И упрекают тучи, что нависают слепо.
Молодости и страсти дни уходят за днями,
Жизни врата закрыты наглухо перед нами.
Что же мне делать дальше? О, научи, скажи мне!
Резок могильный ветер, воющий в смертном гимне.
Небо печально, хмуро, тучами воздух горбит,
Сет тоску, как дождик, струями черной скорби.
Тишь наступает в мире: музыки звуки, где вы?
Вот проступает смутно абрис скорбящей девы —
Падает ниц на землю в горечи стародавней...
Сколько еще терпеть нам, сколько еще страданий?..

Февраль 1915
Москва

НА МАСКАРАДЕ

Темно в глазах. А все кругом горит —
Сгорает. Запах платьев ядовит.
Зал дышит алым бархатом и черным.
Звук скрипки небывало удрученным
Ко мне приходит, чтоб во мне открыть
Мне самому неведомые раны.
Как странно... Все, что было — все в году
Бог весть в каком ушло, стало дальним...
Нет имени тому, чего я жду
Сейчас смертельно-сладким ожиданьем.
Но впереди — мертвец, суров и светел,
Под смертною рубашкою простой, —
Так некогда, оставшись сиротой,
Моя душа скончалась на рассвете...
...Зурна рыдает. Дикий танец гор
Показывают иностранцам.

Скор

И медлен танец. И пищит дудук.
И звук зурны — все тот же скорбный звук.
Звук реквиема моего. Я знаю,
Нельзя мне вспоминать. И вспоминаю
И май, и яблоню. Ее цветы —
Постелью белой по двору. И ты,
Невозвратимая как время...
Темно в глазах. Но все кругом горит —
Сгорает. Запах платьев ядовит.
А мертвый зал, и шумный и немой,
Танцует реквием печальный мой.

Апрель 1915

СНЫ ХАЛДЕИ

Мечта целует прошлого следы,
Халдеи сны плывут передо мной:
Нас души предков — яростны, тверды —
Влекут к химерам Грузии родной!

На подвиги твои, отчизна гор,
Столетий опускается вуаль,
Но древней славы вновь горит костер
И на Востоке вспыхивает даль.

Покрылась высь молочною росой,
Следы оставил дэви-богатырь,
Господь пустыню заслонил рукой —
Ее души пылающую ширь...

Надежды древней медленный напев,
Слова о счастье сгубленном слышны...
Пустыня спит, от зноя онемев,
Прносятся над ней былые сны.

Ефрат и Тигр качали колыбель,
А гроб качают Мтквари и Рион.
Дойдет обет сквозь толщу лет, земля:
Елиазар, восстань из тьмы времен!

Сентябрь 1915

СОНЕТ ПОЭТА

Все кончится. Всему придет конец.
И не останется на свете очевидца,
Который описал бы наши лица
В тот час, когда срывали с нас венец
Любви, что не смогла осуществиться.

Кто станет вспоминать, как жили мы?
Как мы любили — вспомнят ли об этом!
Но для того, чтоб вырвать нас у тьмы,
Воображенье мучает поэтов.

Надгробьем нашим станет нам Сонет.
Он воскресит и озарит слезами
Все, что для вас давно сошло на нет,
Но животрепетало между нами.

А под конец попросит он Творца —
В бездушных буднях и бессрочных битвах
Поэтов беззащитные сердца
Не обходить в живых Своих молитвах.

Октябрь 1915

БЕЛОЕ СНОВИДЕНИЕ

Для Грузии сгорали мы, чтоб снова
Для Грузии сгореть. Но как темно!
И солнце мрачное величия былого
В пучину слез вот-вот сойти должно.

И наше горе не возьмешь в поводья.
Красны от крови реки, а кругом...
О, наши рощи в горьком половодье!
О, наши души в трауре глухом!

О, долгий путь и бесконечный плач наш
Над гробом собственным. Погост далек,
Но всех проклятий, всех угроз, палач наш,
И этот длинный путь вместить не смог.

И белый призрак над кортежем вьется —
Мадонна белая — прѣсветлый лик...
А пурпурному солнцу остается
Над морем слез — один недолгий миг.

Последний луч над горьким морем тает.
Горит звезда, как скорбная свеча...
Гиена стонет... И сова рыдает...
И черный вихрь — как черная печаль...

Пречистая! Мадонна! Откровенье
Даруй нам, Мать истерзанной страны:
Где наша смерть, а с ней успокоенье?
Где наша смерть, Мадонна?!

Октябрь 1915

ДАЛЬНЕЙ

Будь дальней! Бездну отдаленья
Тоской заполню. Ведь на свете
Нас только двое. Так и встретим
Мы даже светопреставленья.

Я не задам тебе вопроса
О сущности моих влечений,
Но знаю: ты моих мучений
Нераспустившаяся роза.

Меня твой дальний ветер будит.
Душа о шип твой зацепилась.
Возьми ее, о, сделай милость —
Она тебе не в тягость будет!

О, грезы, ставшие золою.
Хвалы надтреснутые крики.
Склеп из химер багово-диких
Для дорогой и дальней строю!

1915

В ПАРКЕ

Нехотя вечер уходит, стущается тьма.
В парке оркестр начинает концерт Берлиоза.
Ты недомолвками вечными сводишь с ума,
Злая кокетка, застрявшая в сердце заноза.

Слышу звенящий, ликующий голос подруги.
Смех, обжигая меня, в темноту уплывает.
Ищет влюбленный любимую в нежном испуге.
И ожидание трепетно сердце сжимает.

— Вот я, ау! — в пестром платье мелькает меж веток.
Ну-ка, поэт, распростиись с поэтической ленью.
Молнии вспышка, гетера безумная, где ты?
Музыки страсть превратила тебя в песнопенье.

Что же опять я мечтаю, не зная о чем?
Душу сковал Берлиоз обольстительным пленом.
И устремляясь за звуком в пространстве ночном,
Грежу в беспамятстве Блоком, Рембо и Верленом.

1915

МОЯ КНИГА

Заплачет ли дева над горестной книгой моей,
Улыбкой сочувствия встретит ли стих мой? Едва ли!
Скользнув по страницам рассеянным взглядом очей,
Не вспомнит, жестокая, жгучее слово печали!

И в книжном шкафу, в многочисленном обществе книг,
Как я, одинока, забудется книга поэта.
В подружках у ней — лепестки прошлогодних гвоздик:
Иные, все в бархате, светятся словно цветник,
Она же в пыли пропадет и исчезнет для света...

А может быть, нет. Может быть, неожиданный друг
Почувствует силу красивого скорбного слова,
И сердце его, испытывавшее множество мук,
Проникнет в стихи и поймет впечатленья другого.

И так же, как я воскрешал для людей города,
Он в сердце моем исцелит наболевшую рану,
И вспомнятся тени, воспетые мной, и тогда,
Ушедший из мира, я спутником вечности стану.

1915

НОЯБРЬ

Высохший лист платана желтизною тяжелой вышит,
Над куполом церкви старой снуют летучие мыши.
Долина плачет от песни улетающей журавлиной,
И осень пьет за здоровье зимы, что вдали за долиной.
Там ураган свирепсет, в дикой пляске шалест,
В бесовском огне сгорает, ни других, ни себя не жалест...
В сумеречную пору к душе подкралась печали,—
Они в этот вечер, казалось, туманами укрывали.
Отец вернулся со службы, суббота глядит обновой,
Виден отблеск молитвы на седой бороде отцовой.
Глаза впиваются в сумрак, тонет во мраке местность,
Ураган, как ведьма, терзает вздыбленную окрестность.
Ноги в грязи янтарной вязнут. Темень тупая.
В жухлых листьях осенних скрываюсь я, утопаю.

10 января 1916

ЦВЕТЫ ГОЛУБОГЛАЗЫЕ

И кажется, что из толпы выйдет
Прекрасная женщина с голубыми глазами.

Г. Табидзе

Асаргадон твоей упился плотью.
Умашены мускатом, руки пели...
О ты, напоминающая лотос,
Уже грешна от самой колыбели!

Сражений рог трубить не забывает,
Стрела стрелу целует... Зло и яро
Мысль о тебе предсмертно убивает
Раба, и воина, и спасалара...

Кто скажет, где любовь твоя зарыта,
В какой земле махина саркофага!...
Прах растоптали Времени копыта,
Ушла в песок серебряная влага.

Глаз голубой лишь светит в целом мире,
Как светлячок, игрой пленяет женской:
И молится в ночи бездомный лирик,
В том свете голубом узнав блаженство.

И долго-долго голубое око
Слепить поэтов одиноких будет,
И лирик пожалеть заставит Бога, —
Пускай за одиночество не судит.

Январь 1916

ПЬЕРО

Лукавым цветком расцвела сумасбродка-весна.
И розы, ничуть не робея, пунцовыми стали.
Гостей тамада умудренный спойл допьяна.
И ветреник сделал любовное сальто-мортале.

Ну, где же вы — Бесики, Саят-Нова, Теймураз?..
Хозяев напыщенных челядь в дверях ожидает.
Душа, успокойся! Навеки умолкнем сейчас.
Ведь бедный Пьеро в стороне чужедальней блуждает.

О, это не сон. Сон лишь наша лихая година.
Как царствует прошлое в этой обители сплина!
И плачет Пьеро: «Коломбина моя, Коломбина!»

Ноябрь 1916

АВТОПОРТРЕТ

Профиль Уайльда. Инфанту невинную
В раме зеркала вижу в гостиной.
Эти плечи под пелериною
Я целую и не остыну.

Беспокойной рукой перелистывая
Дивной лирики том невеликий;
Зажигаюсь игрой аметистовой,
Точно перстень огнем сердолика.
Кто я? Денди в восточном халате.
Я в Багдаде в рстегнутом платье
Перечитываю Малларме.

Будь что будет, но, жизнь молодая,
Я объезжу тебя и взнуздаю,
И не дам потеряться во тьме.

Ноябрь 1916
Москва

МАГ-ПРАРОДИТЕЛЬ

Священнодействует доселе
Из века в век мой род.
Какое множество обеден
Он отслужить успел!

У нас и ныне на погосте
Храм врезан в небосвод:
Он — герб, что гордому поэту
Дан с первых дней в удел.

Смотрю я, как вечерню служит
Отец на склоне дня.
Псалом мне в душу залегает,
Чтоб лечь на самом дне.

На рясу черную пурпурный
Ложится блик огня.
Мое томленье по Халдее
Уже понятно мне.

В свече мерещится мне солнце
С его теплом благим
И храм, воздвигнутый во славу
Слепительных щедрот:

Как будто каменные плавит
Колонны знойный гимн
И маг поет, собой начавший
Мой бесконечный род.

Астарте предок мой молился,
И в ладанном чаду
Отец возносит Приснодеве
Дар сердца своего.

Доньне не переводились
Жрецы в моем роду:
Обедни их состарят, право,
И Бога Самого.

Не сожалейте о потомке,
О прадеды мои.
Не верьте клевете, что робко
Я перед всем дрожу.

Пусть по себе не совершу я
И краткой литии —
Однажды панихиду миру
Я все же отслужу!

1916
Москва

БЕЗ ДОСПЕХОВ

Мне представляется порою,
Что мир — огромный сад,
Где все — проклятье и отрава,
Где гибель — шаг любой.
И без доспехов, хмурия брови,
Три всадника летят:
Я узнаю в лицо Верхарна,
Эредиа, Рембо.

Я чувствую, что по ошибке
Сюда ввели меня.
За исполинскими тенями
Я с трепетом слежу:
И, как ребенок робкий, плачу,
Невольный страх кляня.
Тайком скорей смахнуть стараясь
Постыдную слезу.

О, как «цветами зла» дурманит
Мне душу пряный яд!
Как будто на меня кентавры
Напали табуном...
Сожженная пустыня манит
Все пламенной назад,
И твердь, объятая пожаром,
Горит, как ветхий дом.

Кто в этот сад впустил ребенка?
Кто душу городов
Исполнил ядовитым дымом,
Застлавшим все кругом?
Зачем за всадником летящим
Тень вырастает в зов?
В пустыне я, но почему же
Я вижу свежий луг?

1916
Москва

«L'ART POÉTIQUE»

Из книги «Халдейские города»

В вазу Прюдома поставил я розу Хафиза.
Бесики сад я цветами Бодлера заполнил.
Все, чем пленяла чужбина, я с Грузией сблизил,
Так, как сумел, я свое назначенье исполнил.

Недолговечны безумные, знойные страсти.
Нежностью бережно душу твою отопрею.
Лира моя от стыда разобьется на части,
Если стихи под гитару исполнить посмею.

Жду я любимую — первого снега белее —
Что улыбается кротко и тихо смеется.
Я прочитаю стихи об ушедшей Халдее.
Нас ослепит красота восходящего солнца.

Я хладнокровно спектакль досмотрел и оплакал
Каждый антракт. Я любитель простых аналогий.
Чувствую рок древней магии чисел и знаков.
О, Сакартвело, прости этот лепет убогий!

1916
Москва

ХАЛДЕЙСКОЕ СОЛНЦЕ

Далекий путь, и беспредельность,
Влекущая вперед,
И солнца яд, и песнопенья
О солнце — к солнцу взлет.

Во мне рыдает предков голос —
О прадеды-волхвы, —
Я к солнцу лестницу дострою,
Приду, куда и вы...

Слова священных заклинаний,
Забывтые в веках,
И городов, когда-то славных,
Ничтожество и прах!

Отчизна с нежностью старинной
Смягчает боль мою:
Я в золотых стихах величье
Халдеи воспою.

К Сидону путь, залитый светом, —
Один для всех пролег.
Воздвигнется алтарь победы,
Поправ пустынь песок.

Созрев для песнопений мощных,
Излиться жаждет дух, —
Теней величественных зова
Благоговейно жду.

Я буду одинок и плачу,
Предчувствием томим,
Но знаю, встретит смерть бесстрашно
Последний пилигрим.

Я слышу все и вижу. Видит
И Он... И вихорь мчит
Меня... Над кладбищем родимым,
Как ястреб, мысль кружит.

Всю жизнь томлюсь по беспредельным
Путям... Далек мой путь...
Под солнцем пламенным Халдеи
Хочу навек уснуть.

1916

ФАТЬМА-ХАТУН

Терзает душу девы отраженье.
Фатьма-Хатун, твой взгляд мне сны прожег!
О милый призрак, множащий мученья,
Когда бы прошлое вернуть я мог!

Певцы любовь поют. Всю ночь — их пенье.
Фатьма целует полный влагой рог.
Любовники спешат к ней в нетерпенье,
Пыль караванов вьется вдоль дорог.

Нет счета поцелуям. Счастлив пленный,
Хотя потом казнишь его изменой.
Кто б ни был — Чачнагир иль Автандил,—

Как не мечтать о жарких тайнах ложа!
Мышь в западне, иль с голубем ты схожа,
Душа? И ястреб голубя сразил.

Январь 1917
Москва

КОРОЛЬ БАЛАГАНА

Я знаю, откуда пришел я сюда,
Чье солнце меня обожгло.
Предшественник мой был похож на Христа,
Мне жить на земле тяжело.

А если я пел не о том, что люблю,
То не современен для вас...
Забьтого Бога, как прежде, молю,
Забьтым заветам дивясь.

Как бедный жонглер, я бросаю звезду
Одну за другой в потолок, —
Внезапно проснусь, и в кабацком чаду
Блудница мне дарит цветок.

А в диком оркестре все трубы хрипят,
Все пьяные негры кричат.
Оборван и нищ с головы и до пят,
Кабацкий покину я чад.

Король балагана, пускай посрамлен, —
Умру, королевство храня.
Вы, солнцепоклонники давних времен,
Примите как брата меня!

*Февраль 1917
Москва*

ПЕТЕРБУРГ

Ветер с островов курчавит лужи.
Бомбой взорван воровской притон.
Женщины бредут, дрожа от стужи,
Их шатают ночь и самогон.

Жаркий бой. Жестокой схватки звуки.
Мокрый пар шинелей. потных. Мгла.
Медный Всадник опускает руки.
Мойка лижет мертвые тела.

Но ответ столетий несомненен,
И исход сраженья предрешен.
Ночь запомнит только имя «Ленин»
И забудет прочее, как сон.

Черпая бортами мрак, в века
Тонет тень Скитальца-Моряка.

*В ночь на 25 октября 1917
Кутаиси*

ВАНКСКИЙ СОБОР

Край Наири... Твердокаменный Ванкский собор...
Воспоминания сердце мое бередают.
Берег Халдеи. Мираж, иссушающий взор.
А на арене жонглеры построились в ряд.

Если бедняга Пьеро в поминаньях ушедших
След не оставит — ну, что же, и это не горе.
Он Коломбиною будет сегодня утешен.
Роза литании вспыхнула в Ванкском соборе.

Может две наши свечи догорят понемногу.
Что ж, еще ярче стихов засияет свеча.
Будем скитаться отныне. Тоска и дорога
Души нам ожесточат.

Жизнь — заклинаю! — даруй хоть на миг передышку
Паре нелепых коверных. Потом — твоя власть!
Клоун шуту панихиду справляет вприпрыжку.
Плачет лукавый паяц, над собратом глумясь.

6 января 1918
Тбилиси

ХАЛДЕЙСКИЙ БАЛАГАН

О родина, смотрю я на тебя
Из сумерек партера.
Мой старый балаган, с тобою снова я —
Бродяга и актер.
От выпвета души твоей не защитили
Ни пестрая фанера,
Ни холст цветной — все солнцем беспощадно
Расстреляно в упор.

Еще стекаются с актерами фургоны.
Раскрашенные, в блесках,
Сидят фигляры, фокусники, маги;
Борцы шагают в рост.
О братья милые, сегодня с вами я
Сыграю на подмостках.
Поставим «Душу» мы. Старинный этот фарс
Возобновим для звезд.

Пусть о Тамаре, Троице святой,
О благодати старинной
Расскажет летописца Грузии
Правдивое перо.
А я, склонясь над плачущей моей
Подругой Коломбиной,
Лишь звездам расскажу о ней слезами,
Как преданный Пьеро.

Всегда с тобой рыдать я буду, Коломбина!
И правдой наших слез
Не смыть румян твоих, что положил жестокий
Гример — туберкулез.

22 апреля 1918
Боржоми

ВТОРОЕ АПРЕЛЯ

Взяли Батуми, идут на Орпири татары,
Плачет апрель лепестками багряного цвета.
Гневный Сатурн, ты мне горем грозился недаром,
Горы горбаты и сгорблено сердце поэта.

Возраст поэта измерится четвертью века.
Старше веков его сердце и Грузии старше.
Красный колпак в роковую минуту ответа
Вскинет Пьеро, Гарибальди неистовым ставший.

Немилосердны слепящие звезды Халдеи.
В Ванкском соборе паду на колени во прахе,
Чтобы кошмары ночные мои поредели,
Чтобы расчесться с прошедшим хотя бы на плахе.

Изнемогаю при мысли о новом позоре,
Сам за себя и за Грузию в горькой тревоге.
Друзи мои, вся душа моя в копоты горя,
Горем полны наши прежде веселые роги.

Апрель 1918

ВАЛЕРИАНУ ГАПРИНДАШВИЛИ

Мечта твоя варилась в кухне Гойи.
Ты бродишь в сумерках Эскуриала.
Лишь молния, бывало, озаряла
Полночный Кутаис перед тобою.

Офелия твоя или другое
Твое безумье — сколько матерьяла!
Ты укрощал стихами рев Дарьяла —
Сам весь в крови — в разгар ночного боя.

Там — трупы двойников твоих простерты.
Там жаждет боя тень Лотреамона.
Там я, твой друг, оружием владею.

Там за тобой пылает Запад мертвый.
За мной — Восток таинственной Халдеи.
Мы всех поэтов славим поименно.

Апрель 1918
Орпиди

СВЯЩЕННИК И МАЛЯРИЯ

В малярной испарине бредит больная луна.
И Орпири уже не скрывает рубцы и руины.
Хоть светла эта ночь, но халдейская месса черна.
И отцовский убрус оплетают силки паутины.
...Это сказ о безумном священнике и малярии...

Как раскашлялись хором лягушки окрестных болот,
Словно вправду чахотка сегодня их всех разобрала.
И озноб до рассвета луну пожелтевшую бьет,
Чтоб металась в горячке, сорвав облаков покрывало.
...Это сказ о безумном священнике и малярии...

Ну, какие созвездья терзают нас ночью такой?
Ну, к каким сатурналиям рвемся душой иступленной?
Что ж ты, родина, сердце врачуешь мне желчью сухой,
Что ж ты раны мои прижигаешь железом каленым?
Вот уже саранча налетает на пашни твои,
И проклятые нивы готовы к последней потраве...
Ах, в каком из трактатов теперь описать в забытьи
Желтоглазое время монголов и дни Моурави?!
...Это сказ о безумном священнике и малярии...

Нынче небо Халдеи безжалостно, как эшафот.
Этой ночью в Орпири нельзя ни уснуть, ни забыться.
Ну так что однолюбу осталось от прежних забот—
Только боли свои собирать по слогам, по крупичам.
О, звезда Сакартвело, и впрямь ты отныне мертва.
И метания наши — всего лишь потуги пустые!..
И в псалом погребальный вплетаются те же слова —
Прежний сказ о безумном священнике и малярии...

Октябрь 1918
Тбилиси

СЕЗОН В ОРПИРИ

Река гниет, как труп Левиафана.
За родниками следом — не спеша
Уходят аисты. Сгибается душа,
Как ветвь орешины. И вечерет рано.

Лишь донкихоты пасмурных болот —
Худые аисты, да в разоренных гнездах
Лягушки зябкие... И никого. И вот
Октябрь приходит в воспаленных звездах.

На дилижансе прибыл он сюда.
Привез простуды, ухмыляясь едко.
О, родина моя, моя беда,
Ты замерзаешь, как зимой наседка.

И над вселенской грязью наших мест
Лотреамона жаба тонко плачет.
Орпирская земля несет свой крест.
Она — земля, ей не дано иначе.

Земля Орпири, окажи мне честь,
Прими меня, как я тебя приемлю.
...Всем пантеонам, что на свете есть,
Я предпочту болот орпирских землю.

Апрель 1919

САТУРН И МАЛЯРИЯ

Я прежде других повторяю:— Какая беда
Терзает мне душу и гложат надежды пустые?
Минуты страданий судьбой сведены навсегда
В два круга стихов — о Сатурне и о малярии.

В сознании горячечном реквием тяжко гудит.
Лягушки, как звезды, на небе Халдеи дремучей.
И мертвая муха качнулась в паучьей сети.
Я — словно в рубахе — в глухой паутине паучьей.

Любовь и Отчизна... Не вспомню сейчас ничего
О вас,
    и в стихах не восславлю родные святыни.
Я вижу ослепшие очи отца моего.
По мне они плачут в ночи запредельной доньне.

Покоя и счастья, я помню, хотелось и мне.
О, Господи, как не поддаться тоске и сиротству?!
Пропавший бродяга, скитаясь в чужой стороне,
Я горб свой влачу, словно памятник злему уродству.

Август 1919
Тбилиси

БИРНАМСКИЙ ЛЕС

Лес Бирнамский... Халдеи глубокие тени...
И у пьяного гостя на жестком колене
Леди Макбет нагая. Смертельно бело
Одеянье согбенного лорда Пьеро.

Вот Артур. С ним больные его бесенята.
Чианури звучит, в тонких пальцах зажата.
Как смычок, отсеченная напрочь нога.
Тотчас самоубийцы, наполнив рога
И бокалы, как будто к заветной отраве,
Припадают к ним — слава тебе, Моурави!

Круг павлиний замкнулся, и в нем, точно зайца,
Ярко-желтого гонит Паоло малайца.
И Офелия, быстро взглянув, замечает,
Как пощечину звонкую вдруг получает
Бедный Гамлет от дерзкой руки Валериана.

На большом эшафоте и зыбко и странно
Эфемерный возводится храм. Никому
Я не верю... Мучительны нежности Мэри.

Коломбину бьет кашель чахоточный. Двери
Закрывает ноябрь, чтоб не слышать ему...

1919

Тбилиси

«СВЯЩЕННИК И МАЛЯРИЯ» В ГРОБУ

Прошла годовщина, как падал кармин октября
И слезы мои на отцовскую черную рясу,
На глиняный холмик... Раскаяньем жгучим горя,
Отец, над могилой твоею в ознобе я трясся.

Октябрь, желтизна, малярия... Священник в гробу —
Тогда и связалось в беспомощный лепет ознобный.
Мгновение было, когда я нарушил табу,
Наложенное на тайну печали загробной.

Година прошла. Я другого стиха не сложил
И сердце мое очерствело, как камень точильный.
Священник в гробу, малярия... Твой сын пережил
Печали твои. Совершался агап благочинный

Уже за чертой немоты... Никогда не пойму
Видений своих, и солгать никогда не сумею:
Я видел огней ураган и крошечную тьму,
Накрывшую их словно рясой — так ныне Халдею

Накрыло беспамятство. Был я один на один
Со смертью, похожей на призрак отцовский, со смертью
Схватился черту заступивший безумец — твой сын...
Она победила... Всей тьмою и всей огневтерью.

Так кто же остался во мне и меня победил —
Изгоя в отчизне, мечтателя, мономана —
Родителя чтобы рожденный не превосходил!
И не был я в трауре, папа, ты помнишь? Как странно!

Меня это мучит, однако случайностей нет...
Так что ж ты оставил в наследство слабейшему сыну,
Который судьбы изволеньем всего лишь поэт,
Бредовой строкой провожающий эту годину?

СВЯЩЕННИК В ГРОБУ. МАЛЯРИЯ.

СВЯЩЕННИК В ГРОБУ...

Умерший, ты справь обо мне, о живом, панихиду —
Я буду спокойней, чем ты, я осилю судьбу,
И слезы и строки глотая, как горькую хину,

Ноябрь 1920

ПАОЛО ЯШВИЛИ

Вот мой сонет, мой свадебный подарок.
Мы близнецы во всем, везде, до гроба.
Грузинский полдень так же будет ярок,
Когда от песен мы погибнем оба.

Алмазами друзья нас называют:
Нельзя нам гнуться, только в прах разбиться.
Поэзия и под чадрой бывает
Такой, что невозможно не влюбиться.

Ты выстоял бы пред быком упорно
На горном пастбище, на круче горной.
Голуборожец, полный сил и жара.

Когда зальем мы Грузию стихами,
Хотим, чтоб был ты только наш и с нами.
Будь с нами! Так велит твоя Тамара.

Август 1921
Тбилиси

ЗНАМЯ КИММЕРИЙЦЕВ

Словно знамя киммерийцев,
Небосвод изодран в клочья.
Стяг Халдеи багровеет,
Кровью, ядом напоен.

Скорпион мгновенье выбрал —
Он себя ужалил ночью;
И над городом сожженным
Вихрь пылающий взметен.

Наша лирика сегодня
Зарыдать опять готова,
Ей о белых днях воскресных
Сердце помнить не велит...

Как паяц, на храм Лафорга
Влез паук, искавший крова,
И на тонкой паутине
Он под куполом висит!

У Христа теперь четыре
В мире есть евангелиста:
Гоги, Валериан, Паоло,
Я — четвертый, Иоанн.

Остров Патмос — мой Орпири,
Край нетленный, край лучистый,
А для нового крещенья
Топь Риона — Иордан.

Все уйдем мы. Будет сломан
Меч стиха у рукояти,
И поэзия пред смертью
Свой поднять не сможет взгляд...

И в агонии, чуть слышно,
Как последнее заклатье,
Наши имени четыре
Трубы скорбно протрубят!

Но архангельского гласа
Я не слышу рокового,
Патмос гибелью не дышит,
Не влечет его она...

А меня сегодня Демон
Наших дней тревожит снова,
Подливать не нужно в чашу —
Без того она полна!

1921
Тбилиси

АНГЕЛ-ВСАДНИК

1

Свет Апокалипсиса! Дальний путь —
Халдея, Киммерия, перевалы
Кавказа... Судьбы Грузии догнать
Возможно разве только на крылатом
Коня: но путь твой ныне к нам ведет,
И вся надежда наша ныне — ты,
Свет Апокалипсиса, ангел-всадник!
Легко ль осилить было дальний путь?
И если мы, поэты, существуем
Досель, то лишь благодаря тебе...

2

Легко ли было одолеть болота?
У нас, в Орпири, увязала в них
И цапля! Одиноко там стоит
Храм Белого Георгия, и грудь
Отца — опора для тугих копыт
Летящего коня... Каждую ночь
Меня терзало небо Вавилона:
Столбами из болот вставая, всю
Округу отравляла лихорадка —
Тогда-то в душу мне навек запал
Один напев, и Грузия его
Запомнит. В юности впервые мне
Явился юноша бессмертный, ангел
Надежды Апокалипсиса...
Все
Прошло пред ним: заря на Красном море,
Эскадры пьяных кораблей, матросы
Сидона, караваны с серебром
И золотом Халдеи, Золотое
Руно, меч Олоферна, копьё Македонца,
Кривые сабли мусульман, Джалал-
Эд-Дин, кастрат и негодяй Ага-
Мохаммед-хан Иранский... И веками —
Долины Грузии, как зеркала

Великих азиатских плоскогорий:
Походы узкоглазых желтых орд,
Их оргии и резкий запах спермы
В гаремах. В реках крови, в языках
Огня теряется воспоминанье
О юном белом всаднике — бессмертной
Надежде Апокалипсиса.

3

Я,
Последний внук прославленных поэтов,
Царей смиренных, получил в наследство
Обломки сабли Саакадзе. Я
Узнал все в мире, кроме одного —
Статистики безвестных, безымянных
Героев Грузии. Но помню я
Грудь женскую в клещах у палачей,
Крцаниси, Цицамури, своды камер
Метехи, бесконечную дорогу
В Сибирь, в тайгу, и радостную весть
О Революции, о низверженьи
Царизма! И — поэзию Рембо,
Загадочные «Песни Мальдорора»,
Лафорга скоротечную чахотку
И смерть, кровь Карамазова-отца
И сифилис... А как забыть мне вас,
Красавицы Иверии? Царицы
Тамар и Русудан, все Нины наши,
В единственную слившиеся Нину,
Мадонна, Мерико, Мелита, Марта!
Евы без фиговых листков, гетеры
Халдеи древней... Но и вы уйдете,
Забудетесь! Останется одно —
Бессмертный юный всадник, белый ангел
Надежды Апокалипсиса...

4

Вот
Двойник Летучего Голландца — темный,
Тяжелый конный памятник в хинине
Санкт-Петербурга. Ржавчина разъест

Коня; но, как бурдюк с вином, разбухнет
Наездник-император. И тогда-то
Погонит в путь перед собой другого
Евгения бессмертный ангел-всадник!
И дальний путь его не утомит,
И, как Иону, кит не умертвит,
И злые духи разбегутся в страхе
Пред ним. Вот стаи белых голубей
Летят средь белых облаков за Белым
Георгием... — Что ж дальше? — Ничего!
Эсхатология... бред, как обычно...

Но я, поэт, в пути далеком этом
Отстал и заблудился в зеркалах
Широких Грузии. И я слышал,
Как длинноусых карликов толпа
В Сиони пела «Аршин-мал-алан»...

— Эй, кто из вас похитил Амირани,
Который плакал здесь? А кто заставил
Вдруг замолчать поэта из Рустави,
Который плакал здесь? И кто из вас
Сломал меч Саакадзе, полководца,
Который воевал — не плакал здесь?
Хребет, поклонами не искривленный —
Вот древко стяга киммерийцев, стяга
Георгия Победоносца; кто
Согнул его? Древнее семя — запах
Вина Эрети, кладезь без конца
И края; кто же иссушил его?
...Вдруг загорланят хриплыми басами
«Многая лета» и вино стекает
По их широким, словно океан,
Штанам с расстегнутыми поясами.
Хор карликов с огромными усами
Поет в Сиони «Аршин-мал-алан»...

1921

НИНЕ МАКАШВИЛИ

Словно с креста балаганного — красное платье.
Голос твой нежностью болен — могу ли молчать я?
Старый сонет навевает терцину упрямо...
Тьма опустилась, молчат на базаре духаны,
Месяц восходит, похожий на труп бездыханный...
Как ты смеялась под сводами Ванкского храма!
Мы на Мухранском мосту, над кипящей водою.
В Грузии жить — все равно что покончить с собою!
Самозабвенно мы любим сс, беспричинно —
Нравится нам заманившая нас паутина...
Ило, Зенон — орден смерти, старинный, кровавый...
Роги свои наполняем мы сами отравой.
Гибели демон отважно над нами взмывает —
Вижу я морг, что отравленных нас принимает.
Я заклинаю стихами, любовью печальной:
Пусть же Тانيت осенит нас молитвой прощальной!

15 июля 1922

Тбилиси

ЧЕМПИОН СЕЗОНА

О, это все темно и непонятно,
Как жизнь иероглифов темна.
Я — мальчик, чиркающий грифелем невнятно,
Когда душа другим увлечена.

Мадонна на базаре Дезертирском —
Не ново ли? Я холоден душой.
А «Западный диван» напишет с блеском
Какой-нибудь торговец небольшой.

Мне прежнее пристрастие к излишням
И слезы беспричинные смешны.
Ведь лира — гусли, лирика — кривлянье,
Когда надежды в прах сокрушены.

О сожаленье, а не о спасенье
Молю. Скрипичной мессой мне в ответ
Лафорговское плачет воскресенье —
И просит мира проклятый поэт...

Орпири... Дождь... Потоп... Добыг волною,
Ихтиозавр в ревушей тьме исчез...
И мнится: я — в порфире, надо мною
Нашептывает страсти мокрый бес.

Бегу за уходящим днем, едва ли
Не как ребенок. Моего отца
Священники — двенадцать! — отпевали,
Ни одного — в час моего конца!

Господь приемлет душу. В целом свете
Он ведает: не для земли она...
Так малярка плакала в поэте.
Сумбурна речь Табидзе и темна.

*18 октября 1922
Тбилиси*

МЕЛИТЕ

Александрия... Карабулах...
Звездная гончая, нимфа Мелита...
Стих подступает, как конь на рысях,
Ярость Мадонны, нимфа Мелита!

Долго поэта терзали мечты;
Вот, заставляя прохожих молиться,
Взор Клеопатры скользит с высоты.
Сердце распорого, стих мой дробится...

Видится мне: тень за тенью идет, —
Что рассказать им, поэзия, сможешь?
Первой мечты окрыленной полет!
Ты красоту открываешь и множишь...

Лирика душу сегодня влечет.
Разве Пиндаров у нас не бывало?
Как этот стих неровно течет, —
Новых стихов он залог и начало.

Пусть, королева сезона, с тобой
Мчит, как гарольд, до Парижа афиша...
Сложит в кафе тебе песню другой,
Встретим стихами возврат из Парижа!

Звездная гончая, ярость Мадонны...
Кахетии сломанная корона.

1922

ГИОН САГАНЕЛИ

Давай-ка припомним в стихах и помянем вином
Тебя, наш лукавый чертенок, Гион Саганели.
Наверное вскорости все, как один, мы умрем,
Так круто и зло раскачались лихие качели.

Кто стал бы сегодня в поэзию верить как ты,
Кто стал бы как ты перед смертью томиться стихами?..
Вот, кажется, мы и дошли до последней черты —
И стих цепенеет, и слово твердеет, как камень.

Еще до конца дочитаем мы твой манифест.
Еще мы поймем, что стихи без тебя потускнели.
И словно очнемся: так вот он — отчаянья жест,
И знак обреченности! Бедный Гион Саганели!..

Мешаются мысли... Чего ж я твержу, как заклятье:
— Чертенок и молния... Маленький гробик...
Большое проклятье...

1922

23 АПРЕЛЯ 1923 ГОДА

Снилось кафе «Монпарнас» мне под утро сегодня:
Шумной сенат суеты, словословия, прений...
Сон моим грезам несбыточным — лучшая сводня.
Я и сегодня напьюсь в честь своих сновидений.

Ты, мой Тифлис, красоты и веселья столица.
В солнце твоём растворяются прошлого тени.
Бесики песнь колдовскою рекою струится.
Душу сжигает апрель ликоваьем весенним.

Я не хочу умереть патриархом в постели.
Вольно ж мне было считать дорогие утраты!
Там, где родные могилы цветами пестрели,
Канатоходцы с утра натянули канаты.

В жизни чудак, и в стихах начудил я довольно.
Ах, это правда, и все ж я прощенья не клянчу!
Костью игральной служу я судьбе своевольной,
Но эта скачка страшна лишь заезженной кляче.

Нынче меня отпустили разбойники с миром.
Это и впрямь день поэзии. В праздничном гуле
Передо мною в толпе прошлогодним кумиром —
Астра-Астарт-Мелита опять промелькнула.

23 апреля 1923

ОРПИРСКИЙ ЗЛАТОУСТ

Не пугай с златоустом-окропири
Лягушку, надрывающую горло!
Легко узнать и в царственной порфире
Болтуню, выступающую гордо.
Я сам ее воспитанник, наследник,
Поэт Табидзе — сквернослов... О, Боже!
На Рождество, на Пасху и в Сочельник
Я говорю всегда одно и то же.
С амвона церкви, церкви улетевшей,
Читает квакша проповедь, поди ж ты!
Так в казино крупье: «Вот карта ваша!»
Так в баккара: «Все ваши карты биты!»
А прямота какая! А публичность!
(В речах не столько пыли, сколько пыли).
В поэзии, увы, исчезла личность...
Жива лишь в Рафаэле Эристави!
Вот это праздник! (Если вы читали
Его стихи и чудом не забыли).
О, если бы поэзию любил я
Или хотя бы Грузию, как, скажем,
Любила моя мать свою корову!
(И ты, кому смешно все это слушать,
Так собственных детей любить не можешь).
Кому где квакати — судьба, кому где пети...
Еврея Даниэлу — в Имерети,
В Кахети — пети Дедасу Левану...
(Все ждут стихов небесных, словно манну!)
А вот невесты, горлицы мои,
В ночь, страшную для них, поют стихийно?
Стихи Акакия поют, стихи Ильи.
(Я все отдам, чтоб стать хрестоматийным!)
Георгий Саакадзе — снова с нами.
И в небольшом приданом, говорят,
Был непременно «Вепхвисткаосани».
У нас стихами вас благословят.
(Но дадаисты в чохах и папахах!
Джавахишвили Иванэ — в Плугархах!)
Все ходят в гениях. У нас любой — поэт.
(Лишь о Табидзе диссертации все нет!
Воистину, прелестна левизна

В поэзии, где древность — новизна).
К поэзии огромен интерес.
Иметь единоличного поэта
Всем хочется... И в Грузии он есть!
Да у любой веснушчатой девчонки
Был собственный поэт. В обычьях — это.
Спустись сегодня Богородица с небес,
Боюсь, она б осталась невоспета!
Все квакает орпирский златоуст,
Ораторствует жаба, раздуваясь:
«Кому писать стихи здесь трудно, пусть
Об этом скажет прямо, не смущаясь.
Смелей! Смелей! Воды набрали в рот?
Смешней ваших стихов — смешней, вы сами!
В век электрификации и НОТ —
Не человек, кто занят лишь стихами!»
Спросите у любого, кто к вам вхож,
Поэта, тонко знающего дело...
От чьих стихов его охватит дрожь?
Стефана Малларме или еврея Даниэла?

Май 1923

МЕЛИТА

Дадаистический мадригал

Имя мое — Тициан, — как ни странно,
Больше всего опозорено
Сравнением с бархатом Тициана
На старинных полотнах разодранных...
Ведь не предвидел, честное слово,
Ты, Тициан, двойника такого!

Мэри Шервашидзе висит портрет,
Вырван из журнала Диасамидзе —
Художник писал его несколько лет...
Глядит на мой стих с улыбкою дама,
Лицо Богоматери у нее —
Издrevле таким воздвигали храмы...
И сверху глядишь на меня ты, Мэри, —
Я из журнала Сандро Канчели
Вырвал этот портрет —
Художник писал его несколько лет...

А ты, Мелита, смотришь на чистое
Небо Тютчева —
Небо Рима.
В Италии, думаю я, футуристы
Сейчас от тебя в восхищении...
Тбилиси ж идет на убыль незримо,
Все медлит и медлит землетрясение.

Май 1923

ТБИЛИСИ

Ода

О землю посохом ударил Горгасал,
И город мой восстал на горе и на муки.
Он голосами павших лиру мою звал,
Бесчисленных крестов протягивая руки.

Сказаньем песенным хотел бы в высоту
Над Картли взмыть в заоблачные выси.
От смертной жажды изнывая на лету,
Подобно соколу в легенде о Тбилиси.

В Куру потоками стекала кровь с полей
Врагом растоптанных и кровью напоенных;
Катились наземь купола твоих церквей
В те дни с плеч каменных, как головы казненных.

Меч Саакадзе на врагов со взмахом взмах
Тогда обрушивал разящие удары,
И, как снопы, на окровавленных токах
Детей расплющивали досками татары.

Навек с душой царя Ираклия ушла
Печаль, окутанная сумеречной правдой,
Когда над Картли дымно розовела мгла
От моря крови и от зарев над Марабдой.

О том поэты нам не смеют рассказать,
Листая летопись измученной столицы,
И даже Руставели отводил глаза
От крови, склеившей шафранные страницы.

И если чья-то песнь, как стих Саят-Нова,
Как лебедь крылья над тобою распростерла,
То знай, что эти полумертвые слова
Текут из насмерть перерезанного горла.

Ты — город-мученик, и вечный твой гранит
Мне стал уже давно источником мучений, —
Певец твой легендарным соколом сгорит
В неопалимости кушины поколений...
Так жди, когда, тобой сраженный влет,
Поэт к ногам твоим, как сокол, упадет.

1923

СКВЕРНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Шесть лет собиралась,
А ныне исторгла
Душа моя стихотворенье...
Его назову «Воскресеньем Лафорга», —
Скверней я не знал воскресенья!
Не слышится звона колоколов,
Стоят, как призраки, храмы.
Ах, если бы я не сказал этих слов,
Желчь в сердце б мне хлынула прямо!

Похвастать могу, что даже во сне
Являюсь я истинным богом лени:
А если прибавить, что вижу в вине
Родную стихию, исток вдохновенья, —
То в Грузии нашей могу при этом
Самым великим прослыть поэтом!

Теперь сюда, пожалуйста, гляньте:
Котэ Марджанишвили,
Шалва Дадиани,
Ушанги Чхеидзе,
Сандро Ахметели
Восседают в цирке Братьев Танти
На юбилее Кула Глданели.

У карачохели сих, в самом деле,
Откуда такой темперамент возник?
Стоит на арене бедняга Глданели,
Как прогоревший купец-оптовик;
А перед нами — его прежний портрет,
Но силы железной —
В помине нет.

Как самоубийцы, бредут по проспекту
Гаприндашвили и Надирадзе, поэты...

Потом (от жары шумит в голове)
Задыхасмся мы на «Веселой вдове».

Описано в этом стихотворенье
Одно упраздненное воскресенье.
Потом — ведь время летит вперед —
Уж так не смогу развлекаться я...
Пора настает, начало берет
Стиха электрификация.

Июль 1924
Тбилиси

МУХАМБАЗИ, КОТОРОЕ НЕ ПОЕТСЯ

Из Ортачалы плыл Орбелиани
С уловом рыбы в легком челноке,
Зурна звенела в утреннем тумане,
Как будто бы подъем в татарском стане
Пронзительно трубили вдалеке...
И зурначами встрепанное утро
Уже грузилось в сливах на мулов,
В корзинах отливая перламутром
Росы коджорских утренних лесов.
Саят-Нова словами поутру
Трясет за косы сонную Куру, —
Там песнь его всю Каро горланит:
«Где прогремят стихи Саят-Нова,
Там гром гремит и клонится трава!»

И вот проснулся мой Тбилиси,
Спросонья потянулись цепи гор.
Ущельями зевнув, поднялись выси
И вызывают сердце на простор.
На двух горах с зарею над Кабахом
Необычайно снег порозовел,
Как на щеках сестер, которых замуж
Орбелиани выдать не успел.
С зарей еще прекрасней храм Кашвети.
В такое точно время, на рассвете.
Орбелиани плыл в родные дали,
Туда, где тамаду уже давно
Рога, вином наполненные, ждали
И подносили с криками вино:
«А ну-ка, парень, пей до дна смелее!»
Я — Тициан. Пусть знают, как я пью...
Но я в стихах во много раз сильнее:
Не только гром гремит под песнь мою —
Она под шум кладбищенской травы
Рассыплет в щепы гроб Саят-Новы.

Май 1925

РАСТЯНУТЫЙ МАДРИГАЛ

М(арте) М(ачабели)

Ты вся отточена, как сабля Мачабели.
Ты — выше виселицы! Взор твой — это взор
Мадонны в час, когда от белой колыбели
Падет на Картли он, и светел и нескор.
То мне река Лиахва снится... То не спится...
А лишь засну: и бой! И мчится атабек!
Плывут тела татар сраженных. И Аспиндза
В Куру засмотрится отныне и навек...
Опять в грузинских погребах играют вина,
И рыцарь к рыцарю спешит, и к рогу — рог.
Бессмертно солнце наше! Нет еще грузина,
Чтоб перед смертью он забыть об этом мог.
Не быть мне мастером, стыдливым и невинным —
Пусть он царицын лик во фреске сохранит, —
Но надо стыд забыть, чтобы пером гусиным
Махать настойчиво, когда клинок звенит.
Вот сердце! В Картли ты — последняя царица!
Возьми себе — да из него не пожалей
Корону вырезать. Пусть побледнеют лица
Других поэтов от гиперболы моей.

Июль 1925

Тбилиси

МАТЕРИ

Я был похож на Антиноя,
Но все полнею, как Нерон.
Я с детства зрелостью двойною
Мук и мечтаний умудрен.

Я вскормлен топями Орпири,
Как материнским молоком.
Будь юношею лучшим в мире —
В два дня здесь станешь стариком.

В воде ловили цапли рыбу,
И волки резали телят.
Я людям говорю «спасибо»,
Которые нас возродят.

Я лить не стану слез горячих
О рьшущих нетопырях.
Я реющих мышей летучих
Не вспомню, побери их прах.

Ты снова ждешь, наверно, мама,
Что я приеду, и не спишь;
И замер в стойке той же самой,
Как прежде, на реке камьш.

Не движется вода Риона
И не кольшет камьша,
И сердце лодки плоскодонной
Плывет по ней едва дыша.

Ты на рассвете месишь тесто —
Отцу-покойнику в помин.
Оставь насиженное место,
Край лихорадок и трясин!

Ты тонешь вся в кручине черной.
Чем мне тоску твою унять?
И рифмы подбирать позорно,
Когда в такой печали мать.

Как, очевидно, сердце слабо,
Когда не в силах нам помочь.
А дождь идет, и рады жабы,
Что он идет всю ночь, всю ночь.

Отцовскою спитрахилью,
Родной деревнею клянусь,
Что мы напрасно приуныли,
Я оживить тебя берусь.

Люблю смертельно, без границы
Наш край, и лишь об этом речь.
И если этих чувств лишиться —
Живым в могилу лучше лечь.

Июль 1925
Тбилиси

ТАМУНЁ ЦЕРЕТЕЛИ

Никогда не бывало так радостно мне,
Как сегодня. Не знаю, в чем дело.
Не хочу я, чтоб сердце горело в огне,
А искусство мое охладело.

Из ворот ТашискарИ летит ураган,
Блещет пламенем шлем Моурави.
Серп луны изогнулся, прорезав туман, —
Скорбный месяц в холодной оправе.

Замирая, не в силах я глаз отвести
От развалин старинного стана.
Опоясан мечом, я стою на пути.
Но не видно нигде басурмана.

И стихи Гуриели похожи на стон:
«Кто прославит Тамарины чары?»
Жизнь моя — только миг, но разрублен и он
Соименницей дивной Тамары.

Кто прославит Тамару и этой другой
Кто споет, распростершись во прахе?
Светозарная Картли горит надо мной,
И в плену я у стен МодИ-Нахе...

*Июль 1925
БоржомИ*

ИЛАЯЛИ

Посвящается Али Арсенишвили

В Скифии я... Киммерийские сумерки
Испепеляют.
Слышишь, Али, твоим голосом
Пушкина снова читаю.

Слезы фонтана Бахчисарая меня
Обливают...
Старым фонтанам оплакивать нас
Не мешаю.

Спрашивал я и у ночи — у скифской,
Дремучей:
Где наша юность? Блаженство?
Восторг, упоенье?

Кто запечатал сердца наши
Кровью сургучной?
Кто так и не дал взрасти, возмужать
Вдохновенью?

Скоро в Тбилиси, как некогда
Важа Пшавела,
Я привезу новых песен
Тугие хурджины...

Все-таки больше, чем песен,
Везу я тоски и кручины,
Вот уж в чем родина
И без мня прусупсла.

Духом печальным Овидия
Мог бы поклясться,
Мы еще ближе друг к другу,
Чем некогда были.

По Руставели мечтаю с тобою
Пошляться,
Мы бы забытые строки стихов
Воскресли.

Припоминаю, он шел Лоэнгрином
Навстречу...

Яблони к Белому мосту и лебеди
Так выплывали...

Рьщарем помню тебя и поэзии
Данником вечным...
Ах, в Кутаиси какие рассветы
Мы не замечали!

Вспомнил Тбилиси... Молочное утро
На Вардисубани,
Речи сумбурные, пар от стихов,
Иляяли...

Бредит духан, погружаясь в Саят-Нову,
Как в омуг...
Все-таки что-то, Али, от огня, от того,
Не могло не остаться!

Год восемнадцатый. Год восемнадцатый!
Будь же он проклят!
Все мы — гусары, Али! Летучие все мы —
Голландцы!

Плачет душа моя, плачет бессмертная,
Праведность — завтра!
О, в светлячка воплотившийся
Дух Иляяли!

Буэнос-Айрес... Кастилия
И Алехандро!
Вот и малайцы!.. Они одеями белыми
Головы все обмотали.

Этим мучительным дням
Отошла панихида.
Их Сабанеева нежно оплакала
И Провиденье.

Что же и нынешней ночью
Я колокол слышу Давида?
Все — сновиденья. И Скифия эта моя —
Сновиденье.

14 августа 1925
Анапа

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЧУЖЕСТРАНКЕ

Стих не прочтешь ты этот, и о нем
Ты не услышишь. Говорил тогда я:
«Лишь о Тифлисе вспомнишь ты ночью,
Лишь он останется, не увядая».

Был исцарапан я, изранен. Что ж?
Тифлис и тигра помнит посещение.
И разве розу без шипов найдешь?
Кто строгости твоей придаст значенье?

Сперва тебя Фатьмой хотел я счесть.
Сам выдавал себя за Автандила.
Перчатками, оберегая честь,
Словно кинжалами, меня ты била.

Зачем поведал я про случай тот?
Олень не станет восхвалять поляны
И травы их. Но если воспоет
Тебя другой — припомни Окроканы.

*Октябрь 1925
Тбилиси*

ИЗ ПОЭМЫ «ЧАГАТАР»

Как бы я ни был покорен, я смею
Голос возвысить и требую слова.
Что мне идея! — люблю идею
Память позором одернет сурово.

Гумна тбилисские. Здесь, может статься,
Гибли под цепом невинные дети.
Мне не дадут в стороне оставаться,
О мой Тбилиси, страдания эти!

Я на себя призываю побои.
Дайте мне слово, я слышу доньше,
Как Александр горевал над Курою,
Плач Шамиля различаю в теснине.

Кто-то сталь сабли без устали точит,
Рвется к Дарьялу, неистово лая.
Каджи над Тереком в бубен грохочут,
Вот и Казбек, как свеча восковая.

Голос мой с голосом гордым животных —
Льва и орла — не сравнить, слишком тонок.
Поскрип заслыша досок эшафотных,
Заверещу, как на бойне теленок.

Смерть подступила к Ага-Мамед-хану.
Хватит, довольно топтал он Тбилиси.
В строй ратоборцев марабдинских встану,
Чем я не ровня героям Крцаниси!

С доблестью званье поэта сравню я. —
Званье воителя доблестней вдвое.
Как я люблю эту землю святую —
Грузию объединили герои!

И завещаю я в ночь невезенья,
Самую страшную ночь моей жизни:
Будь Александра-царевича рвенье
Вечным — ведь это печаль об отчизне!

И, как мюрид, я клянусь бородами
Славных — Шамиля седой бородою
И Александра — они наше знамя:
Пусть я призванья поэта не стою,

Пусть же оно от меня отвернется
Безоговорочно, без сожалений,
Если и мне совершить не придется
Дела, достойного ваших свершений!

Ноябрь 1925
Тбилиси

* * *

Жить легко и свободно хочу я, несвязанный атом.
И у нас можно делать добро без страстей и огня...
На персидском ковре я лежу азиат-азиатом,
И овчарка моя беспокойно глядит на меня.

Деловитый поэтик стишок свой в трактире запишет.
— Мы не ровня с тобой! — крикну я.
— Брось перо и свечу!
Лучше «Ангела-всадника» ты отъщи — хоть афишу:
Я короны обломанной тоже, голубчик, хочу...

1925(?)

* * *

Вспомнилось, детство, топи Орпири,
Крыши в соломе, таянье дня...
Мальчик я самый неистовый в мире —
Лучше и пальцем не трогать меня!

Чудится: в чаще прибрежной возводит
Башню за подвиг красавица мне...
Я с Саакадзе в военном походе,
Персов сражая, несусь на коне...

Середина 1920-х гг.

ОРПИРИ

Да где ж они, все эти двадцать лет?..
Опять лежу ребенком на подворье.
Еще своих не оставляли мет
На лбу моем ни радости, ни горе.
В озера опускается закат.
Как Саваоф, застыла Нарикала.
И вид окрестностей замысловат:
В нем узнает ошеломленный взгляд
Тамары достопамятный наряд —
Над этим платьем десять лет подряд
Сто мастериц голов не подымало.

Поэзия, втяни меня, втяни
В могучее свое коловращенье.
...Как я люблю глаза открыть в тени,
Как женственно листвы прикосновенье.

Меня терзает неба высота!
Холодный блеск светил изводит зренья!
Стихи со мной лукавят неспроста
И вызывают вновь сердцебиенье.

Чем безыскусней скажешь, тем скорей
Твои слова другим придут на помощь.
...И яблоневою белизной своей
О грудь мою уже разбилась полночь.

В прожилках небо. Ни души на свете.
Под утро непременно будет ветер.

*20 февраля 1926
Тбилиси*

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Так жить — одному Чагатару под силу.
Свободен ты был, словно конь на скаку.
Скорблю я. Возьми за собою в могилу
Вот эти стихи за строкою строку.

Степная печаль за тобою по следу
Гналась и гнала до Дарьяльских высот.
Мы плачем. Кружи хоть по целому свету —
Что толку? Душа от себя не уйдет.

Нет счета слезам и конца угрызенью
Безжалостной совести, меры стыда.
Но разве из тех, кто не рад был спасенью,
В живых ты один оставался тогда?

Стихи твои кровью сердечной стекали
Из раны пожизненной, капали вновь.
Но разве ты смертью спасешься? Едва ли.
Лишь кровь приумножит пролитую кровь.

Светало. И с пьяною удалью кепку
В котле из-под хаши Паоло варил.
Светало. И смерть обняла тебя крепко,
На улице кровли мороз серебрил.

Поэзия не изменилась. И зори,
Как встарь, словно двери, откроет она.
Но мне все сдается, прикончат нас вскоре —
Такие внезапно пришли времена.

Верны твоему завещанью, отныне
Мы в каждом застолье тебя помянем.
Ты кровью исходишь в глухой мешковине,
Как хлеб, пропитавшийся красным вином.

Ей-Богу, мы родичи были друг другу —
Монгольскую кровь разгоняли сердца.
Взяв душу, стервятники в небе по кругу
Парят, чтоб и пададь склевать до конца.

Давно Амиран изнемог здесь от пыток —
Подобная участь и нам-суждена.
Как мирро, ты выпил смертельный напиток —
И нам допивать это зелье до дна.

Взревел по тебе, так что треснул от рева,
У Чопурашвили орган заводной.
Скрываю я даже от брата родного,
Какой в моем сердце спекается гной!

Вовек потому не избуду печали,
Что верности клятвы, признанья в любви
При жизни, Есенин, тебя не застали,
Ты не отзовешься — зови не зови.

Друзья, если головы наши в канаву
Покажутся разом, пусть знает любой,
Что, как бы то ни было, братом по праву
Есенина Орден считал Голубой!

28 февраля 1926

ТАНИТ ТАБИДЗЕ

Саламбо, босоногая, хрупкая,
Ты привязанною за лапку
Карфагенской ручною голубкою
Ходишь, жмешься и хохлишься зябко.

Мысль моя от тебя переносится
К Карфагену, к Танит, к Ганнибалу.
Он на меч свой подставленный бросится
И покончит с собой, как бывало.

Сколько жить мне, про то я не ведаю,
Но меня со второго апреля
Всю неделю тревожат, преследуя,
Карфагенские параллели.

Я в Тбилиси, но дерево всякое,
Травка, лужица гонят отсюда,
И лягушки весенние, квакая,
Шлют мне весть с деревенского пруда.

Спи, не подозревая ни малости,
Как мне страшно под нашею крышею,
Как я мучусь тоскою и жалостью
Ко всему, что я вижу и слышу.

*2 апреля 1926
Тбилиси*

НЕ УДИВЛЯЙСЯ

Не удивляйся, если вдруг услышишь,
Что Тициан молчит уже давно.
Я раб мечты. Когда мечтою дышишь,
Все прочее забыть не мудрено.

Сегодня я не стану лицемерить:
Мне нравился когда-то дадаизм.
Терзался я. И можешь мне поверить,
Что в этом раздвоенъи был трагизм.

Как эшафот — Халдея... Наважденье!
Плач неба надо мною не затих.
Невозбранимы сердцу заблужденья.
И я поддался одному из них.

Вихрь пролетел у нас над головами.
Я только нынче начинаю жить.
Нельзя огонь пересказать словами,
Как пригоршнею море осушить.

О, детский мир былых стихотворений:
Где истина, где фарс — не разобрать...
Под натиском внезапных откровений
Я начинаю новую тетрадь!

15 июня 1926

Мне свеча святая Алаверди,
И трехсот арагвинцев сраженье,
И сионский колокол до смерти
Душу мучают, как наважденье.
Хватит снова видеть грудь царицы,
Синюю от пыток и побоев,
Знать, что под Марабдой кровь струится —
Страшен остров из костей героев.
Хватит, говорю, нет больше мочи
Слышать тихий плач Светицховели,
Видеть Богородицны очи,
Изрешеченные при расстреле.
Как мне слез не лить о каждой ране,
Как не горевать от произвола!
Пусть воскреснет внук у Дадияни,
И на Картли не придут монголы!
Но беда видна, беда слышна мне, —
Вновь царевич Александр рыдает,
Вновь убийство в Цицамури камни
Кровью праведною обагрят.
Горе ррдины вызывает к мести.
Новой песни не просите, бросьте.
Где возьму я сил для новой песни,
Если в прошлом кости, кости, кости!
Не жалеите о моем бессилье,
Жалости не надо мне, поверьте.
Прахом стал я, пеплом стал я, пылью,
И пою, как накануне смерти.

5 августа 1926

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «АНГЕЛ-ВСАДНИК»

На новый стадион спешит столица,
И белый ангел мчится на коне...
Одною хоть строкой своей хвалиться
На памяти твоей случилось мне?
Пусть это ведают отчизны дали,
Но и тебе, родная, нужно знать,
Как тяжко мяч в игре вести годами,
Чтобы в аду поэмы сочинять...
Вы знаете, кто этот Ангел Сечи
На скакуне, летящем над землей.
Легко ль всю Грузию взвалить на плечи?
Но я — поэт в засаде боевой.
Внук славных мастеров, я против слова
Сражаюсь, из корней могучих пьющего.
Собой, как тканью сумрака ночного,
Укрой поэта Грузии грядущего.

21 августа 1926
Сочи

СКИФСКАЯ ЭЛЕГИЯ

1

Очи выплакивал тут
Овидий о детях и Риме.
Рим и время падут
Перед стихами стальными.

Так же о дальней столице
Пушкин сгорал на чужбине.
Было вчера это, мнится, —
И нет Петербурга в помине.

Рать амазонок здесь гнал
Македонский, но сам стал добычей.
Лев свой доспех променял
Львиный на пояс девичий.

Скифы прошли здесь, коням
Хребты с перепоею ломая.
Саблей дорогу ислам
Здесь проложил до Дуная.

К морю несли свое семя
Народы одни и другие,
Но миновало их время —
В сумерках днесь Киммерия.

Мне-то здесь что, пришлецу?
В сердце стихов трепетанье.
Бьют, не шадя, по лицу —
Пой, лебедь, с пронзенной гортанью!

Здесь, может статья, опять
Пройдут племена вереницей.
Понт Эвксинский, как знать,
Высохнет, дно обнажится.

Все прорастет быльем,
Но до скончания света
Стих пламенеет клеймом
Прямо на сердце поэта.

Здесь, где Овидий навзрыд
Плакал о Риме и детях,
Мне продолжать предстоит
Стих, непрерывный в столетях.

2

Душою не криви, в изгнание не играй:
В своей приверженности ты один виновен.
Я видел Скифию, далекий дикий край,
Но мало проку мне от всех его диковин.
Да я и впрямь люблю тебя, моя страна,
Но в искренность мою уже не верят ныне.
Когда там в ход пошли и плуг и борона,
Тень папоротника искал я на чужбине.
Плач пушкинской строки звучит во мне опять,
И Киммерия вновь стоит перед глазами.
Мне слова ласкового не от кого ждать —
И сердце обливается слезами.
На участь сетуя, с собакою слепец,
Бродячий бандурист пройдет, клюкою шаря.
И этот тихий плач заставит наконец
Расплакаться Христа на нищенском базаре.
Мне плакать хочется, не знаю почему.
Как быть, любой замок на сердце мне навесьте,
Но только обернусь я к детству моему
Заветному — и вновь глаза на мокром месте.
Скончание времен печалит старика —
Еще бы мне не знать, я рос под это пенье.
И скифы на море, и прошлые века
Мне тоже застыт взор слезою сожаленья.

Сентябрь 1926
Анапа

Иду со стороны черкесской
По обмелевшему ущелью.
Неистойвой морского плеска
Сухого Терека веселье.

Перевернувшееся небо
Подперто льдами на Казбеке,
И рев во весь отвес расщепа,
И скал слезящиеся веки.

Я знаю, от кого ты мчишься.
Погони топот все звончее.
Плетьями вздувшиеся мьшцы,
Аркан заржавленный на шес.

Нет троп от демона и рока.
Любовь, мне это по заслугам.
Я не болтливая сорока,
Чтоб тешиться твоим испугом.

Ты — женщина, а кто из женщин
Не верит: трезвость не обманет,
Но будто б был я с ней обвенчан —
Меня так эта пропасть тянет.

Хочу, чтоб знал отвагу Мцъри,
Терзая барса страшной ночью,
И для тебя лишь сердце ширю
И переполненные очи.

Свалиться замертво в горах бы,
Нагим до самой сердцевины.
Меня убили за Арагвой,
Ты в этой смерти неповинна.

*5 декабря 1926
Тбилиси*

КАРМЕНСИТА

Ты налетела хищной птицей,
И я с пути, как видишь, сбиг.
Ты женщина, или зарница?
О, как твой вид меня страшит!

Не вижу от тебя защиты.
В меня вонзила ты кинжал.
Но ты ведь ангел, Карменсита,
Я б вверить жизнь тебе желал.

И вот я тлею дни и ночи,
Горя на медленном огне.
Найди расправу покороче, —
Убей, не дай очнуться мне.

Тревога все непобедимей,
К минувшему отрезан путь,
И способами никакими
Былого мира не вернуть.

В душе поют рожки без счёту,
И звук их жалобно уныл,
И точно в ней ютится кто-то
И яблоню в ней посадил...

И так как боли неприкрытой
Не утаить перед людьми,
Пронзи мне сердце, Карменсита,
И на небо меня возьми.

16 декабря 1926

Привозит дилижанс
И письма и газеты,
И лошади бредут, забрызганы до грив,
Промерив на пути все лужи и кюветы.

За три версты слышать,
Когда зовет кучер:
— Вот «Цнобис пурцели», вот знания листок...
А ну-ка, детвора, набрасывайся кучей!

А я того и жду.
На голову — потуже —
Платок.
Через плетень! Канава позади!
И с пачкою газет обратно — через лужи.

Уже народ притих.
Уже сырой, нехрусткой
Бумагой я шуршу, чтоб гордо прочитать
Народу о войне —
Войне японо-русской.

Отец глазами слаб.
Но все село считает,
Что пусть бы даже он и вовсе был здоров, —
Нет лучше, если сын
Вот так отцу читает.

Крестьяне смотрят в рот,
Качают головами,
Превыше новостей они поражены:
Мальщ, а не смущен мудреными словами...

1926(?)

АПРЕЛЬ В ОРПИРИ

Солнечным жаром Орпири наполнен,
А над садами, где персик с айвою,
Солнце качает цветущие волны,
Пенное кружево над головою.

И, помогая цветенью, кипенью,
Будто бы марш над зеленой дорогой,
Птицы гремят по садам, словно пеньем
Май призывает себе на подмогу.

Поле, набухшее в солнечном свете,
Гонит по мышцам силу земную,
Словно уже прочитало в газете
Передовую про посевную.

Так от Орпири гулким простором
До Чаладиди плывет величанье.
Если обрушатся гордые горы,
Их этот воздух поддержит плечами.

И Арсианский хребет небывальщй
В льдистой короне сияет до срока,
Ждет лишь сигнала, чтоб грянуть обвалом,
В пену цветения пеной потока.

Так и не ведаю, что означало
Вечное пение «Чарирами»,
Но Имеретия мне зазвучала
Близким созвучием — чая и рами.

1926

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

Нико Пиросмани

Привыкли мы славить во все времена
Нико Пиросмани за дружеским пиром,
Искать его сердце в бокале вина —
Затем что одним мы помазаны мирром.

Он трапезы нашей почтил благодать:
Бурдюк и баран не сходили с полотен.
А поводов к пиру недолго искать —
Любой для приятельской встречи пригоден.

Следы нашей жизни, о чем ни пиши,
Изглядятся лет через десять, не боле,
А там на помин нашей бедной души
Придется сходить поклониться Николе.

Заплачет в подсвечниках пара свечей,
В трактире накроется столик с обедом...
Прошел он при жизни сквозь пламя огней,
За ним и другие потащатся следом.

Жил в Грузии мастер... Он счастья не знал!
Таким уж сумел он на свет уродиться.
Поднимем же, братья, во здравье бокал, —
Да будет прославлена эта десница.

1926
Тбилиси

* * *

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Где из ущелья, как из клетки,
Взлетает ястреба птенец.

Я тих, застенчив и растерян.
Как гость, робею я везде,
Но больше всех поэтов верен
Земле грузинской и воде.

Еще над бархатом кизила
Горит в Кахетии закат,
Еще вино не забродило
И рвут и давят виноград.

И если красоте творенья
Я не смогу хвалы воздать,
Вы можете без сожаленья
Меня ногами растоптать.

Высоким будь, как были предки,
Как небо и как гор венец,
Откуда, как из темной клетки,
Взлетает ястреба птенец.

1926

* * *

Трижды существуя,
Я крещен втройне,
Смерть придет впустую
В первый раз ко мне.

Я в конец плачевный
Верить не могу,
Вида ежедневно
Выси гор в снегу.

В третье посещение
Буду я — полей
Сжатых совершенней,
Яблока спелей.

1926

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Сиони рядом был —
Вблизи от Вавилона,
И кедра аромат
На крыльях ветра реял,
И сторожил Кавказ
Надменно, непреклонно
Народов и племен
Затворенные двери.

Да, плач — всегда есть плач,
А плач о доме — вдвое;
Так мы рыдали там,
Где Вавилона реки,
Сто сотен лет назад
В тоске надсадной воя
По мертвому,
От нас ушедшему навеки.

Рыдаю, как Аракс,
Мне глухо вторит Мтквари,
Придет с восходом свет,
Уйдет с закатом снова,
О, Боже, силы дай
Дрожащей, слабой твари,
Когда казнит людей
Свирепый Иегова!

Да, Библия в крови
И все же ищет крови,
И песня все течет
Сквозь сомкнутые веки,
И Байрона напев
Грознее и суровой,
И Гейне слезы льет,
Просаливая реки.

От иудейских слез
Куда поэту деться?
Спеши, спеши, душа,

За сердцем попевая!
Ко мне приходит вновь
Утраченное детство,
Я слышу: вот струна
Давида огневая.

Яфета дочь — рабу
Протягивает длани,
Сидония идет,
Вперед шагая смело...
Дворовый пес в углу,
Надсаживаясь, лает,
И у подъезда ждет
Клиента Даниэла.

Хлопочет Исаак,
Добро продать стремится —
Товар открыт для всех,
Как выставлен на блюде:
— Есть мыло, шпильки, соль,
Гвоздика и корица,
Неужто никому
Не нужно это, люди?!

А ну-ка, подходи —
Парча-мануфактура!..
За ним галдеж и визг,
Мальчишьи крики звонки.
Такая уж судьба,
Такая уж натура —
А где ж, бедняга, хвост
Несчастной лошаденки?

Божится, плачет он, —
И все ж ему нет веры.
Он Бога сто раз в день
Окрутит и обманет.
Кто ведает, что он
Изведал и измерил?
Ходить, бродить, хитрить —
Таким он делом занят.

О, не торгуйся, мать, —
Не знает сам, о чем он
Бубнит, когда твердит
О соли и о мыле...
Был слышен свист кнута
Над ним, над обреченным,
Когда неправый суд
Над Бейлисом творили.

Рыдала и рвалась
В огне душа студента,
Но что он мог свершить,
Что сделать в этом громе?
В смятенье и пожар
Душа была одета,
Когда впервые я
Услышал о погроме...

1926

ИСЕ НАЗАРОВОЙ

Эту память с весенними бурями
Не отдам я прошедшим годам.
Я читаю «Восстание в Гурии»,
Приближаясь к гурийским горам,
К самой первой любви, к той непрошенной,
К той, терзавшей меня по ночам.
И чем дальше мы ветром отброшены,
Тем бездомней, бездонней печаль.
Там, в безгрешном твоём сновидении,
Два поэта, лишённые сна.
И любовь неподвластна забвению,
Ибо может проснуться она.
Ты с Паоло. А третьему лишнему
Выпал сумрак гурийских дорог,
Где рукою подать до Всеvyšнего,
Что утешить влюбленного смог.
Ты, как прежде, чужая и близкая,
Нет, как прежде, отрады в стихах,
Что же делать с горами гурийскими
И ночными огнями в горах.

1926

В АНАНУРИ

Тамуне Церетели

Ты здесь не бывала. И все-таки мне суждено
Запомнить тебя перед сводами этой твердьни.
Два тока Арагвы сливаются в русло одно,
Меня же с тобой разлучают навеки отныне.

О, если бы даже не знал я тебя никогда,
Я б грезил тобою — так Врубелю мнилась Тамара.
Ты над Моды-Нахе сгораешь в ночи, как звезда.
Ты облаком таешь в горниле полдневного жара.

Душа цепенеет, как будто и впрямь на лету
К ней Демон безумный на миг прикоснулся крылами.
Раздай же подругам оленью свою красоту —
Теперь ничего уже больше не сбудется с нами.

Пуškai им поэты слагают стихи о любви.
Пуškai стороной их обходят терзанья и бури.
А мы навсегда погребаем надежды свои
Безумною ночью, в потемках, у стен Ананури.

Смотри же, я гибну. Так бьется форель средь камней,
Бока обдирая на суше горячей и пыльной.
Разорваны жабры, и с каждой минутой трудней
Глотать этот воздух — тяжелый, сухой, непосильный.

Вот так и уходят поэты в последнюю тьму,
Где больше уже ни страстей, ни стихов, ни витийства.
Где больше не надо сквозь слезы себе самому
Слагать в забвѣти колыбельную самоубийства.

1926

ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ

Нине Макашвили

А влажный звук неотделим от плоти —
Лениво набегающей волны.
Зажмурься и шепчи: Э в к с и н и с п о н т и...
М е д е я... Эти звуки — эти сны —

Твои. Но почему опять Медея?
От страха то горя, то холодея,
За звуком следую, за языком.
Глотает пламя мой камин-дракон,

И багровея в отсветах камина,
Дрожит руно. Успеешь сердце сжечь,
Пока судьбина медлит, как лавина,
Пока немоту не расторгнет речь.

Но то, что я скажу — пребудет Словом.
В нем будешь — Ты. А древний будет миф
Прохладным облаком — Твоим покровом,
Полуденное солнце притемнив.

Слова — укронней монастырской кельи,
Нежнее, чем понтийская волна...
Строфа — как крепость! Как Саргис Джакели!
И в каждом слове — Ты. Лишь Ты одна.

Гляди: взлетает Гагра-лебедица
И правит на Эльбрус. Свежеет Понт...
Мне и ему — так радостно трудиться —
Бить в берег и лохматить горизонт!

Сполна сказаться в грохоте и вое,
Встречая августовский звездопад—
Скала — волна и слово — все живое —
И Ты — всему гармония и лад...

1926
Гагра

ИЗДРЕВЛЕ

Издrevле дня каждодневной вершиной
В Грузии вина сердца веселили,
В руки из рук те спешили кувшины,
Как от Дербента до Никопсии.

С собственной кровью смешав, как причастье,
Пил удалец их у смерти порога,
Резал, сшибаясь, татар он на части,
Шашке доверив и битве дорогу.

Сгнули в бурях те крестonosцы,
Нет и красавиц, что в башнях томятся.
Кто их вспомянет? Кто в них разберется?
Кто за них выпьет? Нам ли стараться...

Пел на Арагве Бараташвили,
«Химерион» меня душит доселе,
Коршуном вглубь взметнулся, и взмыли
Ветры — еще холодней, чем в ущелье.

Что же мне слезы любимой и милой?
Вихрь не прошу рыть могилу я с визгом.
Пусть же сгорят мои кости и жилы
И в крематории новом тбилисском.

Братцы, струею прекрасного света
Пенятся роги и в ветер и в стужу,
В Грузии трудно бранить нам поэта
За то, что с вином так издревле он дружен.

7 января 1927

ШАРМАНЩИКИ И ПОЭТЫ

В Белом духане
Шарманка рыдает,
Кура в отдаленье
Клубится.
Душа у меня
От любви замирает.
Хочу я в Куре
Утопиться.

Что было — то было,
Пирушка-забвенье.
Принесите из Арагвы
Форели!
Оставлю о милой
Одно стихотворенье:
Торговать мы стихом
Не умели.

«Нина, моя Нина,
Замуж не пора ли?» —
«У тебя не спрошусь,
Если надо».
Играй, мой шарманщик,
Забудь о печали!
Для меня мухамбази —
Отрада.

Танцор на веранде
Плывет, приседает.
Любовь за Курой
Устремилась...
«Сначала стемнеет,
Потом рассветает.
Тамрико от любви
Отравилась!»

Неправда, шарманщик!
Забудь это слово!
Ей зваться Тамарою
Сладко.
Но только красавица
Любит другого:
В поклонниках нет
Недостатка.

Играй же, шарманщик,
Играй пред рассветом!
Один я ей дорог,
Не скрою.
Как быть ей со мною,
Гулякой-поэтом?
Розы в Грузии
Сеют с крупною.

Но коль ты задумал
Потешить грузина,
И твоё, видно, сердце
Томится.
Знай, найдет себе мужа
Черноокая Нина,
Не захочет Тамрико отравиться.

Есть для женщин закон:
Их девичество кратко.
Скоро същёт девица
Супруга.
Мы же гибнем, шарманщик,
Жизнь отдав без остатка,
Нам и пуля сквозь сердце —
Подруга!

*16 февраля 1927
Тбилиси*

ВСТРЕЧА С КОНСТАНТИНОМ БАЛЬМОНТОМ БЛИЗ МОСКВЫ В ЛЕСНОМ ГОРОДКЕ

Мы подем шли...Доверчивей ребенка,
Волшебник, за тобой я поспешал.
Ты — легкий шаг, походка, как поэмка —
Ветрами, как Христос, повелевал.

«Я был в России. Грачи кричали.
Весна смеялась в мое лицо».

Носился ветер с прошлогодним сором
И прядь волос медовых развивал,
И каркал ворон, или плакал ворон,
Твои стихи картаво повторял.

«Я был в России. Грачи кричали.
Грачи кричали: зачем, зачем?»

И у тебя я был... И плакал ворон,
О чем он плакал, разве угадать?
Но родина вставала перед взором,
И слез горячих я не мог унять.

Десятилетье огненное это
Из памяти не выжгло прошлых дней.
Но сколько же в то лето было света,
Что до сих пор светло в душе моей!

— «Важа Пшавела в это лето умер», —
Сказал и сам не поднял головы.
В предсмертной жажде он как обезумел
И словно бык просил: травы, травы...

С тех пор меня не покидало чувство,
Что на два солнца я взглянуть успел.
Фантазии ли, нежности ли буйство,
Но с этим я бы умереть хотел.

«Собачья» ли «площадка», где я маюсь?
Никольская ли церковь? Все, как встарь...
Но позвонить у двери не решаюсь, —
Здесь прежде был престол, сиял алтарь.

Здесь Скрябин день и ночь со смертью бился,
Звучал здесь Руставели...Я читал
Оригинал... и пот с меня струился,
Здесь Грушка, наш декан, тогда живал.

И ты читал... Нет, так берут аккорды,
Так мед из сотов пьют, так льют свечу!..
И я родной земли почуял корни,
Цветущую увидел алычу.

Что, Балтрушайтис дремлет? В самом деле?
Хорош Волошин, с головою льва!
И вдохновенный голос Руставели
Покрыли зимней нежности слова.

Тебя, великолепного поэта,
Ждут с голубьими рогами друзья,
Второго «Витязя в тигровой шкуре» где-то
Тбилиси ждет, ждет Грузия моя.

Уже тогда и порознь и вместе
Пыгались футуристы мир менять...
Но мы, мы данники одной, старинной чести,
И нам с любовью в сердце умирать!

Февраль 1927
Тбилиси

ТБИЛИССКАЯ НОЧЬ

Как будто умирающая, ночь
Вся изнывала, как певец в ударе.
Иль вправду помогли ей изнемочь
Там, за Курой, рыдающие тари?

И на плоту сосновом пел старик.
И песни незапамятная старость,
Преобразив его гортанный крик,
На что-то там надеяться старалась.

А я чем жив и до чего дошел?
Как Шавнабада, черен я и гол.
О чем же сердце плачет человечье,
Сжигаемое известковой печью?

Зачем мне стол, накрытый на плоту,
И то вино, что бражники глушили?
Схватить бы лучше в руки бомбу ту,
Что некогда швырнул Джорджиашвили.

Вот чем я стал и до чего дошел.
Как Шавнабада, черен я и гол.
Клянусь вам честью, я бедней и жальче,
Чем тот обугленный загаром мальчик.

Я буду петь индустриальный вихрь
И старый мир крушить, как плот дощатый.
Икар взлетел на крыльях восковых,
Но не крылам, а сердцу нет пощады.

Прости мне, если сердце залито
Еще слезами о заре весенней.
Я сам ревную к нищему за то,
Что он поет и плачет об Арсене.

Я сам на загнивающем плоту,
На том дощатом лебедь сосновом,
Но я не кончил. Я еще расту.
Еще надеюсь: все начнется снова.

16 марта 1927

В КАХЕТИИ

1

Слушайте зов Алазанской долины,
Гости далекие, голос старинный.
Пробуйте, пейте вина Кварели,
Чтобы сердца на пирах потептели.

Всех приведите: певцы здесь желанны,
Стол им открытый лозы обвили,
В Шильде споет вам Дедас Левана
Или в Артанах — Каралашвили.

Пусть по селеньям прокатится громом
Мравалжамисер — чужим и знакомым,
Пусть им послышится град в Цинандали. —
Где еще сердце так песни вмещали?

Стол задохнется от песен застольных.
Будь же названия зятя достойным,
Рог подымай, не смущаясь, почаще,
Вышей здоровье Кахети сладчайшей.

2

Знаю, стреляли семь братьев... Но где же
Их попаданье? — Промазали вместе.
Только единожды выстрелил дед наш, —
Тур вниз ногами повиснул на месте.

Пусть семь поэтов пустят, как стрелы,
Семь своих песен — все мимо промчатся.
Путь пересек им Важа Пшавела,
Обвалом над ними повис Чавчавадзе.

Герои Кахетии, эти — другие...
Где состязаться достанем мы силу?
Поднимем же чашу, друзья дорогие,
И выпьем за ту, что на свет их родила.

Ведь рвется, как оползень, песня в привете,
Когда проезжаешь долину Кахетии...

17 апреля 1927

Тбилиси

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

Под ливнем лепестков родился я в апреле.
Дождями в дождь, белея, яблони цвели.
Как слезы, лепестки дождями в дождь горели.
Как слезы глаз моих — они мне издали.

В них знак, что я умру. Но если взоры чьи-то
Случайно нападут на строчек этих след,
Замолвят без меня они в мою защиту,
А будет то поэт — так подтвердит поэт:

«Да, скажет, был у нас такой несчастный мальчик
С орпирских берегов — большой оригинал.
Он припасал стихи, как сухари и сало,
И их, как провиант, с собой в дорогу брал.

И до того он был до самой смерти мучим
Красой грузинской речи и грузинским днем,
Что верностью обоим, самым лучшим,
Заграждена дорога к счастью в нем».

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их.
Что стих? Обвал снегов. Дохнет — и с места сдышит,
И заживо схоронит. Вот что стих.

Апрель 1927

ТОГО СКРЫВАТЬ НЕ НАДО

Дезертиры палят из ружей.
Рыжей кровью течет Лиахва.
Проступив из души наружу,
Прожитое тленом запахло.

Десять лет — будто рябь сквозная,
Страшных снов обугленный свиток.
Как я выдержал, сам не знаю,
Столько горечи, столько пыток.

Для страдающего поэта
Все слова потеряли цену.
Пусть расширилась сцена эта,
Мертвецом я вышел на сцену.

Так в грузинской сказке: бедняга
Набредает на ключ бессмертья.
Он домой воротится с флягой,
Тут ему и крышка, поверьте!

Так с поэтами происходит,
Что, видать, от рожденья хилы.
Если слава их и находит,
То лежит на плитах могилы.

Их стихи — словно кубки яда.
Им отравы скрывать не надо.

16 мая 1927

ГУНИБ

Я прошел по Дагестану, как мюрид,
Не считал себя гяуром-иноверцем.
Пусть со мной клинок лезгинский говорит,
Забавляется моим пронзенным сердцем.

В облаках, в снегах предвечной белизны
Цепи гор — как окровавленные плахи.
И таких громов раскаты там слышны,
Будто мчатся ископаемые в страхе.

Выше гнезд орлиных скученные там
Очаги людские, нищие селенья.
Со стыдом бреду я нынче по следам
Совершенного отцами преступленья.

Всех вповалку упокоила земля, —
Где грузины, где лезгины? — нет ответа.
Но одним джигитам смелым Шамиля
Рай отверзся, суждена обитель света.

Наших братьев истлевают костяки.
И когда вопит ночная непогода —
Это голос неприютной их тоски,
Это песня их бесславного похода.

Не стрелял я из кремневого ружья,
Не лелеял, не ласкал глазами сабли.
Светом жизни, мирным братством дорожа,
Никогда войны кровавой не прославлю!

*17 июля 1927
Тбилиси*

ЗАПОЗДАЛЫЕ СКАЧКИ

Все мне кажется, будто на скачки
На хромом я явился коне...
Стихотворная накипь, горячка,
Посрамленье приносишь ты мне!

Я не рыцарь, сражавшийся смело,
Да и поля тут нет для атак...
Ты же знаешь: мечта улетела.
Не пугай — я напуган и так.

Этой крови горчайшей потоки
Не с мечом — так со словом пройди!
Ждет нас бой роковой и жестокий,
Будь же стоек, борьба — впереди...

Возле нашего ясного моря
Море крови уносит сердца...
Разве язву смятенья и горя
Мы не сможем отмыть до конца?

Гибель
Словом прекрасным и гордым
Встретит лебедь с разрубленным горлом!

23 июля 1927

Кобулету

ЛИКОВАНИЕ

Как кладь дорожную, с собою
Ношу мечту грузинских сел.
Я — к Грузии губам трубою
Прижатый тростниковый ствол.

Я из груди бы сердце вынул,
Чтоб радость была через край.
Чтоб час твоей печали минул —
Свободно мной располагай.

Поют родные горы хором, —
На смерть сейчас меня пошли —
Я даже и тогда укором
Не упрекну родной земли.

С поэта бóльшего не требуй,
Все пули на меня истрать,
И на тебя я буду с неба
Благословенье призывать.

24 августа 1927
Кобулет

ШАПКА ГАРИБАЛЬДИ

Я еще безусый был мальчонка,
Во мне сердце ласточкино билось,
Бой гремел, и пули пели тонко, —
Воевать мне не досталась милость.
В восемнадцатом году, в апреле,
Насмеялись турки над Батуми.
Без оружия войны старели,
От позора стали мы угрюмей.
Но кипела кровь желаньем мести
В злую пору светопреставленья.
Стар и млад мечтал, чтоб честь по чести
Турок опрокинуть на колени.
Как стена, молчало наше войско.
Мокрый ветер бил наотмашь злобно.
Лишь сердца, исполнившись геройства,
Неприступной крепости подобны.
...Молодые яростные годы
Сгинули, исчезли, отшумели.
Душу клонят новые невзгоды,
И как свечи в час отходный — ели.
Сердце, не дробись на сто осколков,
Той весны верни знакомый искус.
Пусть тебя навек привяжет к долгу
Пламень шапочки гарибальдийской!

10 сентября 1927

ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ, СВЕТАЕТ

Солнце первыми лучами метит
Склоны гор, очнувшись ото сна,
Из-за тучи светит и не светит
В ней заночевавшая луна.

Сверху Терек набегает, воя,
Снизу слышится Арагвы рев,
Солнце незаметною киркою
Разбивает льдины ледников.

По Казбеку вихрь метет с вершины,
В пурпуре зари его висок.
Стыд тому, кто пред такой картиной
Смерти бы еще бояться мог.

Я стою внизу, оцепенелый,
И себя совсем не узнаю,
Точно вдунул сам Важа Пшавела
Жар Химикаури в грудь мою.

7 декабря 1927

ИЗ СОГАНЛУГА

А Кура — колыбельного тише напева.
Только здесь, у Метехи, разгуляться не прочь.
И луна разлеглась безмятежно, как дева,
На плотах облаков, уплывающих в ночь.

Татарчонок оборванный из Соганлуга
Погоняет ослов и протяжно поет.
Залитая сияньем ночная округа
Допоздна разговоры со мною ведет.

Я беспечен и гол, как гора Шавнабада.
Только мысли — и судьи мои и родня.
Я не баловень этой судьбы — и не надо.
Лишь одно до глубин уязвляет меня:

Что и времени минуло вроде не мало,
Но Крцаниси еще потрясает озноб,
Что — простреленная — замерла Нарикала
И стоит в темноте напряженно, как гроб.

...А Кура колыбельного тише напева.
Только здесь, у Метехи, разгуляться не прочь.
И луна разлеглась безмятежно, как дева,
На плотах облаков, уплывающих в ночь.

1927

БРАТУ ГАЛАКТИОНУ

Двое братьев, почти близнецы,
Там, в Орпире, мы выросли оба.
Там зарыты и наши отцы,
Да истлели, наверно, два гроба.
Там дома наши рядом стоят.
Мы в одной малярии горели
У разлива Риона в апреле,
И одни нас истоки поят.

Ты томишься по лаврам, а мне
Любо вспомнить о той стороне,
Слушать хриплую жалобу жабью
Или ржавое хлюпанье хляби.
Дилижанс, приближаясь, скрипит,
Чаландари бредет и вопит,
Босоногий певец, и проселок
Полон песен его невеселых.

Моя песня лишь отзвук глухой
Той трясины, где прошлое тонет.
То в ней волчий послышится вой,
То как будто бы колокол стонет.
Наши матери сгорбились, ждут,
И поминки справляют старухи,
Да соседи в проклятой округе
Никогда уже к ним не придут.

1927

В ГОМБОРАХ

С.Шанишавили и Г.Леонидзе

Распыляется, гибнет Уджарма. Но свой
Облик все ж сохраняют упорные глыбы.
О, хотя бы до нашей доски гробовой
Вы, стихи о любви, сохраниться могли бы!
В ночь такую Вахтангу послышался звон
С темных высей. И я различаю: несмелы,
До сих пор еще плачут, смотря в небосклон,
Остролисты и верески Важа Пшавелы.
В Сартичалах играет на тари Сако,
Напевает для нас «Сулико» Церетели.
Что ж, и наши возлюбленные далеко,
Для потерь, для разлук мы любимых имели.
Да, умел себя высказать прежде ашуг!
Речь должна быть сейчас у поэтов иною.
Но пока еще словом владеет недуг,
Поступь говора нашего стала больною.
Нина, и Суламифь, и Мелита...

Чиста

Прелесть склонов Кахетии. Будто смиряя
Нрав свой, женщиной сделался тигр. Иль с моста
Из волос — нам открылось сияние рая?
Ночь Кахетии сладостнее молока
Материнского. Негу колеблет Иори.
Над Гомборами всплыла луна. И рука
Горгаслана мечом ее сдвинула вскоре.

Январь 1928

Тбилиси

Брат мой, для пенья пришли, не для распрей,
Для преклоненья колен пред землею,
Для восклицанья:
— Прекрасная, здравствуй,
Жизнь моя, ты обожаема мною!

Кто там в Мухрани насытил марани
Алою влагой?

Кем солнце ведомо,
Чтоб в осиянных долинах Арагви
Зрела и близилась алавердоба?

Кто-то другой и умрет, не заметив,
Смертью займется, как будничным делом...
О, что мне делать с величием этим
Гор, обращающих карликов в дэвов?

Господи, слишком велик виноградник!
Проще в постылой чужбине скитаться,
Чем этой родины невероятной
Видеть красу и от слез удержаться.

Где еще Грузия — Грузии кроме?
Край мой, ты прелесть
и крайняя крайность!
Что понукает движение крови
В жилах, как ты, моя жизнь, моя радость?

Если рожден я — рожден не на время,
А навсегда, обожатель и раб твой.
Смерть я снесу, и бессмертия бремя
Не утомит меня... Жизнь моя, здравствуй.

Январь 1928

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Май всюду есть май. Повсеместное чудо.
Но все же в Батуми в нем нежность иная.
И понял я нынче — вовек не забуду —
Что нет красоте ни предела, ни края.

В смятении память: «А было ли, было?»
Так кротко морское пространство дышало.
Семь дверей высокое небо раскрыло
И радужным поясом небо сковало.

И лучшая занавесь ирисов белых
Колелется в такт лакированным кронам.
И стаей уснувшей птиц меловотельх —
Так розы рассыпаны в глянце зеленом.

Один перед райскими медлю вратами,
Что настезь открыты и манят отрадой.
Быть может, поэт обречен небесами
На поиски края, где рая не надо.

Воскликнуть готов: «Гибель вашему роду!»
Так мучит сознание любимое имя.
Сияют врата, что венчают свободу.
Мне стыдно, что я без тебя перед ними.

1 мая 1928
Тбилиси

ЯРАЛИ

Судьбою ты нам послан, Ярали,
И, верно, музы милость нам явили —
Поэт грузинской солнечной земли
Наш верный брат Сандро Шаншиашвили.

Взгляни, сомкнулся тесный круг друзей,
Мы пленены звенящими словами,
Покорены отвагою твоей.
Веселие повелевает нами.

О, пойте, пейте пряное вино,
Еще полнее наливайте чаши.
Мы молоды, нам праздновать дано,
Так выпьем нынче за удачи наши.

«Сюда, Нино, вино
И тари и Тамари.
Хорошее вино
И толумбаш в ударе.
Веселый толумбаш,
Нам послужи примером.
Пей крепкое вино,
Не уступай имерам».

Мы молоды, и ты еще не стар.
И с колыбели нас, неискушенных,
Обворожил твой несказанный дар, —
Нас, в музыку поэзии влюбленных.

Ты поднимался с нашим веком в рост
И магию нашел в обычном слове.
Поэт-олень, ты снял покров со звезд...
Ну как не выпить за твое здоровье!

Когда зажглась любовь в твоей крови
И закружила душу круговертью,
Ты словно ранил нас ножом любви,
Себе и нам завоевав бессмертье.

Не для никчемных песен торжество,
О Ярали, а ты дружил с мечтою.
И только пламя сердца твоего
Для нас затеплит солнце золотое.

8 августа 1928
Тбилиси

СЕЛЬСКАЯ НОЧЬ

Дворняжки малые тяв-тяв на месяц в небе,
А он к земле — и шмыг от них в овражек.
Мешая в шапке звезды, точно жребьи,
Забрасывает ими ночь дворняжек.

Дворняжки малые тяв-тяв на новолунье,
А я не сплю, не спится, как ни силюсь.
Что-то другое б сцапали брехуны, —
Унести в зубах покой мой умудрились.

Все ближе день, все ниже, ниже месяц.
Все больше гор, все явственней их клинья.
Все видимей за линией предместий
Тифлис с горы, открывшийся в низине.

О, город мой, я тайн твоих угадчик
И сторож твой, и утром, как меньшая
Из твякающих по ночам собачек,
Стихами с гор покой твой оглашаю.

Из Окрокан блюду твои ворота.
А ведь стеречь тебя такое счастье,
Что сердце рвется песнью полноротой,
Как лай восторга из собачьей пасти.

Ноябрь 1928
Окроканы

РОАЛЬД АМУНДСЕН

— Проснись, —
Человеческой совести сонной
Твержу я, —
Пусть носит Амундсена имя
Звезда эта,
Первенец утренней сини
У солнца во лбу,
На краю небосклона.
Декабрьская пятница.
Колокола
Трезвон погребальный
Разносят по свету.
От горя сжимается
Сердце планеты —
Так было
Четырнадцатого числа.
Одних опечалит
Торжественный звон
Лишь на две минуты,
Но станет кому-то
Смерть эта
Утратой до смертной минуты.
Отныне
Я заново горем рожден.
Себе говорю я:
— Нельзя, чтоб умолк
Твой голос
И скорбное сердцебиенье.
Не сдерживай речи:
Спасти от забвенья
Отвагу, не право поэта,
А долг.
Коснись славословием
Слуха людского,
Дай волю словам,
Но достаточно двух:
Лишь имя
Роальда Амундсена
Вслух
Произнесено —

И поэма готова.
Всю жизнь,
Сколько помню себя, это имя
Прекрасное
Было моим наваждением.
Прислушайтесь к памяти
Со снисхождением,
К рассказу,
Рожденному днями быльми.
Ребенком с Риони,
Глаза закрывая
И делая вид,
Что не слышу, как мать
Зовет меня в дом,
Я часами мог ждать
Саней золотых
Из заветного края.
Обычное судно
Вблизи берегов
Казалось триремой
В бушующей пене.
О, как я хотел
Превратиться в оленя
И мчаться стрелой
Среди вечных снегов.
Не спится,
И вертишься ночь напролет
В горячей постели,
Дыша елс-еле.
Мой стих оттого только
Стих в самом деле,
Что в памяти этой
Начало берет.
Теперь, хоть я сам
Обзавелся семьей,
Ребенком себя
Ощущаю спросонок.
Так конь без поводьев
Находит проселок,
По памяти зная
Дорогу домой.
Закрою глаза —
Проплывают опять

Олени и сани
Пред мысленным взором.
Но сколько сиротства
Есть в детстве, в котором
Могилы Амундсена
Не отыскать!
Взывай
К человеческой совести сонной,
Чтоб дали
Роальда Амундсена имя
Звезде этой —
Первенцу утренней сини,
У солнца во лбу,
На краю небосклона.

* * *

Я рос и я вырос,
Но топи Риони
Душе, как и в детские годы,
Сродни.
Волнуя меня,
Как и в прежние дни,
Оркестр лягушачий
Играет в затоне.
Здесь Тютчева
Демоны глухонемые
Зловещий ведут
Меж собой разговор.
Пленяет меня
Этот гул до сих пор,
Как слова грузинского
Звуки родные.
Пусть нынче
Подобная грусть не нужна,
Но разве могу я
Расстаться с мечтами?
Скажите,
Какими такими сетями
Свои корабли
Подыму я со дна?
А сколько мучений,
Терзаний и слез,

Бессонных ночей —
Напрóлет, до рассвета!
Пусть станут уделом
Другого поэта
Слова, что при жизни
Я не произнес:
«На полюс!
На полюс!
Вперед, смельчаки,
Чтоб новые тайны
Внезапно открылись!»
А мне
Корабли затонувшие снились,
Мерещились
Парусники, ледники.
Мерещился полюс
В далекой дали.
Он был моей тайной,
Схороненной в льдинах,
Моей Атлантидой
В огромных руинах,
Он был перерезанным
Горлом земли.
Припомнит мой каждый
Бессонный ночлег —
Бездонная пропасть,
Мечты обитанье, —
Того,
Кому сердце свое мирозданье
Открыло, —
Такой это был человек.
Бок о бок на поиски
Оси земной
Мы вышли.
Амундсен взял первенство сходу
И шел,
Уподобив несчастному Скотту,
Меня самого
И идущих со мной.
Мечте этой,
Ревности детской моей
Я верен
И не посрамлю этой чести.

Мы вместе искали,
Мы умерли вместе —
Бок о бок в торосах
Ледовых морей.
Внемли, —
Человеческой совести сонной
Твержу я, —
Пусть носит Амундсена имя
Звезда эта —
Первенец утренней сини,
У солнца во лбу,
На краю небосклона.

* * *

Нет больше Амундсена.
Из-за кого,
Какого-то Нобиле
В черной рубахе,
Погиб человек,
И, не знавший о страхе,
Пал викингов отпрыск,
Прямое родство!
Весть скорбная
Землю от края до края
Стремглав облетит,
Чтоб услышал любой.
И Дидерихс в смертный свой час
И Гильбо
Скорбели о нем,
О себе забывая.
И скорбному плачу
Всемирному в лад
Над Оперным театром Тбилиским
Наклонно
Осовиахима
Повисли знамена —
И вот Самойлович
Читает доклад.
Звучат ли сейчас Самойловича или
Чухновского речи —
Тоски не унять.
Я «Пьяный корабль»

Вспоминаю опять,
Который сказал по-грузински
Яшвили:
«Не страшно ли —
Сбившийся напрочь с пути
Скелет корабельный
Несется к утесам?
Корабль, не подвластный
Ганзейским матросам,
Его мониторам —
И тем не спасти.
И вместо волны
Европейского моря
Холодная топь,
Где бумажный фрегат,
Как бабочку,
Мальчик пустил наугад
И на воду смотрит
В предчувствии горя».

* * *

Герой,
Покоритель полярных широт,
Чухновский,
Из камня он высечен, что ли?
Живых мертвецов
Из ледовой неволи
Он спас
И прославил советский народ.
Живых он,
Живых, а не мертвых искал.
Не надо Чухновскому
Трупа Мальмгрена
И славы стервятника,
Он не гиена,
Не ровня другим,
Не полярный шакал.
Вплотную
Голодная смерть подходила.
Но с белым медведем
Средь гибельных льдин
Чухновский сразился

Один на один
И всех накормил
Шашлыком Автандила.

* * *

Театр,
Не выдавший еще никогда
Таких представлений,
Сегодня прекрасен.
Здесь слышно,
Как дышат «Мальгин» и «Красин» —
Дыханье сквозь стены
Доходит сюда.
Чухновского, Бабушкина
Расспросите —
Врагов нашей Родины
Этот поход
Лишает покоя,
Уснуть не дает,
Пугает
Ледовой лавиной событий.
События эти —
Одна из причин,
Дающих Литвинову
Полное право.
Отстаивать мир.
Про геройство и славу
Все знают.
Не знает Амундсен один.

* * *

Когда бы я
Гахою был Циклаури,
Который, как крышу,
Казбек утоптал,
Узнав о несчастье,
Я плакать бы стал.
Мы все
Циклаури сродни по натуре.
Мечтатели мы.
Вот и Гахе поют

Прощальную, успокойную.
Верьте,
Когда бы он мог
Выбирать место смерти,
Казбек бы он выбрал
Как вечный приют.
Отсюда
И Гудамакари отроги,
И Гаха несчастный
Предстанут очам,
Носилки,
И мохевцев
Водочный чан,
И выпитые
Поминальные роги.
И память Казбек
Сохранит навсегда
О доблестном Гахе —
О волчьем колене.
Амундсен,
Я знаю о том,
Вне сравнений,
Но Гаха останется
В памяти льда.
И надвое
Я расколю ледяной
Подсвечник —
Мои отвердевшие слезы.
Схоронят Амундсена
Льды и морозы, —
И встанут все мохсвцы —
Шапки долой!
Наш долг
К человеческой совести сонной
Воззвать,
Чтобы дали Амундсена имя
Звезде этой —
Первенцу утренней сини,
У солнца во лбу,
На краю небосклона!

Декабрь 1928

ОКРОКАНЫ

Если впрямь ты поэт, а не рохля,
Будь как день в окроканской глуши.
Пусть и руки б, чесавшись, отсохли,
Воздержись и стихов не пиши.

Кто взошедшее солнце, как бомбу,
На рассвете огнем набивал?
Что ты скажешь похожего, в чем бы
Не сказался болтун-самохвал?

Если можешь, чтоб грудь не издрогла,
Стереги Марабды гольши.
Висни в небе, как крепость Короглы.
Стой века и стихов не пиши.

Чуть толкнуть — ты не тверже тростинки,
А она — точно грома раскат,
Оттатакала все поединки
И стоит, как столетья назад.

Если ты не хвастун, если трижды
Наши дни среди веков хороши,
Жди души настоящей и выжди,
Но как все, второпях не пиши.

И тогда, если все ж ты не шляпа,
Покажи себя впрямь молодцом
И такое украдкой состряпай,
Как вчера соловей из Удзо.

Если мужества в книгах не будет,
Если искренность слез не зажжет, —
Всех на свете потомство забудет
И мацонщиков нам предпочтет.

Июль 1929
Окроканы

ОСЕННИЙ ДЕНЬ В ОКРОКАНАХ

Рабле и Калмасоба

В простом стихе вместить мне хочется,
Что дó сердца меня пронзает
Листвой лесов, опавшей дочиста,
Осенней ласкою терзанья.

Кто с Окрокан Тифлис не видывал,
Не знает, что же он такое.
Монгол отсель ему завидовал,
Поэт свой взгляд на нем покоил.

Отсюда весь Казбек в сиянии,
И облака от стад отстали.
Во мне бушует лед нечаянный,
Снега на плечи мне упали.

Заходит в комнату лохматая
Соседская собака Цузрия,
Пятью щенятами богатая,
И худоребрая и хмурая.

Орех последний на орешнике
Сорока ищет развеселая,
Мечтает кляча неутешная,
Чтоб сеном стали скалы голые.

Спускаются стада с Манглиса,
Дорогу полнит их стелание,
И запах лаваша стремится
К хлебам работы Пиросмани.

На школьном дворике ребята,
Бой барабана заглушенный,
А небо, ясностью богатое,
Ясней их глаз неискушенных.

Курсанты после дней маневренных,
С лицом, железным от загара,
То песни гул несут уверенной,
То Чан Кай-ши бранят недаром.

Опять засяду за Рабле я,
Пантагрюэлем в Окроканах.
Когда ж от ветра ошалею,
С Рабле грузинским — Иоанном —

Я встречусь, — ста лет не бывало,
Проснулся путник, как родился,
Каликой переходим стал он —
Лежат дороги впереди все.

Но кто сказал: хлеб горек в Грузии?
На правду это не похоже.
И вот без посоха, без груза я
Один пройду весь край, что ожил.

4 октября 1929

Окроканы

Из цикла
«ВСЕМ СЕРДЦЕМ»

* * *

Это меня удивляет — стих
У новых поэтов беден.
Если сказать по совести, их
Словесный ковер так бледен.

Вглядываюсь тревожно в стих...
Вот моей мысли основа:
Безграничны возможности
Мускулистого слова.

Когда у поэта почва тоща,
Он ругает другого жестоко
И, жаждущий, ждет —
Не дожидается дождя,
Лирического потока.

А вся вина его, мне поверь, —
Про то говорю открыто, —
Он ищет героя времени,
Но смотрит вокруг сердито.
Проходит придирчиво стороной...

Сетями отживших традиций
Поэты опутаны, стариной,
Боязно им обратиться
К воспеванию словом
Жизни в цветении новом.

* * *

Друзья, старинный облысел Парнас.
Сегодня тысячи таких нагорий.
Когда про наше время да про нас
Не будешь петь —
Тогда — себе на горе —
Ты душу живу высушишь до дна,

Иссякнут родники, как будто сами
Твои глаза наполнятся слезами...

Кому, скажи, печаль твоя нужна,
Рыдания, зазвучавшие стихами?
Стих — это клич,
Он рубит наповал.
Как верно Чавчавадзе написал:
«Что пользы плакать над давно забытым,
Жестокой дланью времени убитым?
Что проку над былой грустить бедою?
Пора идти нам за иной звездой.
Пора глядеть нам в будущие годы,
Ковать судьбу грузинского народа».
И Голиаф всех силою потряс...

Мы сами брали будущность
Для нас.

Итак, за нами, братья, наша песня.
Прошли те времена, когда народ
Ценил сладчайший щебет в поднебесье, —
Теперь колес он ценит цепкий ход.
Каналами соединились реки.
Сегодня на примете каждый миг.
Все старые свои грехи, огрехи
Оставь, скорей освободись от них!
Себя ты уважать заставишь сам —
Народ не верит сладким словесам...

Пусть будет стыдно тем, кто бестолково
Высушивал свой стих из года в год,
Кто пожалел бы истинное слово
Для наших братьев,
Верно и сурово
Сложивших головы за свой народ.
Позор поэту, если он в испуге
Пойдет, изменника увидев, вспять
И не сумеет песню спеть о друге,
И кровь и пот народа в песню взять.

ТАПАРАВАНСКОЕ СКАЗАНЬЕ

«Парню одному с Тапаравани
Нравилась аспиндзская девица.
Вот зажгла свечу она в тумане,
Чтоб ему во тьме не заблудиться.

Плыл он к ней бующей рекою,
И душа у парня ликовала.
Нес он жернов левою рукою,
Правой греб, покуда сил хватало.

А свеча во мраке пламенела,
И у парня прибывала сила.
Но одна колдунья то и дело
Ту свечу у девушки гасила.

И погиб тот юноша несчастный,
Потонул, ушел из этой жизни,
И стервятник труп его безгласный
Рвал потом, как водится, на тризне...»

Эту я историю когда-то
Услыхал у вод Тапаравани.
Но не сгинул парень без возврата,
Как об этом говорили ране!

Возвратила нам его судьбина!
Вот плывет он снова, черноокий:
На одном плече его турбина,
На другом — железный бык высокий.

И восходит свет его гигантский,
И отныне нет ему запрета,
И ведь парень тот тапараванский —
Грузия, воскресшая для света!

1929

* * *

ТАМУНЕ ЦЕРЕТЕЛИ

В той памяти весна черна, как ночь.
Хоронят заживо истерзанную музу.
Как тень за катафалком, проволочь
Меня хотят по каменному брусу...

Видениям я верю, как Рембо.
И, отрьдав над девой неповинной,
Встаю перед враждебной судьбой,
Как перед медлящей лавиной...

«Иди-смотри». О, нет, я ученик
Иного опыта, иного зренья.
Едва ленечет о заре тростник —
Совсем как я в минуто озаренья.

И там, где спорит с берегом река,
Где вешее растенье коренится,
Мне вырежут свирель из тростника,
Проросшего сквозь темные глазницы.

«Иди-смотри». Придут, недолго ждать.
...Сквозь адов жар, мой пламень одинокий...
Прости, я не успел тебе сказать,
Всего, что мне сказал Рембо безногий.

1929

В АРМЕНИИ

КАМНИ ГОВОРЯТ

Будто ожил древний миф,
И циклопы скалы рушат,
Разметав их, разгромив,
Все ущелье страхом душат.

Большевицкая кирка
Бьется в каменные лавы,
Труд, что проклят был века,
Превратился в дело славы.

Города, что твой Багдад,
Не халифам ныне строят,
Человек свободный рад
Сбросить бремя вековое.

Если друг ты — с нами ты,
Если враг — уйди с дороги,
Для исчадья темноты
Суд готов народа строгий.

Серп и молот на гербе, —
То не зря изображение,
То с природою в борьбе
Мира нового рожденье.

Точно скалы поднялись,
И, как волны, камни встали,
Слава тем, кто эту высь
И стихию обуздали.

Сам с походом этим рос,
За него болел я сердцем,
И взамен ширазских роз
Стал я камня песнопевцем.

Я сложил на этих склонах
Песнь камней освобожденных!

ЛАЗУРЬ В ЛАЗУРИ

Растворив лазурь в лазури,
Стал Севан небес синее...
Горы — в самоистязанье,
Горы — в день Шахсей-Вахсея.

Войско туч покрыло доли,
Тишина вокруг коварна.
Встали горы-минареты
На защиту Аль-Корана.

Пусть обвалы и лавины,
Пусть потоп во тьме кромешней,
Светит клинопись поэмы
Во спасенье Гильгамеша.

И АВТОДОР БОЛЬШОЙ ПУСТЫНИ...

Скала лишилась плоти, кожи,
Нагой костяк — и тот трясется.
Так пал Ленинанакан, таков же
Удел великого Звартноца,
Так загорелся Зангезур.

Но разве этим катаклизмам,
Лавинам и землетрясениям
Соревноваться с большевизмом,
Сравниться с летоисчисленьем
По имени социализм!

Себя, как зяблика, жалею.
Но чем и как себя утешу,
Раз суждено в долине этой
Пасть Библии и «Гильгамешу».

Как будто дэвы — из ущелья
Утес убрали за утесом.
Ворота рая на запоре —
Я над зеленым Алагезом.

Я верю: здесь у араратских
Вершин, подобных белым копнам,
Бессмертные слова звучали
В начальном мире допотопном.

Второй потоп воочью вижу,
Второй ковчег, отплыть готовый,
Но разве отжил я? — Неправда.
Я подпеваю песне новой.

Вдруг был среди голубей ковчега
И старый голубь одичалый?
Скорее песню, чтоб Седаном
Для нас поэзия не стала.

Пусть Библией и «Гельгамешем»
Отныне будут наши стройки.
— Ты, брат, опять с дороги сбился,—
Мне замечает критик строгий.

Да, мне известно, что дашнаки
Несли народу разоренье,
Но с клинописью ассирийской
Еще не разлучилось зренье.

У Армаиса Ерзикаяна
Осанка Асур-Банипала.
Я понял это на Севане,
Вблизи разглядывая скалы.

Чужой народ. Но, как ни странно,
Он стал родным для иноземца.
Мне любы живопись Сарьяна,
«Эпический рассвет» Чаренца,
Поэзия Исаакяна
Мне внятна, как родная речь.

И автодор большой пустыни
Смог породниться с Араратом.
Ревет и Занга, что отныне
Поэт поэту будет братом.

СБЫЛАСЬ МЕЧТА ПОЭТОВ

Ованесу Туманяну

Хоть вовсе о прошлом не думал ты тут,
Оно оживет на мгновенье,
И вот из ущелья, ты видишь, идут
Навстречу могучие тени.

Я вижу твою седину, Ованес,
Ожившими в вечер румяный
Биенье бездонного сердца и блеск
Улыбки в волненьи Севана.

Исчез, как мечтали, раздор вековой,
Брат брата не губит войною,
И тот, кто вчера был пастух кочевой, —
Сегодня он правит строною.

Народы Кавказа в единстве живут,
Поют они песни иначе,
В стране нашей мирный господствует труд,
Ануш твоя больше не плачет.

Пришли мы как братья, и каждый мечтал
Сказать про единство поэтов
Тебе, кто впервые об этом писал, —
И песню продолжить про это.

Ты сладость лорийского меда впитал
В свое неповторное слово,
И тот, кто, прозрев от тебя, не признал
Тебя, пусть ослепнет он снова.

Ты знаменем дружбы, сказать без прикрас,
Быть должен под родины небом,
Ты ожил сегодня вторично для нас,
Хоть мертвым для нас ты и не был.

И ржавчине времени не пересть
Цепь дружбы сердечной и новой,
Незримый хозяин в Армении, здесь
Прими наше братское слово.

ЗДРАВИЦА

Здесь когда-то Григол Орбелиани
Начал здравицу давних дней,
Или «Пир возле стен Еревана»,
После битвы победной своей.

«Там, где битва гремела, бушуя,
Тихий сумрак вечерний лежит,
У костров бивуачных, пируя,
Победившее войско сидит».

Ереванская крепость упала,
И турецкий сардар убежал,
Долго пламя войны польхало,
Над руиною черной дрожа.

И лежали под каменной кручей
Трупы беженцев, втоптаных в грязь,
Ливни мыли их, щербнем колючим
Ветер их засыпал, торопясь.

И в Аракса неистовом шуме
Вопль сиротский к Араксу приник,
И отец проклинал, обезумев,
День рожденья детей-горемык.

В горных дебрях зима их кончала,
Враг в долине приканчивал их,
Волчья стая по следу рычала
И бросалась на еле живых.

Стала яма в ущелье знакомом,
Словно зверю нора, дорога,
Человек называл ее домом,
От ужасного прячась врага.

Разоритель крестьянского мира,
Поджигатель и деспот большой,
Назывался он Карабекиром,
За жестокость был прозван «пашой».

Но не только здесь турки сжигали,
И не надо искать за горой,
И свои здесь своих убивали,
Брату брат рыл могилу порой.

Чтобы крови поток этот лился,
Верно, кто-то на небе решил,
Вот тогда человек и явился,
Человек этот Лениным был.

Нынче курд с армянином не в ссоре,
Тюрк в грузинах не видит врагов,
О вражде, как о прошлом позоре,
Пионер рассказать вам готов.

Пионерская дробь барабана,
Слышен в поле пастуший рожок,
Сон веков над грозой Еревана
Над Иракли-тапа глубок.

Нет, мы Карса, как предки, не брали.
Новым людям дан новый удел,
Но зачтутся им в будущих даях
Героических тысячи дел.

Вот оно, столкновение классов,
Поколение вступает в борьбу,
Мы с ним вместе, и сборище масок
Темных происков будет в гробу.

Вот то место, где сам Орбелиани
Свою здравицу написал,
Или «Пир возле стен Еревана»,
Где он с войском своим пировал.

И вблизи Еревана мы тоже,
Сад Сардарский нам пир украшал,
В новой здравице сад этот ожил,
Но новее всех здравиц — ваша!

Мы поэты Кавказа! Не книзу —
Путь наш в гору и только вперед,
Где фундамент социализма
Так уверенно строит народ.

Кто видал разоренные страны,
Где в ущельях из трупов редут,
Превращенные в хаос поляны
И долины, где царствовал труд?

Это кладбище — крик без ответа,
Сотни верст, где пустыне лежать,
Да, друзья, это долг наш — об этом
Поколениям о всем рассказать.

Здесь не здравицы гордое слово,
Тут и слезы и дрожь! А потом —
Кто светлей нас, нежней и суровой,
Лучше нас скажет миру о том!

Пусть и голос свирели чудесной
Для народа звучит до конца,
А за нами, товарищи, песня,
Что надежду вселяет в сердца!

ПОЕЗДКА В АГЗЕВАНЬ

И не так уж далеко от Агзевани!
Оказался здесь впервые, как ни странно!
Нет у нас, грузин (невольное признание),
Любопытства открывать чужие страны.

Но в печально-голубином воркованье
Тихой песенки аробщика-грузина
Голосов золотиносных залеганье
Мне открыли эти скалы-исполины.

«В Агзевань поехать, что ли!
Привезу хрустальной соли.
Мать сначала обниму,
После сына и жену».

А от песни небеса поголубели,
Сердце — радостью, как радугой; прошли...
Словно песню не один, не двое пели,
Сразу тысяча Вано Сараджишвили.

Оттого, что в песне соль была — хрустальной,
И слезинка тихой радости — утешной,
И жена была красивой и желанной,
Переполнилась душа водою вешней.

Где владенья моурави-исполина,
Простирающиеся до Вавилона?
Пели тысячи свирелей в лад единый,
И заря зарю смещала с небосклона.

В Агзевань бы! Для поэзии! Ну что же!
И в ярме бы я поднялся буйволином!
Ну, скажите, разве есть такая ноша,
Чтобы нам — да оказалась не по силам?!

Май-июнь 1931

* * *

* * *

Во веки веков не отнимут свободы
У горных вершин и стремительных рек,
Свободны Арагвы и Терека воды,
Свободен Дарьял и могучий Казбек.

И облако в небе не знает границы,
В горах о свободе не грезят орлы,
Туман без приказа в ущельях клубится,
И молния бьет без приказа из мглы.

Но помнит народ, по какому приказу
Ковалось железо для первых оков,
Но ныне слагает он песни и сказы
О тех, кто сорвал их с последних рабов.

В тех песнях поется, как грозная буря
Смела эриставства и княжеский гнет,
Про иго Шиолы Гудушаури
Все помнит народ мой и песни поет.

«Шиола, Шиола, ты долгие годы
Сидел в эриставстве на троне своем.
За землю Ачхоти, за слезы народа
Утробу твою мы землю набьем...»

В руках, от цепей и борьбы онемелых,
Нелегкое счастье родимой земли.
Мы помним Мтрехели и тысячи смелых,
Что ныне герою на смену пришли.

Свобода искрилась на высях снегами
И буйно бурлила бурунами рек,
Теперь она всюду, теперь она с нами,
И запросто с нею живет человек.

Пускай же свобода бьлым эристам
За горе поруганной ими земли
Вернет им с избытком весь долг их кровавый,
Накормит землей и растопчет в пыли.

*Август 1932
Новый Афон*

СТИХИ О МУХРАНСКОЙ ДОЛИНЕ

В Мухрани трава зеленой изумруда
И ласточки в гнезда вернулись свои.
Форели прорвали решетки запруды.
В обеих Арагвах смешались струи.

И воздух в горах оглашают обвалы,
И дали теряются в снежной пыли,
И Терека было б на слезы мне мало,
Когда б от восторга они потекли.

Я — Гурамишвили, из сакли грузинской
Лезгинами в юности схваченный в плен,
Всю жизнь вспоминал я свой край материнский,
Нигде ничего не нашел я взамен.

К чему мне бумага, чернила и перья?
Само несравненное зрелище гор —
Предчувствие слова, поэмы преддверье,
Создателя письменный лучший прибор.

Напали, ножом полоснуло по горлу
В горах, на скрещенье судеб и стихов,
А там, где скала как бы руку простерла,
Мерани пронесся в мельканьи подков.

И там же и так же, как спущенный кречет,
Летит над Мухранской долиной мой стих.
И небо предтеч моих увековечит
И землю предшественников моих.

*Август 1932
Новый Афон*

ЗА ЛАВИНОЙ — ЛАВИНА

Гром, в вершину скалы громовой ударяя,
Оголяет скалу, и сверкает скала,
Что сама — как гроза и сама — как седая
Борода Шамиля, неприкрыто бела.

Есть ли где на земле человек, чтобы просто
Перед этим бессмертьем сумел устоять?
Я единственный среди живущих апостол —
В час геройства, ушедшего вспять.

Я — как тетерев, хищником схваченный хмуро, —
Нет, молиться не пробую и не начну.
Я — кольцо, что сорвали с кольчуги хевсура...
Сам священную я объявляю войну.

Я как бурею сбитая бурка лезгина,
Все суставы свои перебить не успел.
Но отважный, осмелившись, станет лавиной, —
Так и вы мне ссудите отвагу в удел.

Для чего на чернила нам тратить озера,
А тончайший хрусталь — на простое перо,
Если в гневе сердца согреваются скоро,
Если дрожь по суставам проходит порой.

За лавиной лавина, обвал за обвалом,
И скала на скалу — ни дорог, ни пути.
Небеса надо мною склонились устало,
Так что даже не жаль мне из жизни уйти.

*Август 1932
Новый Афон*

Поэты, безутешно плача, пели,
Но безнадежно лет тянулась лента,
О том твердит всем школьникам доселе
И. Чавчавадзе с сумкою студента.

Тут и оплакивал Бараташвили
Печаль свою и мира неотступно,
И Софью, мудрую супругу Леонидзе,
Что более, чем канцлер, неприступна.

Досель видны на Тереке, в Дарьяле
Следы от шпор Григола Орбелиани,
Все та ж река и грохот, как вначале,
И плач такой, как вечности заданье.

Важа Пшавела чудится мне ночью,
Вот черный конь, Арагвы плески злые,
Он помогать поэтам хочет
И мечет в реку глыбы стиховые.

И на Казбек опасно восхождение,
И не всегда Ягор — наш друг — надежен.
Кто ледников освоил громожденье?
Здесь время гроб Сандро Казбеги гложет.

Форелями разорваны ловушки,
И ласточки по гнездам упорхнули,
Трава Мухрань пленительную душит,
И две Арагвы повстречались в гуле.

Так в сквозняке и в вихре ледниковом
Горам казалось средь ущелий-братьев:
Хоть Терек вдвое вод наполнись громом —
Для слез воды вовеки в нем не хватит.

1932

Лежу в Орпири мальчиком в жару,
Мать заговор мурлычет у кровати
И, если я спасусь и не умру,
Сулит награды бесам лихорадки.

Я — зависть всех детей. Кругом возня.
Мать причитает, не сдаются духи.
С утра соседки наши и родня
Несут подарки кори и краснухе.

Им тащат, заклинанья говоря,
Черешни, вишни, яблоки и сласти.
Витыми палочками имбиря
Меня хотят избавить от напасти.

Замотана платками голова,
Я плаваю под ливнем роз и лилий;
Что это — одеяла кружева
Иль ангела спустившегося крылья?

Болотный ветер, разносящий хворь,
В кипеньи персиков теряет силу.
Обильной жертвой ублажают корь
За то, что та меня не умертвила.

Вонжу, не медля мига, в сердце нож,
Чтобы напев услышать тот же самый,
И сызнава меня охватит дрожь
При тихом, нежном причитаньи мамы.

Не торопи, читатель, погоди —
В те дни, как сердцу моему придется
От боли сжаться у меня в груди,
Оно само стихами отзовется.

Пустое нетерпенье не предлог,
Чтоб мучить слух словами неживыми,
Как мучит матку без толку телок,
Ей стискивая высохшее вымя.

Май 1933
Кутаиси

КАРТЛИС ЦХОВРЕБА

(Вступление к поэме)

Говорят, что раз в сто лет колышет
Небо языки такого пламени.
То не старец-летописец пишет —
То моя бессонница сожгла меня.

С каждым, кто назвал себя поэтом,
Только раз такое приключается.
Черноморье спит. Под легким ветром
Зыбь трепещет, парусник качается.

Пароход «Ильич» причалил к Сочи,
Словно Арго, воскрешенный заново.
В золотом колодце южной ночи
Дивный след преданья первозданного.

И сладка мне, так сладка навеки,
Как ребенку ласка материнская,
Соль морская, режущая веки,
Ширь твоя, прародина эвксинская!

Родина! К твоей ли колыбели
Прикасаюсь, за былым ли следую, —
Человек я или Кахабери,
Сросшийся корнями с почвой этою?

Кем бы ни был, но, мечте покорный,
Напишу поэму бедствий родины.
Что мне жизнь? Пускай лавиной горной
Сметены пути, что раньше пройдены!

Словно речь Овидия Назона
О себе самом или о римлянах,
Речь моя — пускай в ней мало звона —
О путях забытых и задымленных.

Часто их меняли. Так меняют
Лед на лбу страдальца госпитального.
Правнуки и ныне поминают
Пропасти у перевала дальнего.

В пламени небесные ворота.
Брошен якорь у высокой пристани,
Мне приснился белый сон народа —
Снег Эльбруса, еле видный издали.

1933

АКАКИЮ ВАСАДЗЕ

Экспромт на исполнение роли Франца

Боги удачи тебя не боятся —
Был ты прекрасен сегодня на сцене —
Страстный, как резкие струны паяца,
Страшный, как масок дрожащие тени.
Франц ты? Актер? Или нечто иное?
Вот и пишу в раздвоении жутком,
Чтобы понять — что ты сделал со мною,
Иль не понять — и лишиться рассудка.

1933

НАДПИСЬ НА КУБКЕ

«In vino veritas!»
Пословица верна.
Кто лжет, что Тициан
Не признает вина?

Смерть не страшна, лишь раз
Всего-то умереть.
Всех поджидает нас,
Без исключения, смерть.

Ах, от любви сто раз
Я умирал, так что ж?
В сердце моем застрял
По рукоятку — нож.

Все-таки я узнал,
Что «истина — в вине».
Я, Тициан, в остальном
Неразумен вполне.

29 ноября 1934

РОДИНА

Горы и доли твои ненаглядные
Издавна слыли подобием рая.
Взглянешь — пылают сады виноградные.
Взглянешь — и глаз не достигнет до края.
Ночь — молоко голубое оленье.
День позолочен кизиловой ягодой.
Где-то черкешенки жнут в отдаленье.
Сладко тучнеют могучие пахоты.

Азбуке нашей, плодам нашей родины
Много похвал на пергаменте ветхом.
Так, славословя и радуясь, бродим мы
С лаской по всем твоим листьям и веткам.
Там, где туман на гомборской дороге,
Где остролистник и куст можжевельный,
В каждой тычинке цветка, в недотроге,
Капля слезы еще блещет Пшавеловой.

Нет крутизны, не отщется выступа,
Пяди такой, чтоб сверкнула впервые.
Всюду каналы прорыты неистово,
Подняты все целины яровые.
Нет человека, чтоб не был в работе,
В битве, и в стройке, и в музыке огненной.
Озеро Палеостомы у Поти
С древних трясин окончательно прогнано.

Все летописцы когда-то лукавили —
И Гиппократ и царевич Вахушти.
Как бы они это время прославили!
Повесть такую могли бы подслушать?
Топи Риона, где слухи глухие
Некогда шли о Колхиде загадочной,
Ныне лежат перед нами сухие.
Изгнан оттуда озноб лихорадочный.

Ставят плотины, чтоб цитрусам вырасти,
Чтобы дышали сады в апельсинах.
Квохчут наседки, не чувствуя сырости.
Плавится небо в промоинах синих.

Здравствуйте, други-соседи! Не счесть их —
Первенцев в Грузии новой,
Верных в работе и преданных чести,
Даже не знающих чувства иного.

Глянь на Эльбрус, запрокинувши голову,
К пику Мкинвари лицом обернись ты —
В тучи, не зная подъема тяжелого,
Цепко врубаясь, идут альпинисты.
В каждом дыханье, что вьется, бушуя,
Цепкой и гибкой лозою родимую,
Ленина душу узнаешь большую,
Волю народную, неколебимую.

Родина! Лес Чиаури задебранный.
Воды Энгури, ширакские дали.
Сердце Кахетии — в неге серебряной,
В розовых купах совхоз Цинандали!
Эхо за Ушбой и за Ушгулом,
Синь ледников над могучими сванами
Песне моей откликаются гулом,
Вышли к столу домочадцами зваными.

Сорок мне стукнуло. Если пригнать еще
Новых мучительных сорок на старость —
Не остановит поэта и кладбище —
Молодость той же безусой осталась.
Родины участь — как матери участь,
Заново к сердцу пришла, позвала меня.
И без кремня, не стараясь, не мучась,
Сердце охвачено песней, как пламенем.

Помнишь ли старую повесть, краса моя?
Будь она вдвое древнее Кавказа, —
Слушай же! Я расскажу тебе самую
Черную из незапамятных сказок.
Двое детей твоих брошены в бурю,
К мачте канатами крепко прикручены
И бороною пророка, в Стамбуле,
Клятвой турецкою клясться приучены.

Много дорог с мамелюками пройдено,
Долго тянул янычар свою песню.

Все-таки, все-таки снится им родина,
Где же на карте она? Неизвестно.
Тщетно кривой ятаган был наточен,
Тщетно храпели арабские кони им,
Проданным в рабство, голодным и тощим,
Нет избавленья в притоне драконьем.

Если же мы позабыли их, ты-то ведь
Помнишь и слезы, и кровь, и невзгоды!
Станешь ли, родина, вновь перечитывать
В книге гаданий о днях непогоды?
Разве мы раньше работали мирно —
Правды, труда и свободы сторонники?
Вырви хоть день из неволи всемирной,
Перелистай наши древние хроники.

Был Вавилон, воевали халдеяне.
Дальше не ясен твой путь и не светел.
Миропомазанных ждало рассеянье.
Прах твой развеял скитальческий ветер.
Землю меняли. В больничной палате
Так же меняют подушки горячечным.
Если не в саване смертном, а в платье
Ты подвенечном, о чем же ты плачешь нам?

Сорок мне стукнуло. Если пригнать еще
Новых мучительных сорок на старость —
Не остановит поэта и кладбище —
Молодость той же безусой осталась.
Сорок мне стукнуло. Только бы выстоять
Сорок еще с ремеслом стихотворца.
Лишь бы страну освещало лучистое
Счастье и слава ее ратоборцев.

Эти слова неожиданно выпелись.
Песня не ждет оседания муги,
Чтобы, как оползень горный, осыпались
Чувства, огромные в первой минуте.
В день Конституции мною воспета
Слава ударников — знамя огня.
Я не играю в большого поэта,
Школьник-отличник сильнее меня.

День разукрашен кизиловым золотом.
Ночь — молоко голубое оленье.
Чувство, когда оно сильно и молодо,
Перерождает сердца поколенья.
Смешь ли ты, свою песнь обрывая,
Спрятать за пазуху и не запеть ее,
Если орава гремит хоровая —
«Лилсо» в горных отгулах Сванетии.

Не вспоминаю о сказочных женщинах,
О Кетеване, Медее и Нинс,
С песней великих поэтов обвенчанных,
Царственных, мирно почивших ныне.
Слушай, Рукайя! Мы сделаем сказкой
Новые нас обступившие облики —
Нашу ударницу с красной повязкой,
Паращотистку, летящую в облаке.

Древних монахов, отшельников грамотных,
Двух Теймуразов, Тмогвели, Арчила —
Всех, чье старание с дней незапамятных
Нашу грузинскую речь отточило,
Саба-Сулхана и Гурамишвили
И Руставели семивекового —
Всех я зову, чтобы милость явили
И помогли бы мне песню выковывать.

Верных свидетелей ныне зову я.
Я не стыжусь, что в таком-то году,
Слушая времени речь грозovou,
С бедной вольнкой на праздник иду.

6 июля 1935

БАГДАДСКИЕ НЕБЕСА

Владимиру Маяковскому

Я
в долгу
    перед Бродвейской лампией,
Перед вами,
    багдадские небеса.
Перед Красной Армией,
    перед вишнями Японии —
Перед всем,
    про что
        не успел написать.

(В. Маяковский «Разговор с фининспектором о поэзии»)

Много не сделано — вижу воочию.
Долг у нас общий, и нужен возврат.
Мне вспоминается днем и ночью
Синее небо твоих Багдад.

В душу нам песня могучая вест,
Буйволу шерсть шевеля на спине.
Кто ее силой вполне овладеет?
Кто ее меру постигнет вполне?

С юности сердце вздымавшая птицей,
Слабый язык превращавшая в меч, —
Этого не достигнут тупицы
Под лампией в тысячи свеч.

Слово встает над корой ледниковой,
Камнем летит из пращи сквозь века.
Если не выскажешь новое слово,
Дверь оно силой снесет с косяка.

Да, но когда наконец, напоследки
С жизнью в упор беседует смерть —
В Токио на вишневые ветки

И на поля, что бегут в Саирме,
Падает ровно большое сиянье,
Холод, и трепет, и содроганье.

Много не сделано — вижу воочью.
Долг у нас общий, и нужен возврат.
Мне вспоминается днем и ночью
Синее небо твоих Багдад.

Вновь захотел напомнить тебе я
Тихих Багдад колыбельную песнь.
Нынче апрель. А апрель умеет
В облаке яблонь душу унести.

Матери ртом и губами младенца
Лопнул бутон над бутонем. Во тьме
Съплются яблони. Некуда деться.
Слушай — олени кричат в Саирме.

Дубом огромным среди чащи багдадской
Ты бы в апрельское утро возник.
Вновь дилижанса звонков дожидаться
Вышел бы школьником с сумкою книг.

Снова с тобою, над партой склоненным,
Голые ноги я ставлю рядком.
Виселица царя Соломона —
Пятисотлетний платан за окном:

В небо ушел, окунаясь в грозы
Ночью несокрушимым стволом.
Катит Рион обломки утеса.
Мы, словно рыбы, плещемся в нем.

Нас ожидая, от полного сердца
Птицы свистят и крепчает весна.
...Снова доносится новых марсельцев
Песня, как буря гневна и грозна.

В бешеном свисте нагаек казачьих
Вновь Алиханов рубит сплеча.
...Митинг за митингом! Стачка за стачкой!
Смерть и проклятие палачам!

...Многое, многое вспомнить бы надо.
Радугой стих упадет за леса.
Всё языком трехъярусных радуг
Скажут багдадские небеса.

В Грузии юноши выросли тоже,
Видишь, как смена твоя велика!
В бой они выйдут, не ведая дрожи,
Если к нам сунется войско врага!

Ты нам не должен. И ради Багдады,
Что к грозной лире твоей одну
Накрепко прикрутили когда-то
Поющую по-грузински струну.

...Снова по тихим Багдадам повест
Петая здесь колыбельная песнь.
Нынче апрель. А апрель умеет
В облаке яблонь душу унести.

Матери грудью и ртом ребенка
Лопнул бутон над бутоном. Во тьме
Сыплются яблони... Слушай, как звонко
Нынче олени кричат в Саирме!

Апрель 1936

РОЖДЕНИЕ СТИХА

1

С неба на землю огромным мостом
Был перекинут Эльбрус-великан.
Сдвинулись горы с подножий кругом
В час, когда дэва разил Амиран.

Тополь высокий, стройный и резкий,
Дал на примерку ты деве черкесской.
Трудно сарматского князя сыскать,
Бурку его нелегко разорвать.

Небо в кизиле и горы в кизиле,
Пурпуром залит Эвксинский Понт.
Точно гигантский вздымается грифель —
Старый Эльбрус, заслонив горизонт.

Волны бушуют вокруг исполина,
К горлу стихов подступает лавина.
Солнце взойдет и растопит ее.
Что ж ты печалишься, сердце мое?

С неба на землю огромным мостом
Был перекинут Эльбрус-великан.
Сдвинулись горы с подножий кругом
В час, когда дэва разил Амиран.

Сердце поэта — Эльбрус вековой —
Ждет, когда ветер повеет чудесный.
Сели стихи, как голубки, над бездной —
Знак, что окончен потоп мировой.

8 июня 1936

Слова ни разу я не обронил
 Для сочинения стихотворенья.
 Пульс-сочинитель отверст и раним,
 Страшно: не выдержу сердцебиенья.

Если не высказал то, что хотел
 Выговорить во мгновеньях последних,
 Наспех скажу: не повинен я в тех
 Таинствах, чей я отгадчик, посредник.

О, дорогие мои, никакой
 Силой не вынудить слово и слово,
 Сердце и сердце к согласью. Строкой
 Стройною стал произвол небосвода.

Вкратце твое — а потом нарасхват
 Кровное, скрыгнутое стихотворенье.
 Слово — деянье и подвиг. Раскат
 Славы — досужее слов говоренье.

Стих — это стих, это он, это огонь,
 Вчуже возжепшийся волей своею.
 Спетого мной я услышать не мог.
 Спето — и станет бессмертной свирелью.

Мнится мне: ночь этот стих соткала.
 Бывший ее рукоделием мальм,
 Он увеличится сам — и тогда
 Хлынет и грянет грозой и обвалом.

Прянув с вершин, устрасив высотой
 Чести, страдания и состраданья, —
 Выстоит слабой свечой восковой,
 Свстом питающей мглу мирозданья.

10 июля 1936

ДВЕ АРАГВЫ

Это потоп заливаает долины,
Молния в горные блещет вершины.
Ветра стенанье и ливень в горах,
В музыке той просыпается Бах.
Все здесь возможно, и самоубийство —
Здесь не пустое поэта витийство:
В буре он слышит напев колыбельный,
Гибель надежду ему подает.
Этот клинок безысходно-смертельный
Демон под руку Тамаре сует.
Это шатается Мцыри отважный,
Барсовой кровью заляпан, залит.
Траурный ворон на падали страшной
В устье Арагвы, хмелея, сидит.
Две тут Арагвы, две милых сестрицы, —
Белая с Черной, — как день и как ночь,
Вровень идут, чтобы вдруг устремиться
Прямо в Куру и в Куре изнемочь...

9 июля 1936

Тбилиси

ПРАЗДНИК АЛАВЕРДЫ

Нате Вачнадзе

Огромные арбы покрыты ковром.
Здесь буйвол пугается собственной тени.
Кончают бурдюк с кахетинским вином
Герои Важа из нагорных селений.

Нацелившись боком, влюбленный Кавказ
Простер свою длань к алавердской святыне,
Но церковь сияет и смотрит на нас,
Как голубь, привязанный к этой долине.

И вот к Алазани пробрался рассвет,
Недолго он странствовал в море туманном.
«Не гасни, о день мой, сияньем одет,
А если погас, не свети никогда нам!»

На том берегу, приведенная в дол,
Хмельная отара лежит без движенья,
Как будто накрыли для Миндии стол
Кудесники-дэвы на поле сраженья.

И кончив свой танец, кистин-акробат
Застыл у костра в молчаливом экстазе,
И люди толпятся, и песни шумят
Под звуки шарманки и стон мухамбази.

А что ж не споют нам о белом гусе
И белый кабан не вспомнят доселе?
И новым Леваном любят все,
И песни его умножают веселье.

Здесь жертвенный бык прикольцован к столбу,
Он вырвал бы дзелкву с ее корневищем,
А ныне он жалок: клянет он судьбу,
Испуганный пиром и старым кладбищем.

Седая весталка и нищий юрод
В такое пускаются здесь причитанье,
Что спрыгнул бы сам Вседержитель с высот,
Имей Он в высотах Свое пребыванье.

Народу здесь надобно столько вина,
Сколь может воды в Алазани вместиться,
А сколько он мяса тут съест и пшена -
Никто на земле сосчитать не решится!

Да будут обильны, Кахетия-мать,
Сосцы твои, полные млечного сока!
И тучи выходят на небо опять,
И ночь, словно буйвол, встает одиноко.

Костры с шашлыками горят над рекой,
Слезятся от дыма веселые лица.
Олень угощает оленя травой,
Вином кахетинец поит кахетинца.

Здесь сам Пиросмани, и кистью его
Набросаны арбы и гости на пире.
Важа восхваляет его мастерство,
И туры рога погоняют шаири.

И «Шашви-какаби», и Саят-Нова,
И песни Бесики — для сердца отрада,
И жажда веселья в народе жива,
Когда наступает пора винограда.

*Сентябрь 1936
Тбилиси*

КОЛХИДА ЖДЕТ НОВОГО ОРФЕЯ

Над сыростью древних болот
Сгибались плакучие ивы.
Но верилось мне, что народ,
Упорный и вольнолюбивый,
О будущем счастье поет.
Я видел Колхиду счастливой.

Еще не причалил Язон,
Медея спала без движенья.
Что ж, детские сны не резон,
Но детское воображенье
Рисует во весь горизонт
Троянцев и греков сраженье.

Как сердце ребенка горит,
Как каждая книга на благо,
Как старый бродяга Майн Рид
Воинственной пышет отвагой,
Как пена Риона бурлит
Морскою соленою влагой!

Поэт не такой уж мудрец,
Хоть людям и кажется мудрым.
Я все еще тот сорванец
И вышел рыбачить под утро,
И южного зноя багрец
Еще золотит мои кудри.

И кажется ярче парчи
Холщевой рубахи заплатка,
Сладка кислота алычи,
И райская птица, в ночи
Поющая дико и сладко, —
Как все это хрупко, как шатко!

И образы богатырей,
Плененных монгольской ордою,
Встают по ночам у дверей,
Теснятся в мечтах чередою,
И с каждой весною щедрей
Рассвет над разливной водою.

Танцуют в кустах светлячки.
Под струны старинной чонгури
Читает Натела стихи,
И в бездне рассветной лазури
Алеют вершин ледники.

Озноб продирает по коже:
Негаданно ты наступил
На муравейник. Но кто же
Напасть на тебя напустил?
Ползут и ползут, и похоже,
Что дьявола ты потревожил!

Ты милой не видел в глаза,
Влюбленный в нее, как в Этери,
Но вот в благодатном доверьи
Глаза тебе застит слеза,
И больше очнуться нельзя.

Пусть слезы твои безнадежны,
Ты все-таки плачешь навзрыд.
Вольнка, поющая нежно,
С тобой о любви говорит.
Ты тянешь к ней руки, — и это,
Наверно, рождение поэта.

Не ведали мы отрезвленья
И счастливы лишь оттого,
Что с отрочеством поколенья
Совпало страны торжество.

Мы молодости благодарны,
Мы низко поклонимся ей
За этот рассвет легендарный,
За гордое званье людей.

Не снами, а жизненной явью
Долина Риона живет.
В цветущем обилии и славе
Колхида Орфея зовет.

Декабрь 1936

На судьбу человека глядит с высоты
Алавердский высокий собор,
Словно книг летописных раскрылись листы —
Беды Грузии видит мой взор.

Колокольня и врезанный в небо монах,
Звон тревожен, и плачет народ.
Близ Кварели — лезгинское войско в горах,
Алазань оно перейдет...

Кахетинцев сломили в решительный час.
Бахтриони в багровом огне, —
Словно дань позабыл захватить Шахабаз
И примчался назад на коне!

Плач младенцев не молкнет, погибель их ждет,
На гумне избивают детей...
В Чиаурской дубраве укрылся народ
От неожиданных кровавых гостей.

Долго-долго в печали глядит Теймураз
На измученной матери труп.
Как бы сердце свое не замкнул он сейчас —
Слово скорби срывается с губ.

Он встречает степенных российских послов.
Боль за землю свою велика,
Край грузинский в беде, но за горечью слов —
Свет надежды в душе старика.

Царь над книгой склоняется, верой согрет...
Как мудры Низами и Хайям!
Слезы долго не высохнут, плачет поэт
По родным разоренным краям.

1936

* * *

Уже сломал и растопил Казбек
Январской чистоты своей оковы,
И вновь он слышит, как из века в век:
— Мы в будущем году вернемся снова!

И снова надо Богу доказать,
Что все Тамары — лишь одна Тамара.
...Друг друга сочной травкой угощать
На пастбище олени любят пары;
Лишь хмурый Терек среди разбитых льдин
В своей постели бесится один.

Охотник я и лань убил зимой.
Потом кому-то и меня пришлось
Убить. Я вижу деву: ледяной
Взгляд, гладь расчесанных льняных волос...

1936

* * *

Раздастся крик предсмертный у ворот
Абдушахилом пораженной лани,
И эта рана рану распахнет —
Чем ты поможешь, если сам ты ранен?

И кончиком ножа Баши-Ачук
Полет коня ускорил в нетерпенье,
Как будто в твой тысячесердный стук
Добавил сердца своего биенье.

А облакам белеющим идти,
Им с синевой вовек не расставаться,
Не с ними ли сегодня по пути —
Двум близнецам, двум сестрам Чавчавадзе?

Там, за рекой, подстерегает хан,
Добычу ждет — угоды Цинандали.
И если он удачей осиян,
Его преграды устрашат едва ли.

Как эта сказка нынче далеко,
Ей лишь на миг пришлось с мечтою зняться,
Когда под лунный бубен Верико
Плясала вместе с Натюю Вачнадзе.

Зажег мечты горячий звездопад,
Рожденье мира пели звезды эти,
Сияло небо тысячами Нат.
В ночи стоял сияющий Кахети.

1936

* * *

О, Мкинвари когда проснется
Под гром, вернувшийся сюда,
То в вечной верности клянется
Сползающему морю льда.

Но, застоявшись над тобою,
Мчат ливни, пенясь и звеня.
Ты — друг? Нет, больше. Брат? Нет, больше.
Не знаю, кто ты для меня.

И к двум Арагвам — Белой, Черной —
Арагва слез моих течет.
И мир, еще не нареченный,
Господня взгляда молча ждет

1936

АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ

На холмах Грузии играет солнца луч.
Шумит Арагва, как бывало.
Здесь, на крутой тропе, среди опасных круч,
Мысль о тебе — как гул обвала.

Мы знаем счастье. Мы помним этот миг,
Когда любимой обладали,
И, полный песнями, изнемогал тростник,
И млели розы Цинандали.

Сто лет уже прошло, и тысяча пройдет,
Но пред тобой бессильно время,
И слава звонкая по следу путь найдет
От Эльбруса до Ванкарема.

Погибельный Кавказ! Его живой красы
Ты не узнал бы в наши годы,
Счастливых этих гор не раздрают псы,
Насильники людской свободы.

Ты не услышишь вновь печальной песни той, —
Ее красавица допела.
Протяжный гул работ владеет высотой,
Жизнь молодая закипела.

Пройди мою страну всю из конца в конец,
Куда лишь может свет пробиться,
Везде отыщется горячих пуль свинец
Сразить жандармского убийцу.

Я встану, как хевсур старейший, у котла,
Чтоб в чашу первую, запенясь, потекла
Струя кипучего веселья.

И слово я скажу задравное над ней
В честь храбрых прадедов и в честь советских дней,
О Пушкине и Руставели.

Два гения войдут в один могучий сплав,
Два мощных первенца народа,
Чтоб зазвучал напев, крылат и величав,
И неподкупен, как свобода.

Пусть, как созвездия, горят они вдвоем
Над родиной счастливой нашей.
Мы в память Пушкина и Руставели пьем
И чокаемся звонкой чашей.

20 января 1937

МАТЬ И СЕСТРЫ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

— Что скажу им — Оле и Люде?
Слез своих сестры никак не осушат.
Нет им покоя и больше не будет!

Нет утешенья женщине этой,
Вижу ее со слезами во взоре,
Как всескорбящую мать поэтов,
Всех матерей безутешное горе.

Помню его я с первого шага —
С дней революции в Кутаиси.
Той же решимостью, той же отвагой
В зрелые годы полнились мысли.

Он не в долгу пред своею странюю,
В битвах поэзии первый воитель.
Там, на вершинах, над крутизною
След богатырский остался в граните.

Снежный февраль на московском просторе.
Вьюга ночная пути замечает.
Где-то сверкают Кавказские горы,
В ту же мелодию ветер влетают.

Так светлячки из стихов Церетели,
Так паруса облаков над горами
В строки его навсегда прилетели,
Так водопады стали стихами.

Сестры и мать его, горько и немо,
Плачут над вечной землею Багдади.
Здесь он увидел высокое небо
И сохранил эти выси во взгляде.

Пел Революцию, Красную Пресню,
И со стихом его, гордым, могучим,
Перекликались древнею песней
Наши — грузинские — горные кручи.

Здесь, под багдадскими небесами,
Бронзовый мальчик встанет навечно.
Так я сказал его плачущей маме.
Так я и нашей печали отвечу.

2 апреля 1937
Дербент

НА РАССВЕТЕ

По небу мечется звезда денницы,
С глаз матери исчезнув на рассвете.
Родные ждут возврата баловницы,
Ворота всех небес раскрыв планете.

Лес тянется, река в дыму тумана,
День еле отличим от тьмы полночной.
И скалы выросли, как великаны,
Подернутые пеленой молочной.

Охотник притаился — ждет оленя.
Дрожь на заре пронизывает тело.
Но рядом нет тебя, ты в отдалении, —
А будь ты здесь, как все бы закипело!

Кто эти строки, собственно, выводит —
Здесь твой поэт бродил обыкновенно.
Он и сейчас еще здесь часто бродит,
Но без тебя все потеряло цену.

Август 1937

ВАЖА ПШАВЕЛА НА МТАЦМИНДЕ

Не думала спорить гора с Магометом,
Кто двинется первый на празднестве этом.
Мтацминда поэту тесна не казалась,
Ведь пшавская кровь и на ней проливалась.
И он не просил ее первой явиться:
Решил, как туман, на нее опуститься.

И ожили вдруг помертвевшие кости,
Дошел бы домой он, чем тлеть на погосте.
Он мог бы, как Миндия, прянувший с выси,
Сегодня колена склонить у Тбилиси.
Но был колыбелью поэта Чаргали,
А стрелы Тбилиси его озаряли.

И вдруг он заметил, поднявшись из гроба:
Илья и Акакий на кладбище оба, —
Покоятся рядом их славные тени...
И он преклонил перед ними колени...
Поклона его мы не видели сами,
Арагва шептала о нем со слезами.

23 сентября 1937

КРАТКИЙ ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абашели Сандро (1884—1954) — поэт, литературовед, общественный деятель.

Абдушахил (Абдушагиль) — герой повести А.Церетели «Баши-Ачук».

Автандил — герой поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Ага-Мохаммед-хан (Ага-Мамед-хан) — шах Ирана (конец XVIII в.).

Алаверди — храм X в. в Кахетии. Также название храмового праздника (Алавердоба).

Алагез (Агзевань — груз.; Арагац — арм.) — гора в Армении.

Александр — царевич Александр (XVIII в.) — после присоединения Грузии к России остался приверженцем независимости своей родины.

Алиханов — генерал, начальник карательной экспедиции по подавлению гурийского революционного движения (1905 г.).

Амиран (Амирани) — герой грузинского эпоса; подобно Прометею, похитил небесный огонь для людей.

Ананури — селение и крепость на Военно-Грузинской дороге.

Аракс — река в Восточном Закавказье.

Арсенишвили Али — критик, друг Т.Табидзе.

Артани — деревня в Грузии.

Арчил (Арчил II) — сын картлийского царя Вахтанга V, грузинский государственный деятель, поэт, литератор и историк.

Аспиндза — город на юге Грузии.

Атабек — феодальный правитель юго-западной части Грузии.

Ахметели Сандро (1886—1937) — выдающийся режиссер.

Ачхоти — селение в Грузии.

Багдади — деревня в Западной Грузии, где родился В.Маяковский.

Бараташвили Николоз (1817—1845) — выдающийся поэт-романтик.

Батонишвили Иоанн (1768—1839) — грузинский царевич, автор книги «Калмасоба» (Хождение по сбору), где изложение основ ряда отраслей науки и искусства сочетается с показом широкой картины нравов, быта, истории и культуры грузин на рубеже XVIII—XIX вв. Энциклопедичностью напоминает роман Рабле.

Баши-Ачук — герой одноименной повести А.Церетели.

Бэсики — псевдоним выдающегося грузинского поэта Бессариона Габашвили (1749—1791).

Банкский собор — армянский собор в Тбилиси, построен в 1580 г., снесен в конце 30-х годов нашего века.

Вардисубани — улица в Тбилиси.

Васадзе Акакий (1899—1978) — известный актер и режиссер.

Вачнадзе Ната (1904—1953) — грузинская киноактриса.

Вахушти (ок. 1696—1772) — грузинский историк, географ и лексикограф. Сын царя Вахтанга VI, дед П.И.Багратиона, героя Отечественной войны 1812 г.

Вепхвисткаосани — «Витязь в тигровой шкуре», поэма Шота Руставели.

Верико Анджапаридзе (1900—1987) — знаменитая актриса.

«*Восстание в Гурии*» — исторический роман Э.Ниношвили.

Галактион Табидзе (1893—1958) — известный поэт, двоюродный брат Тициана Табидзе.

Гаприндашвили Валериан (1889—1941) — поэт, теоретик грузинского символизма и активный член группы «Голубые роги».

Гильгамеш — правитель шумерского города Урука в начале III тысячелетия до н.э.

Глданели Кула — известный борец.

Гоги — Григол Робакидзе (1884—1962) — поэт, прозаик, теоретик группы «Голубые роги».

Горгасал (Горгаслан) *Вахтанг* — прозвище царя Вахтанга I (буквально: волколев), который, согласно преданию, основал в V в. Тбилиси.

Гуниб — старинный аварский аул, последний оплот Шамиля.

Гурамишвили Давид (1705—1792) — известный поэт.

Гуриели Мамиа (1836—1891) — поэт, часто воспевавший в стихах старую Грузию и царицу Тамару.

Гляр — так мусульмане называли иноверцев.

Давид (Давид Строитель) — царь, во времена правления которого, в XI веке, произошло объединение Грузии.

Дадiani Шалва (1874—1958) — писатель, драматург.

Дашнаки — члены армянской националистической организации «Дашнакцутюн».

Дедас Левана — кахетинский народный певец.

Дезертирский базар — один из тбилисских базаров, расположенный вблизи вокзала, где в те годы солдаты часто продавали свои вещи.

Джавахишвили Иванэ (1876—1940) — академик, историк.

Джакели Саргис — знаменитый полководец XII в., владетель Месхетии.

Джорджиашвили Арсен — революционер, убивший в 1906 г. тифлисского генерал-губернатора.

Дзелква — каменное дерево, разновидность вяза с очень крепкой древесиной.

Дэвы — сказочные персонажи, олицетворяющие злые силы природы.

Зангезур — название юго-восточной части Армении.

Звартноц — древний город в Армении, ныне разрушенный.

Илаяли — имя, придуманное героем романа К.Гамсуна «Голод».

Ило, Зенон — братья Н.А.Табидзе, жены Т.Табидзе.

Иракли-тапа (гора Ираклия) — гора близ Еревана, названная в честь Ираклия II.

Ираклий II (1720—1798) — царь, выдающийся государственный деятель и полководец, в 1762 г. объединил Кахетинское и Карталинское царства.

Кабахи — район Тбилиси, где был ипподром, а позднее — сад князей Орбелиани.

Каджи — сказочное существо: бес, дьявол.

Казалишвили Ягор — (ум. в 1935) — народный поэт-горец и отважный альпинист-проводник.

Казбеги Сандро (1848—1893) — прозаик, писавший о жизни грузин-горцев.

Карабекир-паша — командующий турецкой армией на закавказском фронте во время первой мировой войны.

Каралашвили — грузинский народный певец.

Карачохели — уличные торговцы, разносчики.

Карс — крепость в турецкой Армении.

Картлис цховреба («Житие Грузии») — свод исторических хроник.

Картлос — легендарный прародитель грузин.

Кашвети — церковь, памятник древней архитектуры на проспекте Руставели.

Кахабери — прославленный грузинский витязь средневековья.

Кварели — село в Грузии, расположенное в долине реки Алазани. Родина И.Чавчавадзе.

Киммерийцы — древнейшие из известных науке племен, населявших Северное Причерноморье.

Кистины (кисты) — грузинское название ингушей.

Короглы (Кёроглы) — развалины средневекового замка в окрестностях Тбилиси.

Крцаниси — местность недалеко от Тбилиси, где в 1795 г. произошло сражение между войском Ага-Мохаммед-хана и грузинскими войсками под командованием царя Ираклия II.

Леонидзе Георгий (1899—1966) — известный поэт, академик.

Леонидзе Соломон — канцлер Ираклия II. Он и его жена Софья противились решению царя отдаться под покровительство России.

- Макашвили Нина* (1900—1964) — девичья фамилия Н.А.Табидзе, жены поэта.
- Марабда* — местность возле Тбилиси, где в 1624 г. произошла битва между грузинским и персидским войсками.
- Марджанишвили Котэ* (1872—1933) — выдающийся режиссер и актер.
- Медея* — дочь колхидского царя Аэга, колдунья, помогла Язону завладеть золотым руном.
- Мелита Чолокашвили* — знакомая Т.Табидзе.
- Мерани* — крылатый конь (Пегас).
- Метехи* — сначала крепость и дворец грузинских царей, позднее — тюремный замок, сейчас — храм на высоком левом берегу Куры.
- Миндия* — герой поэмы В.Пшавела «Змеед», наделенный сверхчеловеческой мудростью и способностью понимать язык зверей.
- Мкинвари* — Казбек.
- Моди-Нахе* (Приди-посмотри) — старинная крепость в Западной Грузии над рекой Квирила, принадлежавшая некогда феодалам из рода Цертели.
- Мохевы* (мохевцы) — наименование грузин, населяющих Хеви, одну из горных областей Грузии.
- Моурави* — высшая административная должность в феодальной Грузии. Зд.: Георгий Саакадзе, бывший моуравом при дворе царя Луарсаба II.
- Мравалжамиер* («Многие лета») — заздравная песня.
- Мтацминда* (Святая гора) — там, у монастыря св.Давида, расположен пантеон писателей и общественных деятелей Грузии.
- Мтквари* (Кура) — река, на которой стоит Тбилиси.
- Мтрехели* — грузинский революционер.
- Мухамбази* — форма восточного стихосложения, которую использовали многие кавказские поэты.
- Мухрани* (Мухрань) — Мухранская долина.
- Мцхета* — древняя столица Грузии.
- Мэри Шервашидзе* — бывшая фрейлина императорского двора, ее рисовал художник С.Сорин (1878—1953).
- Мюрид* — послушник, последователь имама у мусульман.
- Надирадзе Колау* (1894—1990) — поэт, участник группы «Голубые роги».
- Наири* — в ассирийских клинописях название союза племен, населявших Армянское нагорье во 2-ой половине II в. до н.э. Около 860 г. до н.э. из этого союза выделилось самостоятельное государство Урарту (Халдея).
- Нарикала* — старинная крепость в Тбилиси.
- Нина* — святая, принесшая в IV в. христианство в Грузию.
- Одзелашвили Арсен* — возглавил в 30-е годы XIX века восстание грузинских крестьян. Герой сказаний и песен.
- Окроканы* — селение в окрестностях Тбилиси.

- Орбелиани Григол* (1804—1883) — известный поэт-романтик.
- Орбелиани Сулхан-Саба* (1658—1725) — знаменитый писатель, ученый, лексикограф.
- Ортачалы* — район на окраине старого Тбилиси, знаменитый фруктовыми садами.
- «*Пир возле стен Еревана*» (точнее — «Пир после Ереванской битвы») — подзаголовок «Заздравного тоста» Гр. Орбелиани, написанного в честь победы русских войск над персами в Армении.
- Пиросмани* (Пиросманишвили Нико) — выдающийся грузинский народный художник-самоучка (ум. в 1921 г.).
- Понт Эвксинский* — Черное море.
- Пшавела Важа* (1861—1915) — псевдоним выдающегося поэта Луки Рацикашвили.
- Рами* — особая китайская крапива, которую разводят для выработки прочных тканей.
- Раукайя* — героиня пьесы А.И. Сумбатова-Южина «Измена».
- Саакадзе Георгий* (ок. 1580—1629) — полководец и политический деятель.
- Саганели Гион* — один из поэтов-голуборожцев, умерший молодым.
- Саирме* — местечко в Западной Грузии недалеко от Багдади.
- Сараджишвили Вано* (1879—1924) — знаменитый певец, народный артист Грузии.
- Сарданапал* (Асур-Банипал) — последний ассирийский царь (VII в. до н.э.). Его библиотека содержала большое собрание клинописных исторических хроник.
- Сардар* — звание персидских сановников.
- Сартачалы* — деревня в Кахетии, заселенная немецкими колонистами.
- Сартичалы* — местность недалеко от Тбилиси.
- Саят-Нова* — литературный псевдоним Арутина Саядяна (1712—1795), крупнейшего поэта Закавказья, писавшего на армянском, грузинском и азербайджанском языках.
- Светицховели* — храм Столпа Животворящего. Древний кафедральный собор во Мцхете.
- Сиони* — кафедральный собор в Тбилиси.
- Соганлуг* — местность к юго-востоку от Тбилиси на левом берегу Куры.
- Соломон* — грузинский царь Соломон вступил на престол в Имеретии и возглавил борьбу за объединение Западной Грузии и освобождение ее от турецкого господства.
- Спасалар* — военачальник, воевода.
- Тамара* (Тамар) — царица Грузии (1184—1213), при которой страна до-

стигла высокого культурного, политического и экономического развития.

Тамара (Тамара Яшвили) — жена поэта Паоло Яшвили.

Танит Табидзе — стихотворение посвящено дочери Т.Табидзе — Ните (р. 1921).

Тапаравани — озеро на юге Грузии, в Ахалкалакском районе.

Тари — восточный струнный музыкальный инструмент.

Ташискарри — местность в окрестностях Боржоми, где Великий Моурави Георгий Саакадзе разгромил войско крымских татар.

Теймураз — имя грузинского царя и поэта XVII в. (возможно, Табидзе имел в виду другого царя и поэта, Теймураза II, жившего в XVIII в.).

Тмогвели Саргис — грузинский писатель XII в.

Толумбаш — тамада.

Туманян Ованес (1869—1923) — классик армянской литературы.

Убрус — деталь головного убора священника.

Удзо — гора в окрестностях Тбилиси с руинами старой церкви на вершине.

Ушба — труднодоступная гора в Верхней Сванетии.

Ушгул — горная вершина и селение в Верхней Сванетии.

Фатма-Хатун — персонаж поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Хевсур (хевсуры) — наименование грузин, населяющих Хевсурети, высокогорную область Восточной Грузии.

«*Химерион*» — артистическое кафе в Тбилиси, где собирались поэты. Стены кафе были расписаны художниками С.Судейкиным, Д.Какабадзе, Л.Гудиашвили.

Химикаури — хевсур, герой поэмы В.Пшавела «Сон Ираклия».

Цертели Акакий (1840—1915) — крупнейший поэт и общественный деятель.

Циклаури Гаха — знаменитый альпинист, погибший в горах.

Цинандали — имение князей Чавчавадзе. Одна из дочерей поэта князя Александра Чавчавадзе — Нина, впоследствии жена А.С.Грибоедова.

Цицамури — место, где в 1907 г. был убит И.Чавчавадзе.

Цнобис пурцели (листок знаний — груз.) — газета «Вестник».

Чавчавадзе Илья (1837—1907) — выдающийся грузинский поэт и общественный деятель.

Чагатар — сын Чингисхана.

Чаладиди — заболоченные места в Колхиде.

Чаландари — погонщик вьючных лошадей.

Чаргали — деревня в Грузии, где родился и умер Важа Пшавела.

«*Чарирами*» — народная западногрузинская песня.

Чачнагир — герой поэмы Ш.Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Чонгури — народный струнный смычковый инструмент.

Чхеидзе Ушанги (1898—1953) — драматический актер.

Шавнабада (Черная бурка — *груз.*) — гора около Тбилиси, потухший вулкан.

Шамиль (1798—1871) — возглавил борьбу горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики царизма.

Шаншиашвили Сандро (1888—1979) — поэт и драматург.

Шахабаз (Шах Аббас) — персидский шах. В середине XVII века между его войском и войском царя Теймураза I произошла битва.

Шахсей-Вахсей — мусульманский религиозный праздник, отличавшийся особым изуверством и дикостью.

Шашви-какаби (*груз.*) — дрозд-куропатка.

Шильда — деревня в Кахетии.

Эристави — титул полунезависимого феодального властителя старой Грузии.

Эристави Рафаэл (1824—1901) — известный грузинский поэт и краевед.

Этери — героиня грузинского народного сказания «Абесалом и Этери».

Ярали — грузинский поэт из рода Шаншиашвили, друг Г.Орбелиани.

Яшвили Паоло (1894—1937) — поэт, близкий друг Т.Табидзе.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Цурикова. Пепел рассвета.....</i>	4
<i>Из автобиографии.....</i>	15

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ*

<i>«А он коварно улыбался». Перевод А. Кушнера.....</i>	27
<i>Цветок. Перевод А. Кушнера.....</i>	28
<i>Памяти Мелитона Чоговадзе. Перевод А. Кушнера.....</i>	29
<i>«Тихая ночь, немота во вселенной...» Перевод Ю. Даниэля.....</i>	30
<i>«Ветром вечерним, еле слышимым...» Перевод Ю. Михайлика.....</i>	31
<i>Элегия. Перевод А. Кушнера.....</i>	32
<i>Мать природа. Перевод А. Кушнера.....</i>	33
<i>Трепещи, Валтасар! Перевод П. Антокольского.....</i>	34
<i>Муза. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	35
<i>Мчись, Демон! Перевод А. Кушнера.....</i>	36
<i>Песнь странника. Перевод А. Кушнера.....</i>	37
<i>Скорбь. Перевод А. Кушнера.....</i>	38
<i>Мелодия. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	39
<i>«Я прикоснулся к чонгури и замер...» Перевод Ю. Михайлика.....</i>	40
<i>«Мне только слезы стали утешеньем». Перевод Н. Соколовской.....</i>	41
<i>Песнь Медеи. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	42
<i>В Цинандали. Перевод А. Кушнера.....</i>	43
<i>Песня Мадонны. Перевод А. Кушнера.....</i>	44
<i>Песня путника. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	45
<i>Моя песня. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	46
<i>Песня грусти. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	47
<i>Серенада. Перевод Б. Резникова.....</i>	48
<i>Восхваление. Перевод Ю. Даниэля.....</i>	49
<i>Ангел тишины. Перевод Ю. Ряшенцева.....</i>	50
<i>К Адонаи. Перевод Б. Резникова.....</i>	51

---

*Даты приведены по книге «Тициан Табидзе. Стихи. Поэмы. Проза. Письма» Тбилиси, «Мерани», 1985г. (на грузинском языке).

Медея. Перевод Б.Резникова.....	52
Плач. Перевод А.Кушнера.....	53
Осенняя ночь. Перевод А.Кушнера.....	54
На крыльях мечты. Перевод Ю.Даниэля.....	55
На кладбище. Перевод И.Мельниковой.....	56
Мертвая легенда. Перевод Ю.Даниэля.....	57
Серенада. Перевод Ю.Даниэля.....	58
Осенняя ночь. Перевод Ю.Даниэля.....	59
Nocturne. Перевод А.Кушнера.....	60
«Слова о том, что я тебя любил...» Перевод Ю.Ряшенцева.....	61
Верните. Перевод А.Кушнера.....	62
Ночь печали. Перевод Ю.Даниэля.....	63
Голубой Эдем. Перевод Ю.Ряшенцева.....	64
«Ни молнии, ни ливень проливной...» Перевод Н.Соколовской.....	65
«Зачем я здесь, зачем пришел сюда я...» Перевод Ю.Даниэля.....	66
«Тихой музыки слезы льются в ночное небо...» Перевод Ю.Даниэля.....	67
На маскараде. Перевод Ю.Ряшенцева.....	68
Сны Халдеи. Перевод С.Ботвинника.....	69
Сонет поэта. Перевод Н.Соколовской.....	70
Белое сновидение. Перевод Ю.Ряшенцева.....	71
Князь Магог. Перевод Ю.Ряшенцева.....	72
Дальней. Перевод Л.Мартынова.....	73
В парке. Перевод И.Мельниковой.....	74
Моя книга. Перевод Н.Заболоцкого.....	75
Ноябрь. Перевод Л.Озерова.....	76
Цветы голубоглазые. Перевод М.Шехтера.....	77
Пьеро. Перевод И.Мельниковой.....	78
Автопортрет. Перевод Б.Пастернака.....	79
Маг-прародитель. Перевод Б.Лившица.....	80
Без доспехов. Перевод Б.Лившица.....	82
L'art roétique. Перевод И.Мельниковой.....	83
Халдейское солнце. Перевод Б.Лившица.....	84
Фатъма-Хатун. Перевод С.Спасского.....	86
Король балагана. Перевод П.Антокольского.....	87
Петербург. Перевод Б.Пастернака.....	88
Ванкский собор. Перевод И.Мельниковой.....	89
Халдейский балаган. Перевод Л.Мальцева.....	90
Второе апреля. Перевод Ю.Михайлика.....	91
Валериану Гаприндашвили. Перевод П.Антокольского.....	92
Священник и малярия. Перевод И.Дадашидзе.....	93
Сезон в Орпире. Перевод Н.Соколовской.....	94
Сатурн и малярия. Перевод И.Мельниковой.....	95
Бирнамский лес. Перевод Ю.Ряшенцева.....	96
«Священник и малярия» в грубу. Перевод В.Леоновича.....	97

Паоло Яшвили. <i>Перевод П. Антокольского</i>	98
Знамя киммерийцев. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	99
Ангел-всадник (поэма). <i>Перевод Б. Резникова</i>	101
Нине Макашвили. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	104
Чемпион сезона. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	105
Мелите. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	106
Гион Саганели. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	107
23 апреля 1923 года. <i>Перевод И. Мельниковой</i>	108
Орпирский златоуст. <i>Перевод А. Ахундовой</i>	109
Мелита. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	111
Тбилиси. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	112
Скверное воскресенье. <i>Перевод С. Ботвинника</i>	113
Мухамбази, которое не поется. <i>Перевод Л. Мальцева</i>	115
Растянутый мадригал. <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	116
Матери. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	117
Тамуне Церетели. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	119
Илаяли. <i>Перевод А. Ахундовой</i>	120
Посвящается чужестранке. <i>Перевод С. Спасского</i>	122
Из поэмы «Чагатар». <i>Перевод С. Гандлевского</i>	123
«Жить легко и свободно хочу я, несвязанный атом...» <i>Перевод Б. Резникова</i>	125
«Вспомнилось детство, топи Орпири...» <i>Перевод С. Ботвинника</i>	126
Орпири. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	127
Сергею Есенину. <i>Перевод С. Гандлевского</i>	128
Танит Табидзе. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	130
Не удивляйся. <i>Перевод Н. Соколовской</i>	131
«Мне свеча святая Алаверди...» <i>Перевод С. Гандлевского</i>	132
Надпись на книге «Ангел-всадник». <i>Перевод Б. Резникова</i>	133
Скифская элегия. <i>Перевод С. Гандлевского</i>	134
«Иду со стороны черкесской...» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	136
Карменсита. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	137
«Привозит дилижанс...» <i>Перевод Ю. Ряшенцева</i>	138
Апрель в Орпири. <i>Перевод Ю. Михайлика</i>	139
Заздравный тост. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	140
«Высоким будь, как были предки...» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	141
«Трижды существуя...» <i>Перевод Б. Пастернака</i>	142
Еврейская мелодия. <i>Перевод Ю. Даниэля</i>	143
Исе Назаровой. <i>Перевод Ю. Михайлика</i>	146
В Ананури. <i>Перевод И. Дадашидзе</i>	147
Понт Эвксинский. <i>Перевод В. Леоновича</i>	148
Издравле. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	149
Шарманщики и поэты. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	150
Встреча с Константином Бальмонтом близ Москвы в Лесном городке. <i>Перевод А. Ахундовой</i>	152
Тбилисская ночь. <i>Перевод П. Антокольского</i>	154

СОДЕРЖАНИЕ

В Кахетии. <i>Перевод Н.Тихонова</i>	155
«Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...» <i>Перевод Б.Пастернака</i>	156
Того скрывать не надо. <i>Перевод П.Антокольского</i>	157
Гуниб. <i>Перевод П.Антокольского</i>	158
Запоздалые скачки. <i>Перевод С.Ботвинника</i>	159
Ликование. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	160
Шапка Гарибальди. <i>Перевод М.Шехтера</i>	161
Восходит солнце, светает. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	162
Из Соганлуга. <i>Перевод Н.Соколовской</i>	163
Брату Галактиону. <i>Перевод П.Антокольского</i>	164
В Гомборах. <i>Перевод С.Спасского</i>	165
«Брат мой, для пеняя пришли, не для распрей...» <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	166
Сентиментальное путешествие. <i>Перевод И.Мельниковой</i>	167
Ярали. <i>Перевод К.Арсеновой</i>	168
Сельская ночь. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	170
Роальд Амундсен (поэма). <i>Перевод С.Гандлевского</i>	171
Окроканы. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	179
Осенний день в Окроканах. <i>Перевод Н.Тихонова</i>	180
Из цикла «Всем сердцем»:	
«Это меня удивляет — стих...» <i>Перевод Л.Озерова</i>	182
«Друзья, старинный облысел Парнас...» <i>Перевод Л.Озерова</i>	182
Тапараванское сказание. <i>Перевод Н.Заболоцкого</i>	184
Тамуне Церетели. <i>Перевод В.Леонovichа</i>	185
В Армении:	
Камни говорят. <i>Перевод Н.Тихонова</i>	186
Лазурь в лазури. <i>Перевод А.Ахундовой</i>	187
И автодор большой пустыни... <i>Перевод С.Гандлевского</i>	188
Сбылась мечта поэтов. <i>Перевод Н.Тихонова</i>	190
Здравица. <i>Перевод Н.Тихонова</i>	191
Поездка в Агзевань. <i>Перевод А.Ахундовой</i>	194
«Во веки веков не отнимут свободы...» <i>Перевод Л.Мальцева</i>	195
Стихи о Мухранской долине. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	196
За лавиной — лавина. <i>Перевод Л.Озерова</i>	197
«Поэты, безутешно плача, пели...» <i>Перевод Н.Тихонова</i>	198
«Лежу в Орпире мальчиком в жару...» <i>Перевод Б.Пастернака</i>	199
Картлис Цховреба. <i>Перевод П.Антокольского</i>	200
Акакию Васадзе. <i>Перевод Ю.Михайлика</i>	202
Надпись на кубке. <i>Перевод А.Кушнера</i>	203
Родина. <i>Перевод П.Антокольского</i>	204
Багдадские небеса. <i>Перевод В.Державина</i>	208
Рождение стиха:	
1. «С неба на землю огромным мостом...» <i>Перевод Н.Заболоцкого</i>	211

СОДЕРЖАНИЕ

2.«Слова ни разу я не обронил...» <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	212
Две Арагвы. <i>Перевод Н.Заболоцкого</i>	213
Праздник Алаверды. <i>Перевод Н.Заболоцкого</i>	214
Колхида ждет нового Орфея. <i>Перевод П.Антокольского</i>	216
«На судьбу человека глядит с высоты...» <i>Перевод С.Ботвинника</i>	218
«Уже сломал и растопил Казбек...» <i>Перевод Б.Резникова</i>	219
«Раздастся крик предсмертный у ворот...» <i>Перевод Ю.Даниэля</i>	220
«О, Мкинвари когда проснется...» <i>Перевод Ю.Ряшенцева</i>	221
Александрю Пушкину. <i>Перевод П.Антокольского</i>	222
Мать и сестры Владимира Маяковского. <i>Перевод П.Антокольского</i>	224
На рассвете. <i>Перевод Б.Пастернака</i>	226
«Так же просто, как в Мухрани...» <i>Перевод Б.Ахмадулиной</i>	227
Важа Пшавела на Мтацминде. <i>Перевод Н.Заболоцкого</i>	228
Краткий пояснительный словарь.....	229

Тициан ТАБИДЗЕ

Автопортрет

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор *Л.А.Николаева*
Художественно-технический редактор *Г.Л.Лапишова*
Корректор *В.Г.Степанова*

Подписано в печать 15.02.95г. Формат 84x108^{1/32}. Объем 7,5 п.л.
Гарнитура Тип Таймс.Тираж 3000. Заказ 106 .

Книгоиздательство «Всемирное слово». Санкт-Петербург,
Шпалерная ул., 18. ЛЗ № 1600 от 27.02.91г.
ГППП-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВСЕМИРНОЕ СЛОВО»
Санкт-Петербург
1995